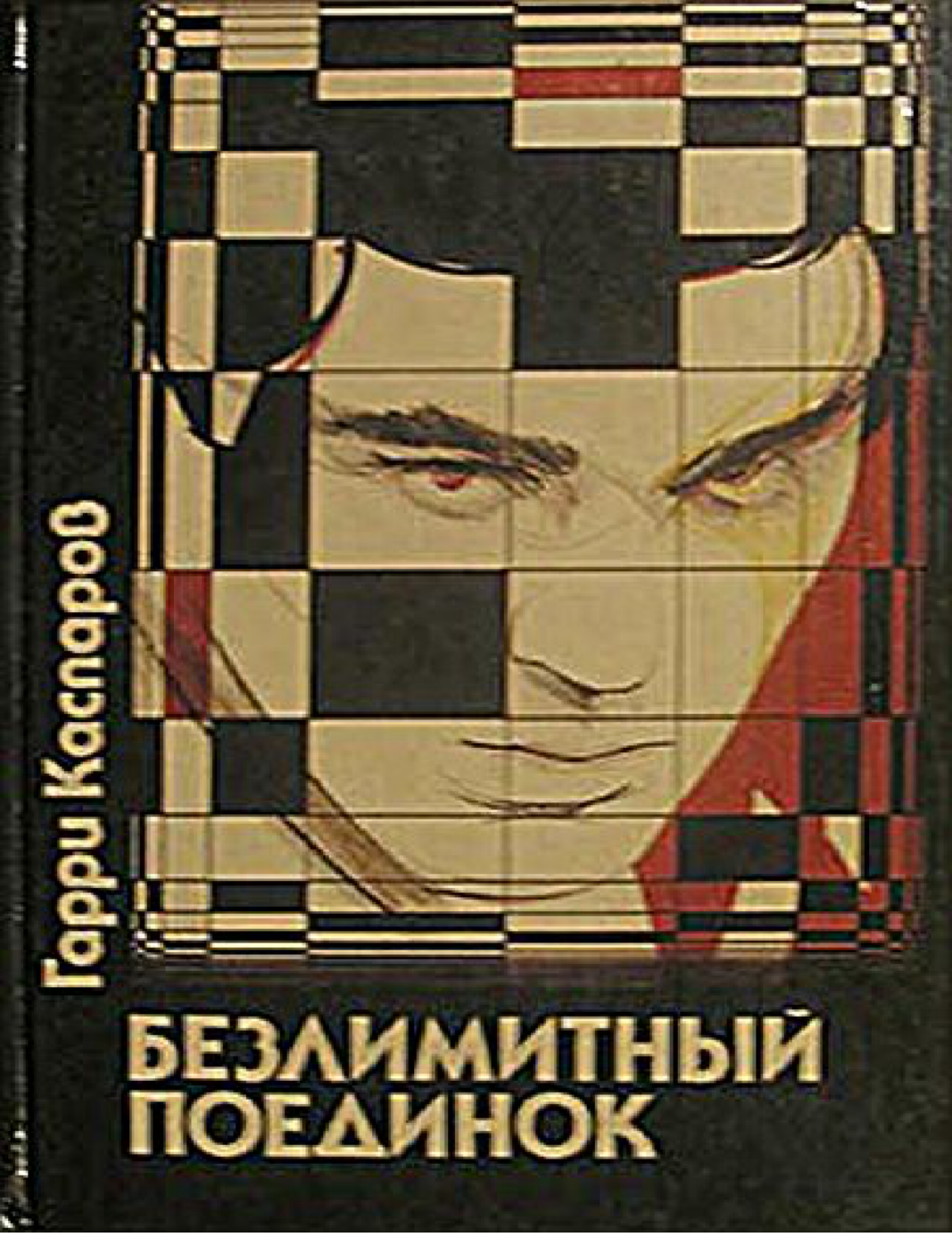

Гарри Каспаров
БЕЗЛИМИТНЫЙ ПОЕДИНОК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге «Безлимитный поединок» тринадцатый чемпион мира Г.К.Каспаров рассказывает о своем спортивном и творческом пути, о своих шахматных воззрениях. В центре повествования — многолетнее единоборство с А. Карповым, непростые взаимоотношения с ФИДЕ, Госкомспортом СССР и Советской шахматной федерацией, последовательная борьба за демократическое переустройство шахматного мира.

Рассчитана на широкий круг любителей шахмат.

- Гарри Каспаров
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Мальчик из Баку
  - Школа
  - Взрослые игры
  - «Другой нам не нужен!»
  - Да здравствует король!
  - Война и мир
  - Лицом к лицу
  - Цирк Кампо
  - Тринадцатый
  - Возвращение на землю
  - Нож в спину
  - Второй фронт
  - «Нечистая сила»
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - Фото Д. Донского, Б. Кауфмана, Р. Фернандеса и из семейного архива Каспаровых

Гарри Каспаров
БЕЗЛИМИТНЫЙ ПОЕДИНОК

ПРЕДИСЛОВИЕ
«Дитя перемен»

10 ноября 1985 года, на следующий день после того, как я стал чемпионом мира, Рона Яковлевна Петросян сказала мне нечто неожиданное: «Гарри, мне жаль вас». В душе я сразу отверг ее слова, тем более что сказано это было в тот момент, когда я вместе с друзьями праздновал в Москве свою победу. Чего меня жалеть? Я только что завоевал мировую корону, мне двадцать два, я самый молодой чемпион в истории шахмат!

Но я знал, что Рона Яковлевна — человек сведущий и многоопытный. Уже не раз она делала мне важные предупреждения, и у меня не было причин не доверять ее интуиции. «Но почему меня нужно жалеть?!» Я напрямик спросил об этом Рону Яковлевну. «Мне жаль вас, Гарри, — ответила она, — потому что ваш самый счастливый день уже позади!»

Слишком рано еще говорить о том, права ли была вдова девятого чемпиона мира. В конце концов, мне и сейчас только двадцать шесть. Но в ее словах я почувствовал тогда и другой, более глубокий смысл. Было в них какое-то смутное беспокойство, как бы предвосхищение моих будущих проблем. И это отозвалось в душе тревожной нотой…

Мама считает самым важным днем моей жизни 13 апреля 1963 года — день, когда я родился. Собственно, это могло случиться и днем позже, так как я появился на свет в 23.45. В известном смысле мама предпочла бы, чтобы так и произошло. Но родился я все-таки 13-го, и, вопреки всем суевериям, эта цифра оказалась для меня счастливой. Настолько, что я даже стал тринадцатым чемпионом мира.

Но для меня самой памятной стала другая дата — 15 февраля 1985 года, постыдный день в истории шахмат, когда президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес с благословения нашего спортивного руководства прервал мой первый матч за мировое первенство с Анатолием Карповым. Прошли годы, но драматические события, случившиеся в тот день на пресс-конференции в гостинице «Спорт», до сих пор отдаются эхом в шахматном мире.

Сейчас я понимаю, что в те считанные секунды, за которые я тогда преодолел путь из зрительного зала к трибуне, чтобы заявить свой протест против незаконного решения, я сделал самый важный выбор в жизни. В тот день я бросил вызов своим противникам, моя борьба стала открытой!

Вероятно, мы никогда не узнаем всех деталей сговора между Кампоманесом, Карповым и руководителями Госкомспорта СССР. Но в одном можно быть уверенным: это замышлялось не для «спасения» Каспарова. И, однако, как уже бывало в тяжелые моменты жизни, судьба удивительным образом все обернула в мою пользу. Всякий раз, когда, просматривая видеокассету с записью пресс-конференции, я задерживаю кадр с растерянным лицом Кампоманеса, вижу его бегающие глаза, я укрепляюсь в вере, что борьба, начатая мной в тот день, — справедливая борьба. Она выходит далеко за пределы шахмат, потому что касается самого главного — того, как люди в этом мире должны и как не должны вести себя по отношению друг к другу…

Окончание матч-реванша в октябре 1986 года не только подводило итог тяжелейшим испытаниям, выпавшим на мою долю в ходе борьбы за шахматную корону, но и давало наконец хоть какую-то передышку. Именно в те дни созрел замысел собрать воедино фактический материал и попытаться создать целостную картину пережитого, для того чтобы люди могли лучше понять подлинный смысл той борьбы, которую я продолжаю вести, и уяснить природу противостоящих сил. Я понимал, что, когда приходится писать по горячим следам событий, на многое неизбежно накладывается отпечаток незавершенности действия. Но ведь в данном случае можно было говорить и о целом жизненном этапе: я стал чемпионом мира.

…Евгений Евтушенко, написав в начале 60-х годов автобиографию, изданную на Западе, назвал ее «преждевременной», а спустя четверть века, выступая в Центральном Доме литераторов, откровенно признался: «В тридцать лет такие книги не пишут».

А в двадцать четыре? И все же не будем спешить с выводами. Конечно, с возрастом мы становимся объективнее, сдержаннее в оценках. Но становимся ли мы искреннее? Я думаю, что годы притупляют остроту реакции, свежесть взгляда на многое, что было ранее, и мы невольно начинаем подгонять факты под события, которые произошли позже.

Есть и другой стимул для столь раннего написания автобиографии: понимание того, что такая книга — часть твоей борьбы, что необходимо как можно скорее сформулировать и открыто провозгласить свои жизненные принципы…

Должен сразу оговориться, что публикация книги «Дитя перемен» («Child of change») у нас в стране не входила поначалу в мои планы. И отнюдь не потому, что я этого не хотел, просто надежд на ее издание было тогда крайне мало. Но наша жизнь стремительно меняется, и шахматная — тоже…

Все благоприятствовало написанию книги. Перестройка в стране набирала силу, гласность начала проникать в самые глухие зоны политической жизни, на Западе резко повысился интерес к происходящим у нас событиям. Моим соавтором стал Дональд Трелфорд — видный английский политический обозреватель, главный редактор еженедельника «Observer». Имевшийся у меня опыт интервью, в том числе и в западной прессе, позволял надеяться на успешное решение сложной задачи. Ведь книга «Дитя перемен» даже не писалась — я просто наговаривал ее на диктофон на английском языке, которым владею, конечно, много хуже, чем родным русским. К тому же подгоняли сроки: завершение работы над книгой совпало с подготовкой к севильскому матчу.

Увы, всех трудностей преодолеть не удалось. Несмотря на прекрасное переложение Трелфорда, мои взгляды и мысли не нашли полного отражения в книге. Тем не менее мне удалось получить необходимый опыт, нащупать свою форму подачи материала.

Выход книги «Дитя перемен» одновременно на шести европейских языках переполошил тех, кто надеялся с помощью послушных органов печати представить свои деяния в выгодном свете. Неудивительно, что сразу же по окончании матча в Севилье у нас в стране началась мощная газетная кампания против книги.

Но спрашивается: если книга на русском языке не издана, никто ее не читал, то как можно заводить серьезный разговор о ней, а тем более устраивать ее осуждение? Не в духе ли это былых времен, о которых один писатель остроумно сказал: «Мы знали все ошибки Фейербаха, не прочитав ни одной его строчки»?

Любопытно, что другую мою книгу — «Два матча», вышедшую в канун севильского поединка, «заинтересованные лица» просто не заметили, и никаких дискуссий о ней в печати не возникало. Хотя она не менее острая, а во многом открыто полемичная. Видимо, причина в том, что она издана у нас в стране. И если бы кому-то вздумалось вырвать из контекста цитату и произвольно истолковать ее, как это делают иные мои оппоненты, высказываясь о книге «Дитя перемен», то любой читатель без труда мог бы уличить подобного критика в недобросовестности. Когда же такой возможности нет, это развязывает руки.

К сожалению, советская шахматная общественность долгое

время оставалась в неведении относительно конфликтов и интриг вокруг розыгрыша мирового первенства. Укоренившийся стараниями наших журналистов стереотип «честного спортивного единоборства двух выдающихся советских шахматистов» должен был символизировать нерушимое единство и сплоченность отечественной шахматной школы… Потому-то и приходилось болельщикам довольствоваться в основном слухами, обрывками сведений, доходившими из-за рубежа, где вовсю обсуждалась бурная «политическая» борьба, ведущаяся на вершине шахматной пирамиды. В конце концов проблемы, появившиеся на свет в нашей стране, должны были, подобно бумерангу, вернуться обратно…

Работа над русским изданием книги «Дитя перемен» дала несколько неожиданный результат — получилась фактически новая книга. Прежде всего потому, что со времени ее выхода прошло два года; произошли новые события, всплыли интересные факты. Что же касается общей направленности книги, моих принципиальных оценок тех или иных событий, то они не только сохранены, но и дополнены архивными документами и свидетельствами.

Кроме того, сам жанр претерпел коренные изменения: тогда я говорил, теперь — пишу! В разговоре человек, как правило, многословнее, категоричнее, менее точен в выражении своих мыслей. Чистый лист бумаги гасит излишнюю эмоциональность, заставляет искать точные слова. Что толку просто назвать кого-то трусом, шпионом, мафиози, взяточником? Для читателя гораздо важнее документы, факты, логика, четкая аргументация. Он сам разберется, кто есть кто.

Книга написана для читателей, которые хотят знать о моей жизни, моей борьбе, моих мыслях и убеждениях. Это для них я старался быть искренним, даже если в чем-то и заблуждался.

Мальчик из Баку

С чего начинаются биографии известных шахматистов? Обычно с какого-нибудь примечательного эпизода из самого раннего детства. Классический пример: пятилетний Капабланка, наблюдая за игрой отца, указывает на неправильно сделанный им ход, хотя никто прежде не объяснял ему шахматных правил.

Не буду нарушать традицию и тоже начну с раннего детства. Мои родители любили решать шахматные задачи, помещенные в нашей бакинской газете «Вышка». Я тогда в шахматы не играл, но всегда был рядом, внимательно следя за передвижением фигур на доске. Однажды я подсказал решение задачи, чем крайне удивил родителей. «Если уж он знает, чем кончается игра, надо показать, как она начинается», — сказал отец и стал объяснять мне правила. Вскоре меня нельзя было оторвать от шахмат, и год спустя я уже обыгрывал отца.

Кто знает, как бы еще все сложилось, не прояви я тогда шахматных способностей. Скорее всего попал бы, как и отец, в музыкальную школу. На это очень надеялись родители моего отца (сам он, к их большому огорчению, нарушил семейную традицию, забросил занятия музыкой и увлекся техникой). Его отец, Моисей Рубинович Вайнштейн, был композитором, работал художественным руководителем Бакинской филармонии; мать, Ольга Юльевна, преподавала музыку. Они считали, что музыкальное образование человеку необходимо. И не важно, что у меня нет слуха. «Главное — чувство ритма, — говорила Ольга Юльевна. — Так было и с Леней, у которого музыкальные способности проснулись лишь к одиннадцати годам». И как проснулись! Сейчас мой дядя Леонид, младший брат отца, — известный композитор, заслуженный деятель искусств Азербайджана. Он автор трех опер, шести симфоний, множества камерных и вокальных сочинений, музыки к кинофильмам.

Но отец был категорически против занятий музыкой. «У мальчика прекрасная аналитическая голова, — сказал он, — будет заниматься шахматами, а не музыкой!»

Решение было неожиданное. Отец никогда серьезно не увлекался шахматами. А вот у моей мамы шахматные способности определенно были. В шестилетнем возрасте она обыгрывала мальчишек старше себя, успешно сражалась и со взрослыми. Но… предпочитала более подвижные игры. Когда она училась в восьмом классе, к родителям пришел тренер и стал уговаривать их разрешить дочери играть за сборную республики по баскетболу. Но бабушка не согласилась. Ей не по душе были

неизбежные в этом случае поездки дочери на соревнования.

Так и не стала моя мама, Клара Шагеновна Каспарова, ни шахматисткой, ни баскетболисткой. По профессии она инженер, специалист по автоматике и телемеханике. Работала старшим научным сотрудником, затем ученым секретарем Азербайджанского научно-исследовательского электротехнического института, пока в 1981 году не ушла с работы, чтобы всецело посвятить себя шахматной карьере сына.

К тому времени я уже был гроссмейстером, чемпионом мира среди юношей, чемпионом страны и уже стал подумывать о большем. Вот что я написал о маме в школьном сочинении: «Мама играет в моей жизни большую роль. Она научила меня независимо мыслить, научила работать, анализировать свое поведение. Она знает меня лучше, чем кто-либо другой, потому что я обсуждаю с ней все свои проблемы — школьные, шахматные, литературные. Мама научила меня ценить прекрасное, быть принципиальным, честным и откровенным».

Отец, Ким Моисеевич Вайнштейн, умер, когда мне было всего семь лет. Как мало мне было отпущено общения с ним и какое огромное влияние он успел оказать на всю мою дальнейшую жизнь! Мама вспоминает, как я буквально дежурил у двери, дожидаясь его с работы. После обеда мы с ним обычно отправлялись гулять. Именно во время этих прогулок отец исподволь прививал мне свое восприятие жизни, закладывал основы моего будущего мировоззрения. Наши отношения всегда были взрослыми.

Читать я начал в четыре года. Причем рассказывают, что буквы в слоги научился складывать по… газетным заголовкам. Получилось это так. Я знал, что прежде, чем мы с отцом пойдем гулять, он должен просмотреть газеты, и терпеливо ждал, пока он закончит чтение. Когда очередная газета откладывалась в сторону, я разворачивал ее и с самым серьезным видом, тоже не торопясь, «просматривал». Мое желание во всем подражать отцу немало забавляло родителей. И меня приобщили к «чтению» газет.

Как и все дети, я ходил в детский сад, но часто болел и долгие дни, что приходилось проводить в постели, мне нечем было заняться. Игрушки я не любил, вот чтение — другое дело! В шесть лет я поразил мамину подругу, которая, придя к нам, увидела, как я вслух читаю газету: «По-ло-же-ни-е в Ка-и-ре». А потом всю заметку до конца. В ответ на ее вопрос, помню ли, о чем читал, я рассказал все, что знал из газет о конфликте на Ближнем Востоке.

Отец любил географию и часто рассказывал мне о

путешествиях Магеллана, Колумба, Марко Поло… А однажды проснувшись — в тот день мне исполнилось шесть лет, — я обнаружил около кровати огромный глобус. Я быстро закрыл глаза, снова открыл — нет, это не сон, глобус не исчез. Как же я был счастлив! Нашей любимой игрой с отцом стало прослеживать по глобусу путь прославленных мореплавателей.

Скоро я знал наизусть столицы всех государств, численность их населения, площадь территории и массу других полезных сведений. Как важен глобус, подаренный вовремя!

Столь же рано — и уже благодаря маме — у меня пробудился интерес к истории. Не умея ничего делать наполовину, я с головой ушел в историю Древнего Рима, Франции, Испании и Англии. Именно эти страны захватили мое воображение… В восемь лет я прочитал книгу Тарле «Наполеон», и она произвела на меня огромное впечатление. Менй всегда привлекали жизнеописания сильных личностей, которые сами ковали свою судьбу.

В 1970 году отец тяжело заболел. Много месяцев он провел в Москве, в Онкологическом центре на Каширке. Скончался он от лимфосаркомы в возрасте 39 лет. Последний раз мы виделись с ним 1 января 1971 года. Он подарил мне тогда шахматные часы — накануне я выполнил третий разряд… Больше меня к нему не пускали. Таково было желание отца: он хотел остаться в моей памяти здоровым и жизнерадостным, каким я его всегда знал. Не взяли меня и на похороны, опасаясь, что это может на меня тяжело подействовать.

Помню, я сказал маме: «Давай думать, что папа уехал в командировку». И в школе я долго продолжал говорить об отце, как о живом…

Мы с мамой жили у ее родителей. Дед, Шаген Мосесович Каспаров, по профессии был нефтяником. После войны нефть начали добывать с морского дна, впервые в мире были построены морские буровые вышки. Позже в море вырос целый город «Нефтяные камни». В возрасте девяти лет я приехал сюда провести сеанс одновременной игры. Шагену Мосесовичу моя поездка доставила особое удовольствие — добрых два десятка лет он проработал главным инженером крупного морского нефтепромысла.

После смерти отца дедушка ушел на пенсию, и мы очень сблизились. Он был старым коммунистом, часами беседовал со мной о политике, знакомил с книгами по философии. Случалось, мы спорили, и не всегда эти споры заканчивались в пользу старшего. Я с детства стремился все услышанное и прочитанное обдумывать, анализировать, подвергать сомнению, на все иметь

собственный взгляд. Но дед, надо признаться, не очень-то одобрял этот дух противоречия.

Бабушка, Сусанна Багдасаровна, хотя и окончила Московский финансовый институт, большую часть своей жизни занималась воспитанием дочерей, а потом и моим. Она учила меня быть правдивым, верить людям, ценить любое творение человеческих рук. Строгая, выдержанная, рассудительная, бабушка пользовалась общим уважением и любовью. Пройдя суровую жизненную школу, она не утратила природного оптимизма и доброжелательности. Вспоминая сегодня слова, которые она любила повторять: «Это прекрасно, что все мои внуки разной национальности», — я думаю, какой же мудрой была бабушка. Среди моих двоюродных братьев и сестер — армяне, азербайджанцы, евреи. Но бабушка не выделяла никого из нас, оберегая право каждого на теплоту и любовь.

В семье меня не баловали, никакого сюсюкания не было и в помине. Воспитывали убеждением. Помню мамины «прививки» от зазнайства — это когда в газетах начали меня хвалить. Она внушала мне: «Каждый человек в чем-то талантлив, только не всегда этот талант раскрывается. Тебе повезло, что твои способности проявились так рано. Просто повезло!» И нагружала домашней работой: посылала в магазин за хлебом и молоком, оставляла присматривать за двоюродными братом и сестрой… Когда я всерьез занялся шахматами, свободного времени почти не осталось.

Третьеклассником я начал участвовать в турнирах. Жизнь сразу разделилась на будни и праздники. Праздники — турниры, все остальное — будни. Но вскоре стал получать удовольствие и от ежедневных занятий шахматами. Будней не стало!

Вот одно из моих первых школьных интервью журналу «Юность»: «Лишиться шахмат? То есть как — лишиться? Если бы оказался на необитаемом острове? Ну и что! Я бы начал с того, что сделал себе шахматы. Как быть без партнеров? Думаю, несколько лет продержался бы и без них. Если бы не было, из чего сделать шахматы? Тогда вообще нечего делать на этом острове, шахматы — это необходимый минимум! Если бы я сделал шахматы, а злая сила уничтожила бы их? Тогда… тогда нам с ней пришлось бы выяснить отношения!»

В жизни я тоже предпочитал «выяснять отношения». Я ссорился и дрался, как все мальчишки. Моим ближайшим другом в школе был Вадим Минасян, с которым я дружу и по сей день. Сколько раз попадали мы с ним в потасовки! Но самые отчаянные наши проделки связаны с «пожарами». Однажды мы разожгли костер прямо в школе и стали прыгать через него, чтобы

пофорсить перед девчонками… Правда, пока мне не стукнуло шестнадцать, я на девочек не обращал особого внимания, относился к ним свысока (хотя и немного побаивался их). Как-то я спросил маму: «Почему девочки тратят так много времени на подготовку к урокам? Почему они такие ограниченные? Я ненавижу их!» Сейчас, рассказывая это, она от души смеется: «Спустя всего полгода он влюбился».

Помню, еще в третьем классе одна девочка прислала мне записку: «Я тебя люблю. Я хочу, чтобы ты женился на мне». Боюсь, что мой ответ был не очень галантным. К счастью (или наоборот), послание было перехвачено учительницей прежде, чем разбило сердце моей обожательницы.

Когда я наконец влюбился, все перевернулось. Она была младше меня и училась в другом классе, так что нужно было как-то обратить на себя ее внимание. Но как? Я собрал своих друзей, и мы разыграли маленький спектакль. Они встретили ее на улице и сделали вид, что пристают. Момент был критический. И вот тут-то появился я — герой-избавитель, отважный и сильный. Потом я устроил в ее честь фейерверк, даже с настоящими ракетами…

Много хлопот маме доставляло мое здоровье, вернее болезни. В девять лет мне удалили аппендикс. Через день после операции дядя, приехав в больницу, увидел мою кровать пустой. Он испугался, но нянечка успокоила его и повела в ординаторскую. Заглянув туда, дядя увидел, что я… лежу на каталке и даю сеанс одновременной игры врачам вслепую.

Когда мне исполнилось десять лет, врачи заволновались по поводу моего сердца, определили ревмокардит. Они сказали, что мне следует избегать простуд, так как это может отразиться на сердце. С тех пор мама научилась сама делать уколы, во всех наших поездках имела при себе шприц, потому что до пятнадцати лет мне необходимо было колоть антибиотики. Потом все нормализовалось — благодаря занятиям спортом. Я плавал, играл в футбол, бадминтон, гонял на велосипеде…

На зарубежные шахматные турниры я начал выезжать с тринадцати лет. Перед каждой поездкой основательно готовился к встрече с незнакомой страной, жадно впитывал все сведения о ней, обсуждал их со школьными учителями.

Возвращался настолько переполненный впечатлениями, что поначалу не мог спать. И только выплеснув эмоции, поделившись всем увиденным с одноклассниками, успокаивался. Помню, на меня огромное впечатление произвел тот факт, что в Париже можно сидеть в парках на траве.

С детской любознательностью и шахматной

обстоятельностью я сравнивал увиденное с нашей повседневной жизнью. Случались из-за этого у меня и неприятности. Некоторые взрослые выговаривали мне, что нехорошо критиковать свою страну. Но уже тогда я знал, что к любой проблеме нужно подходить объективно и при этом не бояться говорить прямо, что думаешь. Мой отец был человеком твердых принципов, бескомпромиссный. И я рад, что унаследовал эти его черты.

Фотография отца всегда со мной. Я замечаю, что и внешне все больше становлюсь на него похож. Говорят, когда я разговариваю по телефону, то жестикулирую в точности, как отец. Кстати, как и он, я легко завожусь, но так же быстро отхожу…

В школе мне довольно легко давалась математика, особенно алгебра. Я наслаждался, решая сложные задачи. Учитель даже настаивал, чтобы я посещал факультатив с целью развития математических способностей, но мама этому воспротивилась. Она считала, что сочетание математики и шахмат вряд ли приведет к гармоничному развитию личности, и хотела, чтобы я изучал литературу. Жизнь показала, что она была права.

В душе я романтик, человек чувства — во всяком случае, таковым ощущаю себя. Это может удивить, но только того, кто думает, что шахматы — это главным образом наука и что ими занимаются бесстрастные люди-компьютеры. Я убежден в принадлежности шахмат к искусству, поэтому среди прочих качеств шахматисту необходимы развитое воображение и богатая фантазия.

В отличие от шахматных способностей, литературные редко проявляются в детстве. Написание книг требует знания мира и жизненного опыта (хотя дети иногда проявляют поэтический дар). В силу своего абстрактного характера музыка, математика и шахматы не требуют такого опыта. Поэтому Решевский в пять лет уже давал сеансы одновременной игры взрослым, Моцарт четырех лет от роду сочинял музыку, а мальчик по имени Ким Юн Ен из Южной Кореи в том же возрасте решал интегральные уравнения.

Американский философ-лингвист Джордж Стайнер выдвинул теорию о том, что шахматные, музыкальные и математические способности связаны с мощной, но узкоспециализированной зоной нашего мозга. Эта зона может каким-то образом приводиться в действие в раннем детстве и развиваться независимо от психики в целом. Что ж, вполне возможно. Во всяком случае, его теория объясняет появление музыкальных и шахматных вундеркиндов.

Закончив школу, я поступил в Азербайджанский институт иностранных языков. Учителя наперебой советовали маме

избрать для дальнейшего обучения именно их предмет, особенно настойчиво— преподаватели математики и литературы. Но мы решили, что знание иностранных языков будет наиболее полезным для моего шахматного будущего.

Многие задаются вопросом, почему я поменял фамилию Вайнштейн на Каспаров. Когда отец скончался, я стал жить в семье маминых родителей. Носить фамилию Каспаров казалось естественным, тем более что у них было три дочери, но ни одного сына (у моей мамы две сестры: Нелли — врач и Жанна — педагог).

Любопытно происхождение моего имени. Это одно из тех волевых решений отца, которые во многом определили мой характер за те семь коротких лет, что были дарованы нам судьбой прожить вместе. «Мое имя Ким — короткое, в общем-то глухое, — сказал отец, — а у мальчика имя должно быть звонкое. Пусть он произносит его твердо, пусть звучит буква «р». Назовем сына Гарри!»

Тот Гарик Вайнштейн, что когда-то писал сочинения в бакинской школе, и тот Гарри Каспаров, который сегодня отстаивает справедливость в шахматном мире, — это один и тот же человек. Ценности, которые я исповедую, — те же. Они не изменились с годами и не изменятся в будущем, независимо от того, успех или поражение ждет меня впереди.

Школа

В пять лет я познакомился с шахматами, серьезно начал играть в семь, в десять уже занимался в школе Ботвинника, а к четырнадцати годам понял, что шахматам суждено стать главным делом моей жизни.

Поездки на турниры и шахматные занятия отнимали много времени, на общение со сверстниками его оставалось все меньше и меньше. Таков был мой удел — раннее общение с людьми старше себя. Может, это было и неплохо. Взрослые мужчины как бы заменяли мне рано ушедшего отца, привнося в мое воспитание мужское начало и тем самым уравновешивая сильное влияние материнской любви. Но все же я жил несколько неестественной для своего возраста жизнью, уже тогда ощущая себя в какой-то мере лишенным детства. Иногда мне ужасно хотелось быть обычным мальчишкой, таким, как все.

Увы, сверстников, с которыми я мог найти общий язык, было мало. Переполненный нездешними событиями, недетскими проблемами, я был для ребят немного инопланетянином. Возможно, у кого-то мои рассказы вызывали раздражение или даже зависть. Хотя все, что я делал и говорил, было естественным желанием разделить с кем-то свои заботы и радости…

Когда я впервые увидел Бакинский дворец пионеров имени Гагарина — двухэтажное белое здание с видом на Каспий, — он показался мне каким-то сказочным шахматным замком. Привел меня туда Ростик Корсунский — он был старше меня и жил по соседству. В детстве моей любимой фигурой был слон. И однажды мы с Ростиком сыграли уникальный в своем роде матч: в начальной позиции у меня из фигур были только слоны, а у него — только кони… Позднее Корсунский стал мастером. Кстати, за три десятилетия шахматный кружок Дворца пионеров воспитал свыше 300 перворазрядников, 25 кандидатов в мастера, добрый десяток мастеров, а также первого бакинского гроссмейстера Владимира Багирова и претендентку на звание чемпионки мира Татьяну Затуловскую.

Моим первым тренером был Олег Приворотский. Он сразу отметил мою шахматную память и способность отключаться во время игры от внешнего мира. «Не знаю, есть ли такие новички в других городах, но в Баку второго такого нет», — с удивлением отметил он после первых занятий.

В девять лет я вышел в финал городского чемпионата по блицу, и мое имя впервые было упомянуто в прессе: «Ученик третьего класса Гарик Вайнштейн, играющий стоя (сидя он не

достает до всех фигур!), добился на первом этапе абсолютно лучшего результата — 9 очков из 9»; «Среди четырнадцати победителей второго этапа — 13 кандидатов в мастера и… второразрядник». После удачного выступления в первенстве города среди юношей (3-е место) меня включили в состав молодежной сборной республики.

Всесоюзные молодежные игры, состоявшиеся летом 1973 года в Вильнюсе, стали моим первым боевым крещением. И хотя все соперники были старше меня на четыре-пять лет, в финале я не проиграл ни одной партии. На закрытии мне вручили первый в жизни приз — как самому юному участнику турнира.

Но самым важным итогом выступления в Вильнюсе была встреча с Александром Сергеевичем Никитиным, тренером сборной страны. Он тогда искал перспективных ребят для шахматной школы Ботвинника. Никитин наблюдал за моей игрой на протяжении всего турнира, но подошел ко мне только после закрытия. Так началась наша многолетняя дружба, продолжающаяся до сих пор. Этот человек очень дорог мне, и не только потому, что он прекрасный тренер и знаток шахмат, — важно, что он был рядом в самые трудные периоды моей жизни.

Никитин — коренной москвич, по профессии радиоинженер. Но он оставил основную работу и всецело посвятил себя тренерской деятельности. Страстно влюбленный в шахматы, он очень рано стал мастером и в молодые годы выступал за студенческую сборную страны, играл в одной команде с Борисом Спасским.

Долгие годы мы занимались по разработанной Никитиным системе дебютной подготовки. А тогда, в августе 1973-го, он организовал мне приглашение на сессию школы Ботвинника. В числе других ребят я был вызван в Москву на собеседование с Михаилом Моисеевичем. В течение двух часов каждый из нас находился один на один со знаменитым чемпионом: показывал ему свои партии, отвечал на вопросы, анализировал предложенные позиции. Я выдержал строгий экзамен и был зачислен в школу. Попасть под начало Ботвинника было несомненной удачей.

Школа открылась при спортивном обществе «Труд» еще в 1963 году, но просуществовала тогда недолго — всего полтора года (среди ее первых учеников был и Карпов). Занятия возобновились в 1969 году, и где-то с середины 70-х питомцы Ботвинника начали добиваться заметных успехов.

Три раза в год — в феврале, мае и августе — сентябре — двадцать юношей и девушек из разных городов страны съезжались на сессии. Зимняя и весенняя сессии проводились под

Москвой, осенняя — в пионерском лагере «Орленок» на берегу Черного моря.

«Занятия я провожу по системе, проверенной еще до войны в Ленинградском дворце пионеров, — рассказывал Ботвинник в своей книге «К достижению цели» (Москва, 1978). — Занимаемся мы вместе, но рассматриваем при этом игру одного слушателя… Именно таким образом можно познать душу юного шахматиста, изучить как его достоинства, так и недостатки».

Более подробно о том, как проходили занятия, Ботвинник поведал в книге «От шахматиста — к машине» (Москва, 1979): «Стандартный отчет слушателя о своей работе между сессиями состоял из сообщения об успехах в учебе, занятиях спортом, участии в соревнованиях и выполнении собственно задания. Наконец, слушатель демонстрирует четыре партии из числа сыгранных между сессиями. Тогда сообща ставится предварительный диагноз о шахматном здоровье юного шахматиста… Но курс лечения еще не назначается — надо ждать окончания тренировочных партий, которые проводятся в период занятий, — они имеют большое значение: тут уже партии не подберешь… и цейтноты не скроешь! И эти партии анализируются всем миром. Теперь диагноз оформляется и лечение назначается — выдается задание.

Приезжали слушатели со своими местными тренерами, которые действовали в контакте с руководителем школы, а кто из учеников поменьше — то с мамами или папами…»

Не менее важным, чем сами шахматные занятия, было то, что Ботвинник обучал нас различным премудростям подготовки к соревнованиям. В этой области он достиг высочайшего профессионализма, и значение его уроков трудно переоценить.

Мудрость Ботвинника заключалась в том, что он никогда не подавлял нас своим авторитетом, не навязывал ученикам свой стиль — наоборот, всячески помогал развивать нам собственные способности. Он не давил, а с присущим ему педагогическим тактом подсказывал верное направление. С самого начала он почувствовал мое стремление к динамичному, атакующему стилю. И не случайно, думаю, в мои первые домашние задания включил анализ партий Алехина.

Ботвинник снимал с шахмат покров тайны, постоянно сравнивая их с житейскими ситуациями. Он называл шахматы типичной неточной задачей, подобной тем, которые людям приходится решать в повседневной жизни, и говорил: «Для решения неточных задач очень важно ограничить масштабы проблемы, чтобы в ней не увязнуть, — и только тогда появляется шанс более точно ее решить. Таким образом, было бы неверно

думать, что шахматы не отражают объективную реальность. Они отражают то, как человек думает».

Это типично ботвинниковский подход к шахматам, да и к жизни тоже: сужение проблемы до управляемых размеров.

Был период, когда я начал восхищаться безграничностью вариантов, которые могут получиться в шахматной игре. Кто-то подсчитал, что если на решение каждого возможного варианта давать всего минуту, то даже в этом случае понадобится 40 тысяч дней и ночей, чтобы исчерпать все 208 089 907 200 способов расположения фигур на доске. Уже после трех начальных ходов можно получить более 9 миллионов различных позиций!

Меня до сих пор поражает неисчерпаемость шахмат, и я все больше убеждаюсь в их непредсказуемости. Сыграны уже миллионы партий, написаны тысячи книг, — но философский камень в шахматах так и не найден. На сегодня нет даже математически выведенных, точных критериев для оценки хотя бы одного-единственного хода, не говоря уже о позиции. Каисса в этом отношении похожа на Клеопатру: «Возраст не может состарить ее, а привычки — лишить природного многообразия».

Ботвинник предостерегал меня от увлечения сложностью ради сложности и однажды сказал: «Ты никогда не станешь Алехиным, если варианты будут управлять тобой, а не наоборот». Меня это огорчило. Но, конечно, Ботвинник был прав. Позднее он написал об этом эпизоде: «С самого начала было ясно, что Каспаров выделялся среди других учеников способностью очень искусно рассчитывать варианты на много ходов вперед. Но Гарри был легковозбудимым мальчиком, и я вынужден был настаивать, чтобы он продумывал ход, прежде чем сделать его на доске. И частенько говорил ему, что есть опасность, что он станет новым Ларсеном или Таймановым». Даже в зрелом возрасте эти выдающиеся шахматисты порой сначала делали ход, а только потом думали…

Должно быть, я прислушался к советам Ботвинника, ибо уже через четыре месяца после первой сессии мне удалось выполнить норму кандидата в мастера в одном из бакинских турниров. Кстати, в нем играл и Александр Шакаров — большой знаток дебютной теории и мой будущий помощник.

Следующий, 1974 год начался для меня с новой победы. К удивлению многих, команда Бакинского дворца пионеров выиграла отборочный этап турнира на приз газеты «Комсомольская правда». Я одержал четыре победы при одной ничьей.

Финал Всесоюзного турнира дворцов пионеров состоялся в Москве. Нам предстояло встретиться в сеансах одновременной

игры с гроссмейстерами — капитанами команд-соперниц. В первом же туре я испытал сильнейшее потрясение, увидев перед собой живую легенду — Михаила Таля! Я мог даже пожать ему руку! Впоследствии я считал своим прямым долгом выступать в «турнирах шахматных надежд» (так по праву стали называть соревнования дворцов пионеров), понимая, сколь важна для ребят встреча с известным гроссмейстером за доской.

Встреча с Талем — одно из наиболее памятных событий моего детства. Я был наслышан о его устрашающем, гипнотическом взгляде, которым он буквально пронизывал соперников. Правда, чтобы «одолеть» меня, Талю этого не потребовалось. Я проиграл еще Тайманову и Полугаевскому, но зато выиграл у Авербаха и сделал ничью с Кузьминым, который сказал корреспонденту: «Мне и в голову не приходило, что десятилетний мальчик может так грамотно разыгрывать эндшпиль».

В январе 1975 года я занял 7-е место на юношеском чемпионате СССР в Вильнюсе — при 30 с лишним участниках. Учитывая мой возраст, это было неплохо. Хотя могло быть и лучше. В последнем туре, в партии с ленинградцем Алешей Ермолинским, я упустил легкий выигрыш и проиграл. Помню, это так расстроило меня, что я едва не расплакался прямо в зале. Не оттого, что проиграл — просто клял себя за дурацкую ошибку. Меня и сейчас ужасно злят такие промахи.

По иронии судьбы, победителем чемпионата стал семнадцатилетний Женя Владимиров, в дальнейшем — один из моих тренеров. У него было поразительное позиционное чутье, и ему предрекали большое будущее…

Вскоре после турнира в Вильнюсе шахматный обозреватель лондонской газеты «Guardian» Леонард Барден сделал следующий прогноз: «Что бы ни случилось с мировым титулом в 1975 году, большинство специалистов предсказывают, что Карпов станет преемником Фишера или в этом году, или в 1978-м, или в 1981-м. Но кто будет чемпионом после Карпова? По-моему, есть явный фаворит мирового первенства 1990 года. Это одиннадцатилетний Гарри Вайнштейн из Баку — самый молодой участник юношеского чемпионата СССР, самый молодой кандидат в мастера со времени Карпова».

Барден ошибся на пять лет, но сам факт такого прогноза заслуживает внимания — хотя бы потому, что это был первый похвальный отзыв обо мне в западной прессе. К счастью, тогда я слыхом не слыхивал о столь лестной оценке, а то бы она могла вскружить мне голову…

В ноябре того же, 1975 года я, наконец, познакомился с

Анатолием Карповым. Мы встретились в Ленинграде на турнире дворцов пионеров. Карпов выступал в роли капитана челябинцев. Ему было двадцать четыре года, и совсем недавно он унаследовал от Фишера титул чемпиона мира.

И все же встреча с Карповым не вызывала у меня такого душевного трепета, как партия с Талем. Но ребята нервничали и шли на игру какие-то потерянные. Уже в холле гостиницы, где проходил турнир, я сказал: «Чего бояться? Карпов — чемпион мира, но и он может ошибиться». Видимо, эти слова услышал кто-то посторонний, и на следующий день один из покровителей Карпова, А. Тупикин (тогда секретарь одного из ленинградских райкомов партии), сказал моей маме: «Имейте в виду: Карпов злопамятен».

В отчете об этом туре «Советский спорт» писал: «Во время сеанса А. Карпова со школьниками из Баку наступил момент, когда у чемпиона мира остался только один соперник — двенадцатилетний кандидат в мастера Гарик Каспаров. Карпов сел напротив юного шахматиста, и, естественно, этот момент фотокорреспонденты не пропустили. Дело в том, что Гарик — один из самых наших талантливых юных шахматистов, и кто знает, не состоится ли когда-нибудь еще один поединок Карпов — Каспаров…»

Кто бы мог предположить тогда, что годы спустя нам придется сыграть полторы сотни партий и провести за доской более 600 часов?

Ту партию я проиграл, хотя и имел явный перевес. Вот какой диалог произошел у меня с корреспондентом бакинской газеты «Спорт»:

— Чем объяснить поражение от чемпиона мира?

— Может, тем, что остался с ним один на один. Представьте, сидит против вас лучший шахматист планеты. Вот и просмотрел его комбинацию.

— И какой урок извлек ты из этой встречи?

— Нужно бороться до последнего, даже если у тебя выигрышная позиция.

Моим следующим испытанием стал чемпионат страны среди юношей, проходивший в январе 1976 года в Тбилиси. Я не рассчитывал на победу, поскольку был намного моложе своих соперников. Но в глубине души все-таки теплилась надежда. И, как оказалось, не зря.

Перед последним туром я возглавлял турнир вместе с Рафиком Габдрахмановым. Но он проиграл Зурабу Стуруа, и тот вышел на пол-очка вперед. Мне нужна была победа, но как на грех играл я отвратительно и отложил партию с Зигурдсом

Ланкой в тяжелой позиции.

Все думали, что я проиграю, — все, кроме Александра Асланова, одного из бакинских тренеров. Вместе с Олегом Приворотским он помогал мне анализировать отложенную позицию. Мы упорно трудились — пока, наконец, при участии ереванского тренера Альберта Арутюняна не была найдена совершенно фантастическая идея защиты.

При ничьей возникал дележ первых двух мест и в силу вступал коэффициент Бухгольца. В этом случае ситуация была неясной, поскольку еще не все партии последнего тура закончились. Но, так или иначе, ребята из Грузии ликовали в предвкушении «золотого» дубля: Майя Чибурданидзе уже стала чемпионкой страны среди девушек, а Стуруа, по общему мнению, тоже должен был вот-вот присоединиться к ней.

Началось доигрывание. Через несколько ходов, случайно бросив взгляд в зал, я увидел отчаянно жестикулирующего Асланова. Он явно был чем-то радостно взволнован. Через десять ходов в нашей партии была зафиксирована ничья.

То, что произошло потом, навсегда врезалось в мою память: Асланов вмиг преодолел расстояние от седьмого ряда до сцены и с криком: «Гарик, Гарик, ты — чемпион!» подхватил меня на руки.

Не в силах поверить в случившееся, я, наверное, целый час еще твердил про себя: «Я чемпион, я чемпион…»

Взрослые игры

Впервые я побывал за рубежом в июле 1976 года, когда принял участие в чемпионате мира среди юниоров, проходившем во французском городке Ватиньи, под Лиллем. Еще ни один шахматист не представлял нашу страну на международной арене в таком юном возрасте! Но это было моим единственным достижением, в остальном же поездка принесла мне одни разочарования.

Вроде бы я выступил неплохо: разделил 3—6-е места при 32 участниках. Еженедельник «64» так и оценил мою игру: «неплохо». Но мой собственный приговор был суровее. Я чувствовал, что с лидерами мог сыграть значительно лучше. И это меня расстроило.

Огорчило и то, что турнир почти не оставил времени для знакомства с Францией. Готовясь к поездке, я постарался узнать все, что касалось ее истории и обычаев, внимательнейшим образом изучил карту страны, принадлежащую дедушке. И что же? Мы буквально промчались мимо всех исторических памятников, которые я так надеялся посмотреть. Но я не мог не заметить, что тамошний образ жизни существенно отличается от нашего, хотя был слишком мал, чтобы сделать из этого какие-то выводы. Я воспринял это просто как жизненный факт, как результат нашей трудной истории…

В январе следующего года, в Риге, мне предстояло защищать титул чемпиона страны среди юношей. Общеизвестно, что отстаивать титул всегда труднее, чем завоевывать его: против чемпиона все играют с удвоенной энергией. Тем более что среди участников были такие опытные бойцы, как Чернин, Юсупов и мой прошлогодний соперник Стуруа.

Однако того, что произойдет, не ожидал никто: я методично выигрывал партию за партией. Причем не осталось незамеченным, что я подготовил специально к турниру ряд новых дебютных систем и вариантов, которые раньше не играл и которые мне хорошо послужили. В итоге я опередил второго призера Сашу Чернина на два очка. Тренер юношеской сборной Анатолий Быховский так охарактеризовал мое выступление: «Стать чемпионом страны среди юношей два раза подряд еще никому не удавалось. Каспаров играл разнообразно: он отлично провел атаку в партии с Пигусовым и в чисто позиционном ключе выиграл у Ланки и Стуруа, изобретательно и упорно защищался во встрече с Юсуповым и «поймал» в дебюте Рицина. Весь этот разнообразный арсенал приемов борьбы продемонстрирован

мальчиком, которому тринадцать лет!»

Да, это была моя самая значительная победа, особенно приятная после не слишком удачного дебюта за рубежом. Вскоре в Ленинграде состоялся отборочный турнир к двум юношеским чемпионатам мира: один для шахматистов не старше двадцати лет, другой — не старше семнадцати. Среди восьми участников я был единственным кандидатом в мастера, остальные — мастера. Турнир получился боевой, лишь треть партий завершилась мирно. Тон в нем задавали самые юные: Артур Юсупов и я, поочередно меняясь местами, лидировали на протяжении всей дистанции. Забавно, что вначале хотели проводить отбор для каждого первенства отдельно, чтобы младшие не путались под ногами у старших. Вот мы и постарались «не путаться». Победу одержал Юсупов, который затем так же уверенно выиграл первенство мира в австрийском городе Инсбруке. Я отстал от него на пол-очка и вторично завоевал путевку на юниорский чемпионат, который опять проходил во Франции.

На этот раз мы играли в живописном местечке Кан-сюр-Мэр, расположенном на знаменитой Ривьере и своими бульварами напоминавшем летний Баку. Турнир проводился по швейцарской системе, регламент был очень жестким. Тур — вечером, доигрывание неоконченных партий — на следующее утро, вечером опять игра. И так весь турнир, без единого выходного.

Старт был удачным — три победы. Затем поражение. После важной победы в 8-м туре над будущим чемпионом исландцем Ионом Арнасоном, который лидировал и опережал меня на очко, удалось выправить положение. Однако на большее сил не хватило. Три ничьи в последних трех турах с не самыми сильными противниками и в итоге — 8 очков и 3-е место. Успех сопутствовал более взрослым и физически крепким ребятам — Арнасону и Уайтхеду (США). Между прочим, на том чемпионате впервые появился англичанин Найджел Шорт: он был на два года моложе меня и набрал «соответственно» на два очка меньше, тоже заметно сдав на финише. После моего возвращения Ботвинник отметил ряд существенных недостатков в моей игре, но все же оценил результат как хороший. Однако меня самого не покидало чувство неудовлетворенности.

Момент был критический, пожалуй, один из решающих в моей жизни. Скоро мне должно было исполниться пятнадцать лет, и я понимал, что если в самое ближайшее время не получу звание мастера, то впору будет подумать о другой профессии. Сколько можно ходить в перспективных, не пора ли показывать результаты? Никто (включая меня самого) не догадывался о том, что я на пороге качественного скачка в своем шахматном

развитии. Именно тогда окончательно сформировался мой стиль.

Я приверженец исследовательского направления, к которому принадлежит Ботвинник. Именно у него я научился по-настоящему изучать шахматы, находить новые идеи, постоянно работать над их совершенствованием. Это научный подход, основанный на глубоком анализе наследия прошлого, на поиске новых дебютных вариантов и методов игры в миттельшпиле, на выработке принципиально новых стратегических планов. Все шахматисты изучают старые партии — подобно тому, как заучивают слова иностранного языка. Но, набрав какой-то словарный запас, надо научиться им пользоваться, чтобы суметь реализовать заложенное в тебе творческое начало. Особенно, если мечтаешь стать чемпионом мира.

Этапным для меня стал мемориал А.Сокольского в Минске (январь 1978 года). Подготовился я хорошо, особенно в дебютном отношении; у меня были заготовки в самых, казалось бы, изученных позициях, оцениваемых теорией как равные. В результате удавалось создавать острые, нестандартные ситуации, которые были мне по душе. Только здесь, собственно, для меня и начиналась игра. Удалось победить нескольких известных мастеров, но вот одну ничью с кандидатом в мастера я до сих пор не могу себе простить. У меня была начисто выигранная позиция, но тут ко мне подошел Альберт Капенгут, известный белорусский тренер, и сказал, что в гостинице меня ждет книга «Граф Монте-Кристо». Я так обрадовался, что сразу же грубо ошибся. Тем не менее удавалось поддерживать весьма высокий темп: 4 очка из 5, 8 — из 10, 12 — из 15…

На протяжении всего турнира меня неотрывно преследовал международный мастер Виктор Купрейчик. Чтобы стать единоличным победителем, мне необходимо было в последнем туре выиграть у гроссмейстера Анатолия Лутикова. Легко сказать «выиграть». А если это первая встреча с гроссмейстером (сеансы не в счет)? Но, как говорится, новичкам везет.

Победа в Минске (13 очков из 17!) была замечена специалистами. В книге «От шахматиста — к машине» Ботвинник вспоминал: «С трудом удалось Каспарова включить в число участников — он еще не имел звания мастера, и были, естественно, возражения — зачем кандидата пускать в турнир мастеров? Результаты показали, что надо было это сделать: Гарик завоевал первое место, перевыполнив мастерскую норму на 3,5 очка! Это был самый большой успех, которого когда-либо добивался столь юный шахматист в Советском Союзе!»

Однако раздавались голоса, что этот турнир не показателен. Вот предстоящий летом Всесоюзный отборочный в Даугавпилсе —

действительно серьезный экзамен!

Прямо из Минска я поспешил на сессию школы Ботвинника, где пришлось выслушать от строгого наставника не одни лишь поздравления. На той же сессии Михаил Моисеевич предложил мне быть его ассистентом. Меня переполняло чувство гордости — значит, я уже в состоянии чем-то помочь самому Ботвиннику.

Как-то Ботвинник спросил, надеюсь ли я быть среди первых в Даугавпилсе. Я ответил неопределенно. Тогда он сказал, что с таким настроением незачем ехать на турнир, который проводится по швейцарской системе и как тренировочный неэффективен.

Всесоюзный отборочный турнир в Даугавпилсе стартовал в июле. Из 64 участников лишь один выходил в высшую лигу чемпионата страны, еще шестерым предстояла переигровка в первой лиге. Итого — семь выходящих мест на всех!

Поначалу тренеры поставили передо мной относительно скромную задачу — набрать «плюс 2». Может быть, поэтому играл спокойно. Занервничал, когда увидел, что в турнирной таблице моя фамилия выделена красным — 4,5 из 6. Никитин скорректировал первоначальный план: зацепиться за место в первой лиге! А после двух очередных побед пришлось вновь брать повышенные обязательства.

Фортуна была благосклонна ко мне. Вместе с Игорем Ивановым мы набрали по 9 очков из 13, но по коэффициенту Бухгольца я оказался впереди. Путь в высшую лигу был открыт!

«Современные шахматы очень помолодели, — писал рижский журнал «Шахматы». — И все же, когда пятнадцатилетний мальчик демонстрирует энциклопедические знания в дебюте, богатую фантазию, быстрый расчет в сложнейших миттельшпильных ситуациях, обладает высокой техникой реализации преимущества в эндшпиле, — все это не может не вызывать удивления».

Итак, в два прыжка я перескочил сразу во взрослую жизнь. Я был полон сил, и всякие сомнения относительно будущего исчезли. Отныне моя жизнь будет посвящена шахматам!

Готовясь к чемпионату страны в Тбилиси (декабрь 1978 года), я не ставил перед собой честолюбивых целей, считая, что прежде всего должен показать хорошую игру, набраться опыта. Никитин всегда говорил, что главное — это хорошо играть, а успехи придут. Правда, потом я узнал, что еще в 1975 году он показал маме график моих будущих спортивных результатов. Против 1978 года значилось: высшая лига чемпионата СССР.

Еще совсем недавно, на турнире в Минске, я с волнением ждал первой встречи с гроссмейстером, теперь же мне противостояли сразу 16 обладателей высшего звания. Стратегическая установка Ботвинника была предельно ясной:

«сыграй 17 хороших партий, не думая о результате». О результате я, конечно, думал, но высоко не замахивался: не опуститься бы ниже первой лиги. Но начало чемпионата сложилось для меня удачно: выиграл у Полугаевского и Кузьмина, набрал 4 очка из 6 и… решил остаться в высшей лиге. Однако поражения от Тимощенко и Разуваева поубавили мой оптимизм.

В шахматном бюллетене я прочел такой диалог:

— Нужно ли поздравлять вас с победой над пятнадцатилетним школьником? — спросили Юрия Разуваева.

— Полагаю, что нужно, — улыбнулся в ответ москвич. — Видимо, это была моя последняя возможность выиграть у него.

Однако этот намек на мое гарантированное будущее был мне тогда слабым утешением.

Но вот фортуна опять улыбнулась мне. Одержана трудная победа над Белявским, отложена с шансами на выигрыш партия с Гулько, получена грозная позиция против Михальчишина. В тот момент я увидел себя уже где-то в районе призовой тройки — эдакое головокружение! Расплата не заставила себя ждать. На радостях напутал в партии с Михальчишиным и проиграл! Затем не смог выиграть у Гулько. А когда бездарно проиграл Цешковскому, то спустился с небес даже не на землю, а прямо на дно ущелья.

Все же удалось показать 50-процентный результат, что принесло мне чистое 9-е место и сохранило «прописку» в высшей лиге. По окончании турнира мне довелось попробовать свои силы в матче по блицу с Михаилом Талем, завоевавшим в Тбилиси свою шестую золотую медаль чемпиона СССР. Напряженный поединок завершился, к моей радости, вничью — 7:7. До сих пор помню, с каким неослабным вниманием следили за игрой два Александра — Бах и Рошаль, люди из ближайшего окружения Карпова. Наверное, они уже были согласны с Талем, давшим в интервью весьма лестную оценку моей игре:

— Каспаров, бесспорно, уникальное явление в шахматах. Я могу назвать только двух шахматистов, которые в пятнадцать лет столь успешно выступали в крупных турнирах — это Фишер и Спасский. Ясно, что, какое бы высокое место ни занял юноша в следующем чемпионате, — это уже не будет сенсацией.

Но сенсация произошла раньше. Весной 1979 года я отправился на свой первый «взрослый» зарубежный турнир, в югославский город Баня-Лука. Состав турнира был очень сильным: помимо экс-чемпиона мира Тиграна Петросяна играли еще 13 гроссмейстеров!

Петросян славился упорством в защите, обладал поразительным чувством опасности. О нем говорили, что он

принимает меры против атаки еще до того, как соперник ее задумал. Макс Эйве как-то заметил: «Если Петросян начнет немного комбинировать, то с ним невозможно будет играть в шахматы». Бытовала и иная точка зрения: если бы у Таля был тренером Петросян и наоборот, то ни тот, ни другой не стал бы чемпионом мира.

Сыграв в стартовом туре вничью с «железным Тиграном», я затем одержал победы над Шибаревичем, Брауном, Эрнандесом, Маровичем, Марьяновичем, Кнежевичем и лишь со Смейкалом сделал ничью. Для того чтобы выполнить норму международного мастера, мне теперь нужно было выиграть у двух югославских гроссмейстеров — Букича и Вукича.

Перед началом турнира Вукич открыто возмущался тем, что организаторы пригласили игрока, которого никто не знает. «У Каспарова даже нет международного рейтинга! Почему гроссмейстер должен играть с таким слабым шахматистом? — жаловался он. — Русские присылают нам детей. Они нас оскорбляют».

Однако зрители, видимо, считали иначе: с первых же туров я ощутил их симпатии. Но особенно бурно поддерживали они меня во время партии с Вукичем. Югославский гроссмейстер обиделся на публику и даже вступил с ней в пререкания. Моя победа над Вукичем вызвала шумный восторг в зале. Так за меня еще никогда не болели!

Сделав ничьи с Андерссоном и Матановичем, я уже за три тура до финиша обеспечил себе победу в турнире и выполнил норму не только международного мастера, но и первого гроссмейстерского балла! Поэтому заключительные встречи — с Гарсиа, Кураицей и Адорьяном — прошли «в духе мира и взаимопонимания». И все равно отрыв от ближайших преследователей составил два очка. Своей игрой я был доволен. Еще бы: за один турнир подняться сразу на две ступени в шахматной квалификации!

Английский мастер Роберт Вейд не поскупился на сравнения: «Замечательное выступление Каспарова на этом турнире должно навеки сохраниться в шахматном эпосе. Есть ли подобные прецеденты в истории шахмат? Роберт Фишер в 1959 году в Цюрихе или Борис Спасский в Бухаресте в 1953 году? Им обоим было тоже по шестнадцать».

Еще после высшей лиги я спросил наших шахматных деятелей, могу ли я считать, что отныне мой рейтинг равен 2545? «Еще успеется», — ответили они. Давать мне коэффициент никто не спешил. Но мой результат в Баня-Луке отвечал международному рейтингу 2695! Вот тогда-то я и получил,

наконец, свои законные 2545.

Я уже говорил, что к этому времени сформировался мой игровой стиль. Следует пояснить, что я имею в виду. У каждого шахматиста свой стиль, потому что мы все — разные от природы. «Стиль — это человек». Для меня, воспитанного на научных методах Ботвинника, основой всего является умение сосредоточиться. Вещь вроде бы простая. А в кризисной, экстремальной ситуации? Мало кто сознает, что умение собраться в решающие моменты игры — едва ли не самое важное качество для шахматиста.

К сожалению, наша жизнь не располагает к сосредоточенности. Мы привыкли заниматься массой дел одновременно: читать, смотреть телевизор, участвовать в беседе. Раньше, лет в шестнадцать-семнадцать и даже в двадцать, я был полностью поглощен шахматами. С годами у меня расширился круг интересов, появилось много проблем, да и общественная деятельность требует все больше и больше времени и внимания. Все это безумно отвлекает от шахмат. А ведь без постоянной целенаправленной работы не проникнуть в тайны позиции, не найти по-настоящему новой, оригинальной идеи. Но люди ждут этого. Они ждут новых идей именно от чемпионов, думая, что это дается им как божий дар, приходит как озарение. Это не так. Я уверен, что каждый способен на свое открытие — если будет целеустремлен и настойчив.

Видя, как я сижу во время партии, обхватив голову руками и уставившись неподвижным взглядом на доску, некоторые думают, что таким образом я сознательно пытаюсь воздействовать на противника, испугать его или выбить из колеи (подобное действие приписывали знаменитому взгляду Таля). Вовсе нет. В сущности, все мои усилия направлены только на то, чтобы исключить внешние помехи и суметь максимально сосредоточиться.

Карпов не раз заявлял, что исследовательское направление в шахматах устарело, что оно годилось лишь для «эпохи дилижансов». По его мнению, главное — это практическая игра, поддержание формы непрерывным участием в турнирах. Неудивительно, что для его стиля характерен рационализм. Он никогда не стремился играть, как Фишер, с максимальной отдачей — всегда расходовал сил ровно столько, сколько требовалось в конкретной ситуации.

У меня иной подход. Я не привык избегать осложнений, будь то на доске или в жизни. До недавнего времени такая философия не приветствовалась. Но «ничто не вечно под луной»…

Играть творчески, не бояться рискованных приключений,

обладать тонким шахматным вкусом — все это отнюдь не освобождает от необходимости упорно трудиться. Напротив, надо постоянно совершенствовать свою игру, углублять и расширять дебютный репертуар, оттачивать технические приемы, анализировать сложные эндшпили. Ведь шахматы — это не раз и навсегда усвоенная сумма знаний. Шахматы динамичны, и любой окончательный результат может на поверку оказаться промежуточным. Истину всякий раз надо доказывать. Даже собственные комментарии к партиям не являются для меня незыблемыми. Я люблю их уточнять: многие идеи со временем подвергаются переоценке, в том числе, естественно, и собственные идеи. Я охотно возвращаюсь к своим ошибкам и анализирую их. «Когда шахматист комментирует партию, он нередко старается скрыть свои неточности и упущения, — писал Ботвинник в 1980 году. — Каспаров так не поступает. Он стремится к истине, старается быть объективным».

Впервые я напечатался в пятнадцать лет — это был анализ партии с Лутиковым, опубликованный в журнале «Шахматы». Два года мои комментарии к партиям появлялись в печати эпизодически, но с 1981 года, когда в Баку начала выходить газета «Шахматы», моя журналистская деятельность стала носить постоянный характер. После каждого турнира я комментировал почти все свои партии. Это была трудная, но исключительно интересная работа.

Публиковать анализы партий я начал по настоянию Ботвинника и Никитина, считавших необходимым выносить результаты своей работы на обсуждение шахматистов. А мама приучила вести записи во время поездок на зарубежные соревнования. По ее мнению, крупный шахматист обязан быть широко образованным человеком, уметь не только анализировать партии, но и рассказывать читателям о событиях шахматной жизни. Передо мной начали открываться новые горизонты…

Самым важным в 1979 году было закрепиться в высшей лиге и постараться улучшить свой результат. Я не хотел повторять распространенную ошибку и давать себе передышку после прошлогоднего сверхусилия.

Началась серьезная подготовка. За два месяца до чемпионата Ботвинник написал мне: «Больше всего меня волнует твоя игра черными. После твоего успеха в Югославии на тебя будут наваливаться, и прежде всего белыми. Поэтому черными надо играть прочные системы (без риска). Однако пассивная игра не для тебя — системы должны быть обязательно с возможностью контригры».

Но в Минске, где проходил 47-й чемпионат страны, я начал

игру очень осмотрительно — настолько, что старый друг и соперник Ботвинника еще по 30-м годам Сало Флор был удивлен необычной для меня сдержанностью. «Никаких жертв — скорее в стиле Карпова или Петросяна», — комментировал он мою победу в 1-м туре над Георгадзе. Следующая победа — над Свешниковым — тоже была достигнута солидной позиционной игрой. Но в 3-м туре я вышел из засады и выиграл у Юсупова в стиле, который один комментатор даже сравнил с алехинским. Так что в итоговой статье о чемпионате Флор уже отозвался о моей игре иначе: «Гарик — огонь за шахматной доской».

После трех побед на старте я сделал шесть ничьих подряд, хотя борьба в них носила далеко не мирный характер. Дальше— хуже: сначала одним импульсивным ходом проиграл Лернеру, потом не использовал хорошие позиции в партиях с Аникаевым и Белявским и тоже проиграл. Но все же сумел переломить неблагоприятно складывавшийся для меня ход борьбы и на финише победил Купрейчика и Долматова. В итоге я завоевал бронзовую медаль, поделив 3—4-е места с Балашовым (вслед за Геллером и Юсуповым). Из 11 партий с гроссмейстерами я выиграл четыре, шесть закончил вничью и проиграл лишь одну.

За полгода мой международный рейтинг вырос на 50 пунктов и к началу 1980 года составил 2595. Неплохо, но все же на целых 130 пунктов меньше, чем у Карпова.

В январе должен был состояться очередной командный чемпионат Европы. Местом его проведения избрали небольшой шведский городок Скару, близ Гётеборга. Меня включили в состав сборной СССР, которой предстояло отстаивать свой чемпионский титул. Играть в одной команде с Карповым, Талем, Петросяном — это была большая честь для шестнадцатилетнего школьника. Хотя я был всего лишь вторым запасным, но чувствовал себя именинником: как-никак — первое выступление во взрослой сборной. Доверие надо было оправдать, и я внес свой вклад в общую победу, потеряв в шести партиях только пол-очка!

Из Швеции я вернулся с золотой медалью и теперь с волнением ожидал весны, когда в моем родном Баку было намечено провести международный турнир. Мне нужен был второй гроссмейстерский балл, и свой шанс я не намерен был упускать.

Турнир превзошел все мои ожидания. Игралось легко, раскованно — наверно, и впрямь дома стены помогают. Как болели за меня бакинцы! В общем, удалось не только перевыполнить норму гроссмейстерского балла, но и занять 1-е место (11,5 из 15), опередив на пол-очка Белявского…

Возможность выступить на юношеском чемпионате мира,

естественно, обрадовала меня. То, что не удалось когда-то на юниорских турнирах в Ватиньи и Кан-сюр-Мэре, можно было осуществить теперь в Дортмунде.

От меня, как от обладателя самого высокого рейтинга, ждали победы. Однако подобные ожидания могут обернуться неприятностями, особенно если, привыкнув к манере игры взрослых, не перестроиться во встречах со сверстниками. Но на этот раз все обошлось благополучно. Довольно быстро уйдя в отрыв, я закончил дистанцию первым, опередив серебряного призера Шорта на полтора очка. Найджел говорит, что до сих пор помнит то впечатление, которое я произвел на него за доской: «Я никогда не сталкивался с таким напористым игроком, никогда не ощущал такой энергии и сосредоточенности, такой воли и такого страстного, просто обжигающего желания победить».

Теперь я был шахматным принцем! Радость переполняла меня, радовались мои тренеры — Никитин и Шакаров, радовались школьные учителя и одноклассники. Правда, уже бывшие: за три месяца до начала чемпионата я закончил школу с золотой медалью.

Тот замечательный 1980 год, год четырех золотых медалей, завершился для меня Олимпиадой на Мальте. После жесткой борьбы в течение двух с половиной недель нашей команде удалось все же обойти сборную Венгрии — но лишь по коэффициенту. Играя на последней, шестой доске, вслед за Карповым, Полугаевским, Талем, Геллером и Балашовым, я набрал очков больше всех — 9,5 из 12.

К январю 1981 года мой международный рейтинг поднялся до 2625, в то время как рейтинг Карпова равнялся 2690. Разрыв между нами все сокращался — обстоятельство, мимо которого наверняка не прошли ни Карпов, ни его окружение. Может, это сближение уже начало их беспокоить?

«Другой нам не нужен!»

Оглядываясь сейчас назад, я думаю, что Карпов почуял опасность еще в 1978 году, когда в возрасте всего пятнадцати лет я достиг уровня высшей лиги чемпионата страны. Ничего подобного прежде не случалось! Я не был еще даже международным мастером. Должно быть, это явилось серьезным сигналом для чемпиона, хотя он тогда был поглощен единоборством с Корчным и, казалось, ни о чем другом не думал. Но многие заметили, что Карпов внезапно перестал упоминать мое имя в своих интервью, когда речь заходила о перспективных молодых шахматистах.

Тогда я еще наивно полагал, что все проблемы решаются только за доской, в честной, спортивной борьбе. Я не мог представить себе, что совсем скоро буду вовлечен в игру без правил. Впервые я почувствовал, что происходит что-то неладное, на так называемом турнире поколений — матч-турнире сборных команд СССР, организованном в Москве в феврале 1981 года.

Команд было четыре: первая и вторая сборные, команда ветеранов и молодежная команда. Из восьми шахматистов, входивших в первую сборную, половину составляли чемпионы мира разных лет, в том числе и действующий: Карпов, Спасский, Петросян и Таль. Ветераны делали ставку на экс-чемпиона мира Смыслова и на Бронштейна — претендента, который, пожалуй, ближе всех был к чемпионскому титулу, но так и не завоевал его. В 1951 году он сыграл вничью матч с Ботвинником, причем ведя в счете за две партии до конца… Вообще, мне всегда казалось, что просто кому-то суждено, а кому-то нет, и уж если вам написано на роду стать чемпионом, вы станете им, а если нет — как, например, Бронштейну, Кересу, Ларсену, Корчному, — значит, такова судьба.

Естественно, я рассчитывал играть на первой доске в молодежной команде; такого же мнения придерживалось большинство шахматистов. Неожиданно руководство федерации стало настаивать на том, чтобы на первой доске играл либо Псахис, ставший накануне чемпионом страны, либо Юсупов. Но к тому времени мой рейтинг был уже одним из самых высоких в стране — выше, чем у Смыслова и Петросяна, превосходя даже рейтинг Таля. Так в чем, казалось бы, проблема?

Сейчас-то я понимаю, что ответ лежал на поверхности. Просто Карпов, как чемпион мира, играл в своей команде на первой доске и не хотел встречаться со мной. Другого объяснения нет! А тогда кончилось тем, что мы потребовали демократичного

голосования, чтобы определить, кто возглавит команду. Чиновникам это не понравилось, но выбора у них не было. В итоге пятью голосами против трех выбрали меня. Таким образом, мы с Карповым оказались друг против друга за шахматной доской.

За несколько дней до встречи Карпову присудили очередной, седьмой по счету «Оскар» — приз лучшему шахматисту года, присуждаемый ежегодно Международной ассоциацией журналистов, пишущих на шахматные темы. Я по результатам опроса был назван третьим в мире. Мы стремительно сближались — чемпион мира и чемпион мира среди юношей. Флор писал тогда: «Несомненно, что в скором будущем Карпов и Каспаров будут встречаться часто. Многие полагают, что рано или поздно между ними состоится поединок на самом высоком уровне».

Мы сыграли в матч-турнире две партии, обе — творчески насыщенные, остросюжетные, продолжавшиеся по пять часов. Когда после первой партии корреспондент спросил, почему я отклонил предложенную чемпионом мира на 15-м ходу ничью, я ответил: «Я никогда не слышу зал, а тут вдруг заметил, сколько людей собралось на эту встречу. Я понял, что не имею права обмануть их надежды — нет, не на победу, а на бескомпромиссную борьбу».

И вторая наша партия с Карповым держала зрителей «под напряжением». Когда она закончилась, публика бросилась на поле — соревнование проводилось во Дворце тяжелой атлетики ЦСКА, — забыв, что за другими столиками игра еще продолжается. Обе встречи завершились вничью, но в обеих чемпиону пришлось нелегко. К тому же мне тогда удалось победить в споре сильнейших: я набрал больше всех очков на первой доске. Так что у Карпова вряд ли оставались сомнения относительно того, что в моем лице он имеет опасного противника.

Что же вызвало столь острый интерес зрителей? Прежде всего уверенность в том, что нынешняя встреча — это прелюдия к нашей будущей борьбе за мировое первенство. А также контраст между нашими игровыми стилями. У Карпова врожденное позиционное чутье и безошибочная интуиция в выборе позиций для своих фигур. Но, как правило, он предпочитает обходиться без осложнений. О себе он говорит: «Рискованная игра в стиле шахматных мушкетеров нравится любителям острых ощущений, но мне она не по душе. Я стараюсь трезво оценить свои возможности и не ломать себя». Карпов — яркий представитель игрового, спортивного стиля. Я же принадлежу к шахматистам исследовательского направления. Мне доставляет большое

удовольствие поиск новых теоретических продолжений, многочасовые домашние анализы. Я обожаю комбинационные осложнения и безжалостно ломаю в себе шаблон, избегая соблазна решать проблемы одними техническими средствами.

Однако, делая такие обобщения, не следует забывать предостережение Петросяна: «Каждый гроссмейстер — довольно сложная личность, представление о которой не всегда соответствует действительности. Таль — не только "жертвы", Фишер — не только "электронная машина", а Петросян — не только "осторожность"». Именно поэтому я убежден, что в самом главном мы с Карповым не расходимся: мы оба уверены, что шахматы — это прежде всего борьба, поединок, в котором противник должен быть повержен.

Ботвиннику карповский стиль напоминает стиль Капабланки, а мой, он считает, ближе к алехинскому. Это не умозрительное заключение: в молодости Ботвинник играл с обоими великими чемпионами прошлого.

Сила Капабланки была в холодной точности его мышления, что позволяло ему делать верный выбор, независимо от того, насколько сложна и опасна позиция. Ботвинник играл и с Ласкером, который был чемпионом мира целых 27 лет! Это был настоящий боец, каждую партию он превращал в борьбу нервов, в психологическое единоборство со своим соперником. Он говорил: «Я считаю, что в шахматы играют живые люди с разными вкусами и характерами. В борьбе нужно учитывать их сильные и слабые стороны, и нельзя руководствоваться только общими теоретическими положениями или выводами».

Ботвинник рассказывал мне, что Ласкер однажды выбросил часы, которые спешили, сказав при этом: «Терпеть не могу, когда врут. Часы должны показывать точное время».

Да, гроссмейстеры порой выглядят эксцентричными, бывает, даже не от мира сего, но вспомним утверждение Спасского: у всех великих шахматистов трудные характеры. Эта трудность возникает именно потому, что в шахматах одна сильная личность встречается с другой сильной личностью и стремится к психологическому превосходству как одному из факторов достижения победы. В таком столкновении — высекаются искры…

Ботвинник писал в 1981 году: «Карпов очень хорошо считает варианты. Но его главная сила не в этом: он заметно превосходит Каспарова в позиционном понимании. Еще будучи совсем юным, Карпов уже демонстрировал прекрасное понимание позиционных принципов; он не имеет себе равных в искусстве гармонично располагать фигуры. Его фигуры обычно неуязвимы, в то время

как фигуры соперника подвергаются постоянному давлению. В этом отношении стиль Карпова значительно лучше, чем Петросяна, который, достигнув абсолютно безопасной для себя позиции, терпеливо ждет ошибки соперника. Карпов не ждет: он играет активно».

Когда писались эти строки, Карпов находился в зените славы и уже шесть лет носил чемпионский титул. Ему было около тридцати, а я стоял на пороге своего совершеннолетия.

До нашего марафона, который начался тремя годами позже, мы встретились за доской еще лишь однажды. Это было в том же, 1981 году на московском «Турнире звезд», проходившем в великолепном Центре международной торговли. По воле жребия партия игралась в последнем туре, но ничего не решала, так как Карпов уже обеспечил себе общую победу. На 18-м ходу мы подписали мир. Я играл удачно до своего дня рождения, который пришелся как раз на середину турнира, но тут «сбился с ноги»: не довел до победы партию с Андерссоном, проиграл Петросяну. В итоге разделил 2—4-е места с Полугаевским и Смысловым.

Пока Карпов готовился к очередной схватке с Корчным, которая должна была состояться в конце года в Мерано, я успешно выступил на молодежном командном чемпионате мира в австрийском городе Граце, показав лучший индивидуальный результат: восемь побед при двух ничьих!

Американский мастер Эрик Шиллер весь турнир внимательно присматривался ко мне, и я приведу несколько его зарисовок с натуры, чтобы читатель мог представить себе, каким я виделся в то время со стороны.

«Именно на этом чемпионате я увидел, что Каспаров верит в приметы. Похоже, он, как Самсон, думает, что бритье плохо отражается на его результатах. Поэтому после ничьей с Куатли, на игру с которым он пришел гладко выбритым, Гарик стал принимать более богемный вид. Тогда он снова стал выигрывать и закончил турнир, набрав 90 процентов очков против соперников хорошего международного уровня…

Две наиболее впечатляющие партии Каспаров сыграл с англичанином Спилменом и американцем Федоровичем. В игре с Федоровичем проявился важный элемент его стиля: когда Джон попал в цейтнот и его фигуры начали вязнуть на ферзевом фланге, Гарик решил немножко поиграть на его цейтнот. Эта тактика удалась блестяще.

Каспаров очень интенсивно настраивается на игру перед самым началом партии. Он заранее занимает место за столиком, глубоко сосредоточивается. Лицо, которое только что было спокойным и безмятежным, вдруг начинает излучать

напряжение…

Вне турнирной обстановки все совсем иначе. Он с удовольствием играет блиц, хотя видно, что ему быстро надоедает это занятие, если противники слабые. Лучшие американские блицеры единодушны {35} в том, что он в этом деле великолепен. Гарик говорил мне, что у него вызывает интерес только один блиц-партнер — Карпов. Его уверенность в себе безгранична, но никогда не переходит в высокомерие. И он до сих пор преклоняется перед Фишером. Могу еще добавить, что Гарик не любит больших скоплений людей…

Гарик — отличный педагог. В Граце он прочитал лекцию, в которой проанализировал несколько партий шахматистов из стран третьего мира. Его демонстрация педагогического метода Ботвинника была превосходна, а практические советы оказались полезными. Моя собственная игра в течение последних месяцев заметно улучшилась, а ведь я был всего лишь переводчиком…

Литературный стиль Каспарова резко отличается от фишеровского, а его образованность гораздо выше. Он заядлый любитель чтения, и в его чемодане всегда полно книг».

Да, я повсюду возил с собой книги: труды по истории, мемуары, томики стихов моего любимого Лермонтова… Я всегда стремился больше узнать о странах, в которых мне доводилось бывать. Помню, в Эскориале, резиденции испанских королей, я по школьной привычке… стал подсказывать гиду. Благодаря природной памяти я помнил каждую вычитанную в книге дату. Позже я научился держать свои знания при себе. Но мальчиком сдержаться не мог. Это не было бахвальством: просто мне не терпелось поделиться своими знаниями со всеми вокруг.

Когда мне было лет шестнадцать-семнадцать, я с большим удовольствием общался с дворовыми ребятами. Смелые, лишенные предрассудков, то были дети улицы. Они считали меня своим и бесхитростно восхищались мной. Им ничего не надо было от меня, кроме общения, и это подкупало. Они внимательно слушали мои рассказы о писателях и актерах, о других знаменитостях, с которыми мне приходилось встречаться. При некотором пренебрежении к общепринятым нормам в их среде царил культ справедливости, свой неписаный кодекс чести. Именно с ними создавалась атмосфера искренности и раскованности. Кстати, уже тогда я заметил, что мне легко общаться с руководителями высокого ранга и с уличными ребятами, но не с теми, кто «между ними»…

Вспоминая далекую теперь юношескую пору, я вижу, что тогдашние мои жизненные представления обо всем, что не касалось шахмат, были весьма туманны. Из чего состояла моя

жизнь? Из бесконечной смены самолетов, городов, гостиничных номеров, турниров… Остаются в памяти обычно проблемы, а мои проблемы были связаны с шахматной доской. Конечно, я чувствовал, что становлюсь знаменитым, и не буду притворяться, будто мне это не нравилось. Хотя я и стал избегать людных мест. Мой друг Вадим Минасян сетовал на то, что мы не можем, как прежде, просто погулять по Баку: нас постоянно останавливали — кто побеседовать, кто поздравить, кто пожелать удачи. Потом то же самое стало происходить и в других городах.

Отношение к славе обычно меняется со временем: сначала она приятна, потом начинает раздражать, затем воспринимается спокойно и, наконец, она становится повседневностью, и ее просто перестаешь замечать.

Целью моей очередной поездки в 1981 году был голландский город Тилбург, где организаторы всегда собирали сильный по составу турнир. До этого мне очень помогал фактор неожиданности — никто не мог поверить, что сидящий напротив юноша может представлять серьезную опасность. Да и мои партии были еще малоизвестны зарубежным шахматистам. Но теперь ситуация изменилась. Мое имя бежало впереди меня, соперники стали готовиться к встречам. К тому же ведущие гроссмейстеры в большинстве своем оказались дьявольски изобретательны. Впоследствии я понял, насколько полезным и, главное, своевременным был этот «провальный» турнир, ставший ступенью в моем шахматном развитии. Но тогда, в Тилбурге, я испытал нечто похожее на шок. Ведь я не привык проигрывать.

В принципе мое выступление трудно было назвать провалом. По общему мнению, итог для восемнадцатилетнего юноши, поделившего 6—8-е места в компании именитых гроссмейстеров (три партии я выиграл, три проиграл и пять закончил вничью) был похвальным. Однако меня такой результат разочаровал, я воспринял его как крушение надежд. Но что расстроило нас с тренерами больше всего, так это мое неумение реализовывать достигнутое преимущество. Гроссмейстеры лучше меня ориентировались в сложных положениях, и особенно в эндшпиле. В глубине души я был убежден, что могу их побеждать, но прежде мне следовало совладать с самим собой.

Во втором туре я играл с Портишем, и он достиг ничьей в ситуации, где мне это казалось немыслимым. А в партии со Спасским меня ждали еще большие потрясения: я, по крайней мере, дважды упускал выигрыш и в конечном счете, угодив в цейтнот, проиграл. Петросяну я пожертвовал пешку, получил весьма перспективную позицию, однако в решающий момент не нашел верного продолжения атаки, и многоопытный Тигран

Вартанович, чья игра на самом деле больше походила на действия удава, чем тигра (с которым ассоциируется его имя), устоял и в конце концов выиграл. В дальнейшем этот горький опыт помог мне вернуть ему долг — победами в Бугойно и Никшиче.

Единственным утешением стал выигрыш у Андерссона, и до сих пор я считаю эту партию одним из лучших своих достижений. Петросян, который неизменно поддерживал меня даже тогда, когда это было не слишком модно, писал: «Появление Каспарова на международной арене имело для западных шахматистов примерно такое же значение, как в свое время появление Карпова. Ни с тем, ни с другим игра из общих соображений к добру обычно не приводит…

Способность терпеливо мобилизовать резервы, прежде чем продвинуться вперед, и есть один из секретов каспаровского успеха… Можно лишь восхищаться тем, как все его фигуры, кроме разве что короля, участвуют в атаке, и в то же время у противника нет абсолютно никакой возможности разменять хотя бы одну из них».

В конце партии Андерссон воскликнул: «Я с Каспаровым больше не играю!» — и остановил часы. Но, конечно, мы встречались за доской снова и снова.

И все же для меня турнир был неудачным. Очень хорошо проведя отдельные партии, в целом я достиг не слишком ободряющих результатов. Я был еще неопытен, стремился выиграть во что бы то ни стало, и гроссмейстеры наказывали меня за чересчур рискованные действия. Это был отрезвляющий опыт, показавший, что мне еще многое предстоит узнать и усвоить в шахматах. Я понял, что нуждаюсь в большей игровой практике на уровне зарубежных гроссмейстерских турниров. Мне следовало научиться играть жестче, чтобы доводить свои замыслы до логического завершения в борьбе с лучшими турнирными бойцами. Мы с тренерами сошлись на том, что это — основной урок, полученный в Тилбурге.

Не исключено, что на мою игру повлияло не только отсутствие опыта. Причиной могло стать и внутреннее смятение, которое я подспудно ощущал. Перед отъездом на турнир я был в больнице у дедушки. Ему только что сделали серьезную операцию, но он уже чувствовал себя хорошо. Наше прощание, как обычно, было очень теплым и немногословным — дедушка не любил лишних слов. Я уезжал в надежде, что через месяц мы встретимся дома… Кризис наступил внезапно. Когда я играл первую партию, его уже не было в живых. Мне об этом не сообщили: мама говорила по телефону, что дедушка еще в больнице («какие-то осложнения»). Почему мне было так

тревожно? После смерти отца прошло уже больше десяти лет, и я как-то не думал о том, что снова придется ощутить горечь и боль утраты близкого человека.

Стало традицией: после возвращения с турниров мы с мамой ехали на еврейское кладбище, где похоронен отец. В тот октябрьский день 1981 года меня повезли на армянское кладбище. Рыдания долго сотрясали меня. Мама не пыталась утешить, она понимала, что сейчас ее сын прощается и с дедушкой, и с детством… Долго еще я не мог привыкнуть к тому, что в доме остался только один мужчина. Бабушка предложила мне занять за столом место дедушки, но я до сих пор не могу это сделать…

Шахматный мир еще находился под впечатлением от убедительной победы Карпова в Мерано, а отборочные соревнования нового цикла уже начались. Для советских шахматистов отбор начинался с высшей лиги 49-го чемпионата СССР (Фрунзе, декабрь 1981 года). Многие специалисты, включая и Ботвинника, считали, что в этом цикле наиболее вероятным претендентом на шахматную корону окажется один из трех — Белявский, Каспаров или Псахис. Все трое были участниками того чемпионата, кстати, самого молодого по составу за всю предшествующую историю советских шахмат. И неудивительно, что один из двух его победителей тоже стал самым молодым чемпионом страны.

По словам Чингиза Айтматова, большого любителя шахмат, «все участники сражались так, словно это был важнейший турнир в их жизни».

В чемпионате прошли проверку боем новые продолжения в известных теоретических позициях. Классический подход к шахматам ставит перед черными в дебюте в качестве первоочередной задачи достижение равенства. Однако многие шахматисты активного стиля никогда не ограничивались столь прагматичным подходом к дебютным проблемам. Сейчас есть системы, в которых черные с самого начала стремятся перехватить инициативу, тем самым оспаривая традиционную привилегию белых в дебюте — право на получение преимущества. Ботвинник шутил, что ситуация чем-то напоминает танец, в котором дама проявляет инициативу и начинает вести партнера.

И, как уже не раз бывало, первые исследования в этом направлении предпринял именно Ботвинник. Он часто применял забракованные теорией дебютные построения, полагаясь на свой глубокий анализ и понимание нюансов избранного продолжения. Немало блестящих побед одержал он именно в таких «неблагополучных» системах. И одна из них по праву носит имя

своего создателя. Даже на фоне современных сложнейших контратакующих вариантов система Ботвинника в славянской защите выделяется остротой, запутанностью возникающих позиций. Долгое время обилие возможных опасностей отпугивало от нее белых, но в последние годы теория системы шагнула далеко вперед.

Так уж получилось, что на фрунзенском чемпионате мне пришлось вступить в теоретическую дискуссию как раз по системе Ботвинника. Речь идет о партиях с Геннадием Тимощенко и Иосифом Дорфманом (оба в будущем стали моими тренерами). Должен заметить, что в шахматах победа не всегда разрешает теоретический спор. Ведь соперник во время партии, возможно, просто что-то упустит в своих предварительных расчетах, а ваш следующий оппонент глубже проанализирует критическую позицию и вообще опровергнет всю идею. Подобная ситуация возникла после окончания моей партии с Тимощенко, в которой я пожертвовал коня и добился эффектной победы.

Сразу по окончании тура вспыхнули споры. Корректна ли жертва фигуры? Не могли ли черные сыграть сильнее? Критическую позицию, возникшую на 30-м ходу, анализировали почти все участники чемпионата. В конце концов большинство пришло к выводу, что при правильном продолжении черные могли выиграть. Свешников во всеуслышание объявил, что берется это доказать, когда мы встретимся с ним в предпоследнем туре. Вернувшись в гостиницу, я долго не мог успокоиться, снова и снова просчитывал варианты, пока, наконец, в два часа ночи не нашел выигрывающее продолжение.

На следующее утро, к общему удивлению, я снова пошел на систему Ботвинника. Зрители были поражены, увидев, что за 40 минут мы с Дорфманом умудрились сделать 30 ходов, — так стремились поскорее добраться до критической позиции. Дорфман был уверен, что выиграет, я тоже верил в свои аналитические выкладки. Уже мой 31-й ход оказался для соперника неожиданным, а 35-й подчеркнул беспомощность черных фигур, которые были не в состоянии прийти на помощь своему королю.

Но, быть может, Свешников сумел бы найти другое возражение? Я так и не узнал этого: челябинский гроссмейстер, видно, пришел к заключению, что осторожность — лучшая сторона доблести, и, когда мы встретились, уклонился от системы Ботвинника…

К последнему туру Псахис опережал меня на пол-очка (наша встреча в начале турнира закончилась моим поражением; всего в чемпионате я проиграл тогда только две партии). Его положение

было явно предпочтительнее еще и потому, что он играл белыми против Агзамова, а мне предстояло черными бороться с Тукмаковым, которого лишь ничья отделяла от бронзовой медали. Но финальные туры не всегда подчиняются законам логики.

Ситуация для меня была однозначной: всё или ничего! Поэтому я остановился на староиндийской защите, своем старом, испытанном оружии. Система, избранная Тукмаковым, не обещала белым многого, но имела то преимущество, что резко ограничивала активные возможности черных. Надо было что-то предпринимать… Конечно, я понимал, что попытка уклониться от освященных теорией продолжений связана с серьезным риском, но иначе надо было расстаться с мыслями о чемпионском звании.

Уже на 7-м ходу я пожертвовал пешку, получив взамен живую фигурную игру. Тукмаков мог многочисленными разменами добиться ничьей, но отказался от этого. Становилось очевидным, что соперника захватил азарт борьбы и, желая наказать меня за авантюрную игру в дебюте, он забыл о стоявшей перед ним спортивной задаче. Это было мне на руку, так как давало возможность проявить инициативу.

Понимая, что все мосты сожжены и судьба партии решится в открытом бою, я пожертвовал вторую пешку. Это отвлекло белую ладью, что неожиданно выявило слабость первой линии. Фигуры белых сгрудились на ферзевом фланге, а черные тем временем начали подбираться к неприятельскому королю.

Я чувствовал, что Тукмаков не сознает грозящей опасности, и на первый взгляд у белых действительно все было в порядке. Но только на первый взгляд. Огромная энергия, заложенная в черных фигурах, вдруг начала вырываться наружу. С опозданием Тукмаков стал перебрасывать фигуры назад, но они лишь становились новыми мишенями для моих фигур.

При желании я уже мог эффектно форсировать ничью, и в любой другой ситуации такая ничья принесла бы мне огромное творческое удовлетворение. Но в этот день я шел на риск как раз для того, чтобы избежать ничейного исхода! И тут, когда опасность стала видна невооруженным глазом, когда черные фигуры захватили все ключевые позиции, Тукмаков растерялся. В принципе проигрыш белых был предрешен, но обилие угроз и недостаток времени привели к грубому зевку, в один ход погубившему партию.

Долго колебалась чаша весов в партии Псахис — Агзамов. В какой-то момент даже казалось, что Лева близок к победе, однако упорной защитой соперник разбил все его надежды на атаку. Решив не выпускать синицу из рук, Псахис предложил ничью, но,

к своему удивлению, натолкнулся на отказ. В конце концов партия все же закончилась вничью.

Это была драматическая гонка, в которой мы с Псахисом, сменяя друг друга, лидировали на протяжении всей дистанции и в итоге вместе пересекли финишную черту, оторвавшись от ближайших преследователей на два с половиной очка! Обоим были вручены золотые медали чемпионов СССР.

Встречи с советскими гроссмейстерами стали для меня хорошей школой, я не только многому научился, но и заставил считаться с собой. Обнадеживал и быстрый рост моих результатов в чемпионатах страны: сначала с 9-го места я переместился на 3-е, а теперь — на 1-е.

Всех занимал вопрос: кто будет претендентом в 1984 году? В глубине души я верил в свой успех. Но со времени Тилбурга знал, что не смогу пройти отборочные соревнования, если не наберусь опыта игры в зарубежных турнирах экстракласса.

Следующий, 1982 год был очень важным для моего становления. В списке предстоящих турниров (причем от организаторов каждого из них я имел персональное приглашение) самыми интересными по составу были три — в Лондоне, Турине и Бугойно. Взвесив все «за» и «против», мы с тренерами остановились на турнире в Югославии. Конечно, я знал, что мне понадобится разрешение Шахматной федерации и Спорткомитета, но полагал, что это не более чем формальность… Ну, какая, спрашивается, может быть причина отказа молодому гроссмейстеру, да еще чемпиону СССР?

Однако у начальника Управления шахмат И. Крогиуса был «свой» взгляд на вещи: он предложил мне заурядный турнир в Дортмунде (кажется, 9-й категории). Это было унизительно для шахматиста моего уровня, и он не мог этого не понимать. Ведь я имел гораздо более высокий международный рейтинг, чем те, кому разрешения на участие в крупных турнирах давались беспрепятственно.

Я недоумевал: почему такое произошло именно со мной? в чем моя вина? У меня было такое ощущение, будто я попал в мир бюрократической обструкции, да так оно, собственно, и было. Просто тогда я еще не понимал, что против меня началось нечто вроде холодной войны.

Когда я спросил Крогиуса, что все это значит, он ответил с обезоруживающей прямотой и без особых признаков той личной неприязни ко мне, которая появится позже: «У нас есть чемпион мира, и другой нам не нужен».

Да здравствует король!

Я всегда знал, что Карпов занимал очень высокое положение в системе советских шахмат, но не понимал, что он правит, как король. Еще бы: вернул стране престиж, потерянный после того, как в 1972 году в Рейкьявике Борис Спасский потерпел поражение от Роберта Фишера, первого западного шахматиста, которому удалось завоевать титул чемпиона мира в послевоенное время.

Вспомните: Ботвинник, Смыслов, Таль, Петросян, Спасский. Мы полностью доминировали в мировых шахматах, пока Фишер не прервал это триумфальное шествие. Поражение Спасского явилось весьма ощутимым для нас ударом, тем более что оно было нанесено американцем и вызвало огромный резонанс во всем мире.

После Рейкьявика шахматных руководителей обвинили в попустительстве, а ведущих гроссмейстеров — в самоуспокоенности. Было высказано много других упреков и взаимных обвинений, признана необходимость более серьезного отношения к делу и более жесткой дисциплины. Сформировалось мнение, что наши именитые шахматисты утратили свою былую боевитость, ведя лишь междоусобную борьбу, и что им необходим суровый опыт зарубежных турниров. Главную ставку сделали на быстро прогрессирующего Карпова, вернувшего стране после длительного перерыва звание чемпиона мира среди юношей. И молодой фаворит вдруг обнаружил, что перед ним легко открываются все двери и ему с готовностью выдаются разрешения на участие в престижных зарубежных турнирах. Новой надежде советских шахмат не было отказа ни в чем!

Не следует забывать, что у нас в случае неудачи могут пострадать не только сами шахматисты, но и курирующие их чиновники. Победы Фишера создали проблемы для многих наших шахматных функционеров, так как считалось, что были допущены серьезные просчеты в подготовке спортсменов. Никто не хотел признать простую истину, что причиной всех наших огорчений был гений Фишера.

Придя в себя от потрясения, вызванного поражением Спасского, шахматное руководство сразу увидело ряд преимуществ в выдвижении на главную роль молодого чемпиона с Урала. Карпов вселял надежду на успешную борьбу с Фишером. Кроме того, было понятно, что этот дисциплинированный, исполнительный труженик, склонный к конформизму, в отличие от Спасского не станет «раскачивать лодку». Отныне шахматные чиновники связали свою судьбу с судьбой этой восходящей

звезды. К слову, для бывшего космонавта Виталия Севастьянова Карпов оказался тем «спутником», который вывел его на новую орбиту — председателя Шахматной федерации СССР.

Карпов быстро оправдал возлагаемые на него надежды, выиграв несколько турниров за рубежом, где он как бы заполнил пустоту, оставленную самоустранившимся Фишером. В 1973 году он выиграл вместе с Корчным межзональный турнир в Ленинграде, а затем последовательно победил в претендентских матчах Полугаевского, Спасского и Корчного. Теперь ему предстоял матч с Фишером.

Но матч не состоялся — выдвинутые чемпионом мира условия не были приняты. Хотя, невзирая на вполне объяснимое противодействие нашей федерации, шансы на их принятие были велики: чрезвычайный конгресс ФИДЕ, созванный в марте 1975 года, утвердил фишеровскую формулу безлимитного матча до десяти побед, и лишь требование Фишера о том, чтобы при счете 9:9 чемпион сохранял свое звание, было отклонено 35 голосами против 32 (при трех воздержавшихся).

Отвергал это требование и претендент: ведь ему, чтобы стать чемпионом мира, пришлось бы выигрывать с перевесом минимум в два очка (как в свое время Алехину у Капабланки, но в матче до шести побед).

«…Моя совесть абсолютно чиста, — писал позднее Карпов в своей книге «В далеком Багио» (Москва, 1981), — я сделал все, чтобы матч состоялся, и согласился на все условия, продиктованные Международной шахматной федерацией. А вот Фишер отказался… Общие спортивные прогнозы были для меня неблагоприятны. Фишер должен победить — это считалось чуть ли не аксиомой. Но я полагал, что неплохие шансы на выигрыш есть и у меня. И с каждым днем, напряженно работая, я старался увеличить эти шансы».

Настал бы когда-нибудь исторический день встречи соперников в матче на первенство мира, прими ФИДЕ и последнее условие Фишера? Очень сомнительно. И дело не только в затворничестве Фишера. «Теперь нет смысла нервничать, — заявил вскоре после конгресса Карпов. — Волноваться можно было, когда чрезвычайный конгресс еще не состоялся и я мог предполагать, что там будут приняты абсолютно все требования Фишера. Если это случилось бы, тогда я просто не имел бы морального права играть матч. Но когда я узнал, что конгресс прошел не под диктовку Фишера, моментально успокоился. Мне стало ясно: либо матч состоится, либо я сразу — чемпион мира».

И еще одно свидетельство из книги А.Карпова и А.Рошаля

«Девятая вертикаль» (Москва, 1978): «Очень жаль, что матча не получилось. Однако моей вины в том нет, ибо существуют принципы, от которых отступать я не могу. А Фишер — в этом уж вина целиком его — оказался таким человеком, который не ограничился частичными приобретениями и, пусть меня извинят за резкость, пожелал попросту «сесть на голову». К чему это? Ведь ему и так уже почти во всем уступили. Неизвестно, какие еще требования он бы выдвинул, если бы ему и до конца продолжали идти навстречу».

И настал другой исторический день — 24 апреля 1975 года, когда президент ФИДЕ Макс Эйве увенчал Карпова лавровым венком чемпиона мира. Церемония прошла торжественно и пышно: Колонный зал Дома союзов был переполнен, сцена утопала в цветах, вспышки блицев соперничали с блеском хрустальных люстр, нескончаемым потоком лились приветственные речи.

На последовавшей затем пресс-конференции новый чемпион мира ответил на вопрос о возможности поединка с Фишером: «Поскольку право экс-чемпиона на матч-реванш давно отменено и его никто не восстанавливал, я не могу играть с Фишером матч на звание чемпиона мира». Но заявил, что по-прежнему готов сыграть с Фишером *неофициально* и на других условиях (спустя тринадцать с лишним лет в интервью западногерманскому журналу «Spiegel» Карпов скажет: «В 1975 году Фишер был немного сильнее, мои тогдашние шансы я бы оценил как 40 на 60… Потом я выиграл целый ряд турниров. В 1976 году я был уже очень силен, к этому времени я играл уже наверняка лучше Фишера»).

В итоге Карпов так никогда и не встретился за доской с «шахматной легендой». Однако чемпионский титул, полученный таким образом, не принес удовлетворения ни ему, ни истинным любителям шахмат в нашей стране. Я всегда чувствовал, что у Карпова в связи с этим возник определенный комплекс. Вот почему он принял участие в таком огромном количестве международных турниров, большем, чем кто-либо из чемпионов: Карпов как бы демонстрировал миру свое право носить корону. Порторож — Любляна и Милан в 1975 году, Скопле, Амстердам и Монтилья в 1976-м, Бад-Лаутерберг, Лас-Пальмас, Лондон и Тилбург в 1977-м. Столь триумфального шествия от победы к победе шахматный мир не знал со времен Алехина…

Время начало работать на Карпова. Системе, которая возводила в абсолют все, что способствовало утверждению идеологических фетишей (в том числе и в спорте), он подходил идеально. К этому времени удельный вес шахмат в политизации

спорта стал расти. Английский гроссмейстер Майкл Стин отметил: «Нетрудно понять широкую популярность Карпова в Советском Союзе. Он похож на человека из масс, и поэтому массам легко отождествлять себя с ним». Карпов не был евреем, как Ботвинник и Таль, или армянином, как Петросян. Он был русским из глубинки. Сам Карпов старается подчеркнуть еще и свое «пролетарское» происхождение. Все это сыграло, вероятно, решающую роль в создании его культа.

Некоторые западные журналисты искали причину моих конфликтов с шахматными властями в том, что мой отец был евреем. Думаю, причина не в этом. По культуре и образованию я — русский. Мой родной язык — русский, а вовсе не армянский или азербайджанский, я изучал русскую литературу в школе, мое жизненное мировоззрение формировалось на русской классике. Несомненно одно: получив в семье интернациональное воспитание, я не выработал в себе каких-либо специфических, сугубо национальных черт поведения.

Все те трудности, с которыми мне пришлось столкнуться, связаны, думаю, не с моей национальностью, а с противоборством сил другого рода. Будь я более покладистым, удобным для аппарата, моя судьба, наверное, сложилась бы иначе.

Принято говорить: везет на друзей. Но точно так же может везти и на врагов. Карпову исторически крупно повезло, что его главным противником в течение многих лет был Корчной. «Отщепенец», «изменник», «предатель», «перебежчик»… Какими только эпитетами не награждала его советская пресса после того, как он остался на Западе. Неудивительно, что победе над Корчным придавалось огромное политическое значение. Победы в Багио (1978) и Мерано (1981) создали Карпову особый ореол в нашем обществе и позволили ему стать не просто шахматным чемпионом, но символом советской системы. И это очень устраивало спортивных руководителей, вообразивших, что они заняты не спортом, а большой политикой! Под флагом борьбы с «политическим врагом» они могли рассчитывать на самую высокую поддержку и на любую помощь со стороны государства.

Историю борьбы за мировое первенство создают не только чемпионы, то и те, кто составил им серьезную конкуренцию. Среди гроссмейстеров, в пору своего расцвета угрожавших шахматному трону, беспристрастный летописец назовет в первую очередь, конечно, Чигорина, Тарраша, Рубинштейна, Боголюбова, Бронштейна, Кереса… Но ни один из «вторых» не прошел столь тяжкий путь нешахматной борьбы, как Виктор Корчной.

Еще в 1974 году, во время его первого единоборства с Карповым, стало ясно, что симпатии аппарата всецело на стороне

Карпова. Это вызвало раздражение Корчного, который в послематчевых интервью для зарубежных изданий заявил, что на него оказывалось давление в ходе матча. Кроме того, он обвинил спортивное руководство в том, что оно обеспечило Карпова самыми квалифицированными тренерами и лучшими условиями для подготовки. Но это был глас вопиющего в пустыне: у Корчного не было никого, кто бы защитил его.

В июле 1976 года после турнира в Амстердаме Корчной подвел черту под своими отношениями с системой, попросив политического убежища на Западе. Невозвращение Корчного повергло наших функционеров в шок. Конечно, шахматисты уезжали и до него, но официально, а чтобы кто-то просто остался за рубежом, да еще гроссмейстер такого уровня — это не укладывалось в голове! Корчной был дисквалифицирован и лишен всех званий, волна осуждения прокатилась по страницам наших газет и журналов.

Советским шахматистам пришлось поддержать бойкот Корчного на международных турнирах, объявленный Шахматной федерацией СССР. Однако ФИДЕ потребовала, чтобы в официальных соревнованиях розыгрыша первенства мира наши шахматисты играли с Корчным, в противном случае им будет засчитываться поражение. Выбора не было. Петросян, Полугаевский и Спасский, встречаясь с Корчным в претендентских матчах, не обменивались с ним ни единым словом, даже ничью приходилось предлагать через посредника. Несмотря на такой «тройной заслон» бывших соотечественников, вновь, как и четыре года назад, соперником Карпова стал Корчной.

Это было пренеприятным сюрпризом. В свои сорок семь лет Корчной вдруг заиграл как никогда ранее — в жесткие, агрессивные шахматы. Казалось, переезд на Запад прибавил ему сил и энергии. Вспомним: он стал чемпионом страны среди юношей еще в 1947 году, после этого четырежды (!) завоевывал звание чемпиона СССР, не раз выходил в претенденты, но то, что лучшая пора Корчного давно позади, считалось общепризнанным.

Много лет назад, в 1957 году, мастер Лев Абрамов писал: «Многие весьма квалифицированные шахматисты делились со мной впечатлениями об игре Корчного и признавались (это должен сделать и я), что порой не понимают ее. Иногда эта игра чрезвычайно глубока, содержательна и дальновидна. Но возникает вопрос, не является ли стремление Корчного уйти от многих канонов самоцелью? Не пренебрегает ли он порой возможностью просто решать возникающие на шахматной доске задачи?»

Корчной в ответ заявил, что нарушает правила ради самих же шахмат: «Эмануил Ласкер в свое время заметил, что при равенстве сил противников партии редко бывают содержательными и обычно заканчиваются вничью. Шахматист, который не любит ничьи (а я отношусь к их числу), должен как-то нарушать это равновесие. Либо он что-то жертвует за инициативу, либо позволяет сопернику атаковать, надеясь использовать в качестве компенсации ослабления, возникающие при этом в позиции соперника».

Такая контратакующая философия очень подходила характеру Корчного. Во время матча в Багио один комментатор писал: «Его воля к победе и энергия просто феноменальны. Когда он садится играть, то забывает обо всем на свете. Он должен победить сидящего напротив, победить любой ценой».

С лихорадочным нетерпением ожидал в 1978 году шахматный мир начала матча на далеких Филиппинах. К июлю, когда он должен был начаться, ажиотаж достиг своего апогея. Однако долгожданный матч между Карповым и Корчным не оправдал надежд стать величайшим состязанием в истории шахмат. Хотя он, без сомнения, вошел в историю как один из самых загадочных. Должен признать, что уровень матча в Багио был очень высок, а игра Карпова временами — блестящей (не могу сказать того же о матче в Мерано). К сожалению, матч запомнился не столько качеством игры, сколько своей ненормальностью.

Необычным был уже сам выбор места действия. Багио расположен в 250 километрах от столицы Филиппин Манилы на высоте 1500 метров над уровнем моря. Порой город исчезал в густом тумане, так как матч проходил в сезон дождей, причинивших участникам некоторые неудобства. Наверное, не раз оба игрока задавались вопросом, почему именно это место выбрано для проведения матча, учитывая, что и тот и другой отдали предпочтение другим городам: Корчной поместил Багио в своем списке вторым, а Карпов назвал «резервным городом».

Ответ на этот вопрос нужно искать у чрезвычайно деятельного и бесконечно хитрого филиппинца Флоренсио Кампоманеса, пользовавшегося покровительством диктатора Маркоса. Это был его дебют на мировой шахматной сцене. Он установил хорошие отношения с В. Севастьяновым и В. Батуринским, руководителем делегации Карпова. И, как оказалось, не зря. Именно в Багио Кампо, как его стали называть, сделал солидную заявку на высший пост в мировых шахматах, добившись расположения советских официальных лиц и Карпова. Этого он достиг, всячески содействуя чемпиону, хотя, как

организатор матча, должен был бы оставаться нейтральным. Награду Кампоманес получил через четыре года в Люцерне, когда при нашей решающей поддержке был избран президентом ФИДЕ.

Конфликтов на этом матче хватало. Вспомним знаменитую «историю с йогуртом» — особой питательной смесью, разработанной специально для Карпова в Московском институте питания и напоминающей по виду фруктовый кефир. Уже после второй партии П.Лееверик, руководительница делегации Корчного, заявила протест по поводу того, что Карпову во время игры подали стакан йогурта. Она написала главному арбитру Лотару Шмиду: «Ясно, что хитро организованная передача пищи одному из игроков может означать какое-то шифрованное послание». И хотя, по словам Карпова, смесь «могла иметь всего два оттенка в зависимости от количества кислоты, содержащейся в стакане», Шмид попросил все же, чтобы напиток передавался Карпову в одно и то же время. «Закодировать можно и банановую кожуру, — сказал он при этом, — но соленая рыба, которую ел Фишер в матче со Спасским, ни у кого не вызывала подозрений». Как бы то ни было, эта история вывела Корчного из равновесия.

Затем возникла «проблема доктора Зухаря», психолога Карпова, который пристально смотрел на Корчного со своего места в четвертом ряду (первые три были отведены для почетных гостей).

Пытался ли профессор гипнотизировать претендента? На всякий случай Корчной потребовал, чтобы Зухарь пересел подальше от сцены. Он также потребовал установки зеркального экрана между игроками и зрителями (кстати, под шахматным столиком была сделана деревянная перегородка на случай, если игроки попытаются пнуть друг друга ногой). В конце концов пришли к компромиссному решению: Карпов согласился, чтобы Зухарь пересел назад, при условии, что Корчной снимет огромные зеркальные очки, которые мешали зрению Карпова, и откажется от требования установить экран между залом и сценой (однако в день последней партии Зухарь вновь пересел в четвертый ряд, и Корчной обвинил Карпова в нарушении их джентльменского соглашения).

Потом возникла «история с парапсихологами», когда Корчной пригласил двух членов секты «Ананда Марта» присутствовать в зале, чтобы помогать ему в мыслительном процессе. Вскоре выяснилось, что они осуждены филиппинским судом за покушение на индийского дипломата и выпущены на свободу под денежный залог до рассмотрения апелляции. После долгих препирательств, заявлений и совещаний им было запрещено появляться в зале…

Я так подробно останавливаюсь на нешахматной стороне матча потому, что интересно проследить поведение Карпова в конфликтной ситуации, тем более что тогда он был на вершине славы. Дополнительный интерес вызывает то, что именно в Багио сложился дружеский альянс Карпов — Кампоманес, имевший далеко идущие последствия для шахматного мира. Не будем, однако, забегать вперед и вернемся в Багио.

Итак, казалось бы, в безнадежном положении (после 27 партий счет был 5:2 в пользу Карпова, а игра шла до шести побед) Корчной сумел переломить ход борьбы и сравнял счет. Это случилось 13 октября. «Проиграв до того две партии и позволив противнику вплотную приблизиться ко мне в счете матча, — вспоминал Карпов в книге «В далеком Багио», — я переживал, честно говоря, все же еще не очень. Понимал: рано или поздно придет праздник и на мою улицу и, пересилив себя, сумею нанести решающий удар. Потерпев же поражение в 31-й партии, я расстроился не на шутку. И потому, что счет стал уже 5:5, и оттого, что совершен неимоверный просмотр в один ход. В окончательной победе я все равно не разуверился, но, сами понимаете, иметь возможность получить 5:1… добиться 5:2 и вот теперь «докатиться» до 5:5… Было от чего потерять голову».

Спустя годы в «Spiegel» появилось сенсационное сообщение: оказывается, именно в день проигрыша 31-й партии Карпов заключил контракт с фирмой «Novag» в Гонконге на рекламу шахматного компьютера. Можно только позавидовать выдержке и хладнокровию нашего чемпиона, который в самый трагический момент матча «не потерял голову». Посредником в сделке выступил деловой партнер Карпова, западногерманский тележурналист Гельмут Юнгвирт. Вот что рассказал бывший президент Немецкого шахматного союза Альфред Кинцель в беседе с корреспондентом газеты «Московские новости» в сентябре 1988 года: «Юнгвирт познакомился с Карповым, когда вел телепередачу «Шах чемпиону», в которой телезрители ФРГ играли с Анатолием Карповым. Будучи репортером на матче в Багио, Юнгвирт часто летал в Гонконг, где встретился с Петером Ауге, владельцем фирмы по продаже компьютеров. У них возник план: использовать имя чемпиона мира для рекламы. Юнгвирт сообщил хозяину «Новаг», что А.Карпов принял предложение при условии: с каждого проданного компьютера ему будет отчисляться определенная сумма».

Момент, выбранный для заключения контракта, вызывает удивление. Позднее Юнгвирт заявил, что Карпов, опасаясь гонений у себя на родине в случае поражения от эмигранта Корчного, собирался бежать в США и в кассе манильского аэропорта

его ждал билет авиакомпании «Pan Am» до Лос-Анджелеса. 30 ноября 1988 года суд в Гамбурге признал «откровения» Юнг-вирта вымыслом. Еще раньше об этом заявил тот же Кинцель — кстати, одно из доверенных лиц Карпова: «Мое мнение: Юнгвирт все наврал. Да и на суде он продолжал сочинять небылицы».

…Теперь все зависело от того, кто одержит следующую победу. Тогда-то и появились слухи о том, что советская делегация, озабоченная состоянием здоровья Карпова, предложила прекратить матч при счете 5:5, при этом Карпов, конечно, сохранял титул чемпиона. Опровержение этих слухов показалось мне тогда убедительным, но с годами возникли сомнения. Тогдашний президент ФИДЕ Макс Эйве сказал Реймонду Кину, одному из секундантов Корчного, что матч при равном счете следует прекратить. Он выдавал это за свою собственную идею, хотя вполне возможно, что она была ему подсказана, как спустя семь лет другому президенту ФИДЕ — Кампоманесу, когда он прекратил наш первый матч с Карповым в сходной ситуации и под тем же предлогом…

Что же произошло дальше в Багио? «…На помощь пришел Виталий Иванович Севастьянов, — пишет Карпов, — человек живой, энергичный, заводила во всех компаниях, человек, рядом с которым унывать было бы просто стыдно… Виталий Иванович по собственной инициативе то садился играть со мною в нарды, то обучал новой форме раскладывания пасьянса, то заставлял выходить из машины и ночью идти пешком… И вот в решающий момент единоборства именно он настоял на необходимости (многие колебались) взятия перерыва от шахмат, но не для того, чтобы проводить этот тайм-аут в привычных и набивших оскомину условиях и опять же за анализами на шахматной доске, а ради смены впечатлений, для поездки в Манилу, где завершался чемпионат мира по баскетболу. Это было смелое и рискованное решение — пятичасовой (это только в одну сторону) переезд на автомобиле по горной дороге вряд ли кто-нибудь ранее рекомендовал накануне самой ответственной партии. Но конкретная ситуация требовала и конкретного подхода. Творческая смелость решений, как я тогда убедился, исключительно важна в экстремальных обстоятельствах.

…А в Багио тем временем полыхали совсем иные страсти, — продолжает Карпов. — Уже через час примерно после нашего отъезда главный организатор матча и вице-президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес собрал неожиданную пресс-конференцию по вопросу о продолжающемся вмешательстве членов секты «Ананда Марта». Ф.Кампоманес потребовал от Корчного соблюдения норм приличия и уважения к тем, кто создал ему на

Филиппинах превосходные условия: "Мы не желаем, чтобы матч за мировое первенство любители связывали в своем сознании о теми, кто запятнан преступлением"».

И вот, наконец, финал. О нем рассказал в уже упоминавшейся книге «Девятая вертикаль» пресс-атташе делегации Карпова в Багио Александр Рошаль: «На сцене вечером 17 октября, когда игралась 32-я партия, ставшая решающей, мы увидели за столиком чемпиона, которого привыкли видеть и хотим видеть… На следующий день, когда арбитр матча чехословацкий гроссмейстер М.Филип сообщил, что противник сдает 32-ю партию без доигрывания, устало улыбнувшийся чемпион мира «разрешил» сообщить домой о своей победе. А председатель Шахматной федерации СССР летчик-космонавт СССР В.Севастьянов сказал: «Вот и настал, Толя, твой звездный час»…

В этот же день Анатолий отправил телеграмму в Москву:

Товарищу БРЕЖНЕВУ Леониду Ильичу

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Счастлив доложить, что матч на звание чемпиона мира по шахматам закончился нашей победой.

Примите, дорогой Леонид Ильич, сердечную благодарность за отеческую заботу и внимание, проявленные ко мне и нашей делегации в период подготовки и проведения матча.

Заверяю Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство и лично Вас, Леонид Ильич, что в будущем приложу все усилия для приумножения славы советской шахматной школы.

Чемпион мира Анатолий КАРПОВ 18 октября 1978 года, Багио, Филиппины».

Так заканчивается эта книга. А начинается она с поздравительной телеграммы Брежнева:

Багио, Филиппины

Товарищу КАРПОВУ Анатолию Евгеньевичу

Дорогой Анатолий Евгеньевич!

Был очень рад получить Вашу телеграмму. Горячо и сердечно поздравляю Вас с победой в ответственном и нелегком матче.

Вся наша страна гордится тем, что в тяжелой упорной борьбе Вы проявили высокое мастерство, несгибаемую волю и мужество, словом, наш советский

характер.

Уверен, что Вы в дальнейшем умножите свои творческие усилия и внесете крупный вклад в сокровищницу шахматного искусства.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья, ярких побед во славу нашей великой Родины,

Л.БРЕЖНЕВ

Когда Карпов вернулся из Багио, Брежнев торжественно принял его, и об этом Анатолий Евгеньевич вспоминает как об одном из «самых значительных» событий в своей жизни. Карпову был вручен в Кремле орден Трудового Красного Знамени, после чего Брежнев напутствовал его: «Взял корону, так держи!» Вряд ли Леонид Ильич мог предположить, что его слова воспримут буквально, но высокопоставленные чиновники отнеслись к ним со всей серьезностью.

Победа Карпова была важной во всех отношениях. Она окончательно стирала воспоминания о Рейкьявике и восстанавливала престиж советских шахмат. Блеск победы Карпова увеличивался еще одним важным обстоятельством: поражение потерпел «невозвращенец», что обесценивало его критику в адрес наших властей. Так случилось, что оба они — и Фишер, и Корчной, — сами того не желая, оказали Карпову огромную услугу. Один без борьбы отдал ему чемпионскую корону, другой способствовал превращению его в политическую фигуру.

Власти конечно же были признательны руководителям Шахматной федерации за поддержание национальной чести, а те, в свою очередь, должны были испытывать благодарность к своему герою — Карпову. Многие заслужили благодарность, но прежде всего — сам чемпион. И его поощрили как никого: предоставили множество привилегий, включая, вероятно, и свободу действий за рубежом.

Взять тот же негласный договор Карпова с фирмой «Novag». Лишь много позднее, когда выяснилось, что Юнгвирт утаил от чемпиона около полумиллиона долларов, подробности этого контракта стали достоянием общественности. Помогли ли власти Карпову в этой сделке? Или просто закрыли на нее глаза, как, возможно, закрыли глаза и на его валютные счета в западных банках? Или же он проделал все за их спиной? Ответа на эти вопросы до сих пор нет. Несомненно одно: в дальнейшем Карпову была оказана помощь в его попытке заполучить свои «законные» деньги. И помогали ему в этом (в 1983–1984 годах) не советские официальные лица, а Кампоманес и Кинцель (тот самый Кинцель,

который вместе с Кампоманесом действовал против меня в феврале 1985 года). Кампоманес выступал в роли доверенного лица Карпова и раньше, а «тройственный союз» был оформлен документально в апреле 1984 года в Лондоне. Частное расследование прошло успешно: 30 августа Юнгвирт в разговоре с Кинцелем (кстати, бывшим шефом полиции) наконец признал, что получал деньги для Карпова. Через неделю Кинцель приступил к своим обязанностям председателя апелляционного комитета нашего первого матча с Карповым…

К концу 1981 года, когда Карпову вновь предстояло встретиться в матче с Корчным — на этот раз в Мерано, чемпион оказался в центре беспримерной патриотической кампании. Он получил лучших тренеров и всевозможную помощь, какую только мог оказать ему государственный аппарат. Как и три года назад, Корчной в претендентских матчах победил Петросяна и Полугаевского, а затем, в финальном поединке — Хюбнера.

Об атмосфере подозрительности, окружавшей матч в Мерано, можно судить уже по тому факту, что советская делегация (включая и Карпова) побывала там за несколько недель до начала матча, чтобы проверить питьевую воду, климатические условия, уровень шума и радиации — во всяком случае, так заявил председатель оргкомитета в интервью швейцарскому журналу «Chess-press».

К тому времени политическая сторона матча стала важнее, чем сами шахматы. Красноречивое свидетельство тому — строки из статьи Севастьянова «Карпов, каким мы его любим», опубликованной в декабре 1981 года в «Литературной газете»: «В Мерано он (Карпов. — *Г.К.*) защищал не только свое звание… Он защищал честь и достоинство нашей страны и нашего строя. Контраст между представителем Страны Советов и его озлобившимся, растерявшимся оппонентом поразил даже журналистов из буржуазных изданий, вряд ли посланных своими хозяевами в Мерано с целью быть объективными и правдивыми. Это было различие не только между двумя людьми. Точнее — не столько между двумя людьми. Это была разница между миром лжи и наживы и миром светлого завтрашнего дня».

Воспользовавшись предматчевой ситуацией, Корчной начал кампанию за выезд из страны своей семьи, которая все еще оставалась в Ленинграде. Особенно он был озабочен судьбой сына. Как явствовало из статьи «Облыжный ход претендента», напечатанной в газете «Советский спорт» перед матчем в Мерано, «сын ушел сначала из института, потеряв, таким образом, право на отсрочку от несения службы, а потом демонстративно отказался от выполнения закона о всеобщей воинской

обязанности, скрывался от призыва в армию и был в конце концов в соответствии с законом осужден советским судом…»

Соперники находились в совершенно разных условиях. Если Корчной был подготовлен плохо (не могло не сказаться и неучастие в крупнейших турнирах, куда ему закрывал доступ бойкот со стороны советских шахматистов), то Карпову помогали все наши лучшие гроссмейстеры. Мы обязаны были снабдить его информацией о своих дебютных разработках и вариантах, раскрыть все свои профессиональные секреты. Нам дали ясно понять, что это наш патриотический долг, ибо «изменника» надо разбить во что бы то ни стало.

Многие гроссмейстеры исправно выполнили то, что от них требовалось. Но я отказался, заявив, что необходимости в этом нет — поражение Корчного и так предрешено (и действительно, борьбы как таковой в Мерано не было: Карпов выиграл со счетом 6:2). Не исключаю, что Карпов просто хотел воспользоваться случаем, чтобы выудить все теоретические новинки из советских гроссмейстеров.

Итак, Карпов продолжал быть шахматным королем. Как и положено царствующей особе, он был окружен многочисленной свитой. В его власти было решать, кто поедет за границу, а кто нет. Все шахматисты оказались поделены на «выездных» и «невыездных», причем принцип такого деления секрета не составлял.

Помните, что мне сказал начальник Управления шахмат Крогиус: «У нас есть чемпион мира, и другой нам не нужен»? Эти слова — памятник старому режиму, и не только в шахматах. Карпов должен был оставаться чемпионом до скончания века — а если так, то зачем что-то менять, развивать? Такой подход не считался безнравственным и в основе своей не был направлен лично против меня. Просто мне суждено было оказаться тем неудачником, которому не дозволено стать чемпионом, потому что он появился некстати.

Шел 1982 год. Начался новый отборочный цикл борьбы за шахматную корону. Мне необходим был опыт зарубежных соревнований — особенно теперь, в преддверии межзонального турнира в Москве. Не сомневаюсь, что, если бы это было в чьих-то силах, меня бы не допустили до участия в нем, несмотря на то что я уже входил в пятерку сильнейших шахматистов мира.

Заместитель председателя Спорткомитета В. Ивонин, влиятельнейший сторонник Карпова, имел неосторожность сказать — и не где-нибудь, а в Баку! — что Спорткомитет сделает все, что в его силах, чтобы предотвратить встречу Каспарова с Карповым в этом цикле.

Как я уже говорил, у меня были приглашения из Бугойно, Турина и Лондона. Но вместо этого мне предложили второразрядный турнир в Дортмунде. Я решил бороться. Но какое оружие могло быть у восемнадцатилетнего юноши против грозной власти, которой обладал чемпион мира? Это напоминало легенду о Давиде и Голиафе. И я огляделся вокруг в поисках поддержки.

Первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана был тогда Г.А.Алиев. Гейдар Алиевич тепло поздравил меня с победой в чемпионате СССР, в беседе со мной интересовался моей учебой в институте, одобрил активное участие в комсомольской жизни Баку, в популяризации шахмат в республике. Вскоре меня пригласили выступить на съезде комсомола Азербайджана. На съезд неожиданно приехали Севастьянов и Ивонин. Не знаю, кто их пригласил, и приглашали ли вообще. Но коль скоро они были здесь, я решил воспользоваться случаем и напрямую обратиться к руководству Шахматной федерации и Спорткомитета и непосредственно к Алиеву.

Результат превзошел все ожидания: мне дали разрешение участвовать в супертурнире в Бугойно. Теперь, преодолев все затруднения, надо было извлечь максимум пользы из встреч с лучшими зарубежными гроссмейстерами.

И в дальнейшем в тяжелых ситуациях мне приходилось обращаться за помощью к Гейдару Алиевичу, и он по возможности оказывал мне содействие. Сейчас некоторые пытаются использовать этот факт, чтобы упрекнуть меня в неискренности. Мол, о какой многолетней травле аппаратчиками Каспаров нам говорит, если ему самому покровительствовал такой видный деятель эпохи застоя! Должен признать, что без поддержки влиятельных партийных руководителей мне бы ни за что не удалось пройти весь путь борьбы за мировое первенство. Но ни разу эта помощь не была использована во вред кому бы то ни было.

Я часто задумываюсь над причинами, побудившими Алиева уделять мне такое внимание. Ведь если будущая поддержка со стороны А.Н.Яковлева и С.А.Шалаева в значительной степени определялась происходившими в стране переменами, то Алиев, принадлежавший к «брежневской когорте», должен был бы, по логике вещей, занимать другую позицию. Напрашивается объяснение: сыграли роль естественная гордость достижениями земляка, возможность прославления родного Баку. Но могли ли такие соображения эмоционального характера перевесить опасность конфронтации с той частью аппарата, кумиром которой был Карпов? Не исключено, что, поддерживая меня, Алиев как бы

проверял реальность своих шансов в борьбе за власть, хорошо понимая, с какой оппозицией ему придется столкнуться. Так или иначе, своевременное вмешательство Алиева дало мне возможность заняться подготовкой к штурму шахматного Олимпа.

…Турнир в Бугойно собрал целое созвездие имен! Спасский, Петросян, Хюбнер, Ларсен, Полугаевский, Глигорич, Андерссон, Любоевич, Тимман, Кавалек, Найдорф, Иванович и Ивков. Ровный состав участников предвещал упорную борьбу. Но особой борьбы за первое место не получилось. Предложенный мною со старта высокий темп партнерам оказался не под силу.

Я был рад обнаружить, что ошибки и неуверенность, преследовавшие меня в Тилбурге, исчезли. Я не проиграл ни одной партии и выиграл турнир, опередив на полтора очка Любоевича и Полугаевского. Самой трудной для меня оказалась партия с Тимманом: получив проигранную позицию, я в страшных осложнениях сумел запутать соперника и избежал поражения. Боевой ничьей закончилась и моя встреча со Спасским. Зато партия с Петросяном показала, насколько возрос мой опыт по сравнению с прошлым годом. Ботвинник отозвался о ней так: «Каспарову удалось создать тонкую позиционную партию против Петросяна. Хотя Петросян славится своим позиционным пониманием, в данной партии он уже в дебюте попал в трудное положение. Простыми ходами, не прибегая ни к комбинациям, ни к позиционным жертвам, Каспаров примерно к 15-му ходу поставил своего именитого противника в безвыходное положение».

Этой партией я горжусь больше, чем многими шахматными фейерверками, которые обычно вызывают восторг болельщиков. Получив подавляющую позицию, я уже стал прикидывать форсированные продолжения, как вдруг вспомнил беседу со Спасским, состоявшуюся накануне: «Помни, Петросян — тактик с огромным пониманием позиции и сверхъестественным чутьем. Не наноси прямых ударов и постарайся ничего не жертвовать. В худших позициях без контригры Петросяну трудно защищаться. Так что жми его, жми, но ни в коем случае не торопись». Я снова взглянул на позицию. В ушах все еще стояло: «Жми его, жми». Мои следующие пять ходов были невзрачными, но едва ли не самыми трудными в жизни. Каждый из них чуть-чуть улучшал позицию, не создавая никаких видимых угроз. Четыре хода Петросян держался, но на пятом дрогнул, и я перевел партию в выигрышный эндшпиль…

В одном из интервью Ботвинник так прокомментировал результаты турнира: «Если прежде я считал, что Каспаров сможет

стать соперником Карпова не ранее следующего цикла, то после турнира в Бугойно склонен допустить, что это, возможно, случится раньше».

После этого журналисты стали атаковать меня вопросом: «мой» это цикл или «не мой»? Трудный вопрос. Отвечая определенно, я рисковал показаться не совсем искренним. В первом случае меня сочли бы зазнайкой. Во втором — решили бы, что я не связываю с предстоящим трехлетием никаких надежд. «Но ведь это не так!»

Настала пора готовиться к главному для меня событию года — межзональному турниру в Москве.

Но прежде предстояло сдать сессию — я, как уже говорил, был студентом бакинского института иностранных языков, где специализировался в английском. Времени было в обрез, так что пришлось положиться на свою «шахматную» память. И она не подвела.

Кстати, хорошая память — вещь, совершенно необходимая для шахматиста. Ведь ему приходится помнить тысячи партий, многочисленные дебютные варианты и теоретические позиции.

Любопытную историю рассказывают о памяти Фишера. Он как-то позвонил исландскому гроссмейстеру Фридрику Олафссону, но в доме не оказалось никого, кроме его маленькой дочки. Фишер ни слова не понимал по-исландски, она — ни слова по-английски. Механически запомнив все услышанное, Фишер перезвонил знакомому исландцу и попросил перевести. Каково же было удивление Олафссона, когда Фишер позвонил точно в указанное девочкой время.

Однажды журнал «Spiegel» устроил мне проверку, показав пять позиций и попросив определить, из каких они взяты партий. Мне потребовалось буквально несколько секунд. До сих пор помню те партии: Карпов — Майлс (Осло, 1984), Ботвинник — Фишер (Варна, 1962), Хюбнер — Тимман (Линарес, 1985) — тут я спутал Тиммана с Любоевичем, Алехин — Капабланка (Буэнос-Айрес, 1927) и Соколов — Агзамов (Рига, 1985).

Затем меня спросили, что я думаю о феноменальной памяти, которую демонстрировал знаменитый американский чемпион Гарри Пильсбери. Один из его эффектных номеров заключался в следующем. На каждом из 50 пронумерованных листков бумаги писалось по пять слов, затем листки бросались в цилиндр. Оттуда их доставали по одному, называли номер, и Пильсбери на память произносил написанные слова. Я сказал, что не стал бы этого делать, потому что считаю вредным занятием. Много лет назад тренер Александр Асланов показывал нечто подобное мне и другим школьникам. Мы пронумеровали 30 существительных,

после чего Асланов посмотрел запись. Сначала он угадывал слова по номерам, затем наоборот. Он мог запомнить 150 слов подряд из словаря и прочесть их наизусть. Правда, потом бывал несколько рассеян…

Два летних месяца перед межзональным турниром я провел, как обычно, в Загульбе — маленьком поселке на берегу Каспия, в сорока километрах к северу от Баку. Нигде мне не работается так хорошо и плодотворно, как здесь. Поэтому-то я так привязан к Загульбе, живу здесь не только летом, но и зимой, и ранней весной, когда пляж пустынен и можно побыть одному.

В команду входили тогда Александр Никитин, мой постоянный тренер, Александр Шакаров и Евгений Владимиров. Утро, понятно, проводили на пляже. Плавали, играли в футбол — азартный, дурашливый пляжный футбол, не похожий ни на что на свете. Но я включался в него не сразу, а после пробежки: три километра босиком вдоль моря — по мокрому, тяжелому для бега песку. И так каждое утро… Ошибаются те, кто думает, что подготовка к соревнованиям — это только работа над шахматами. Без физических нагрузок не выдержать напряжения борьбы, особенно на высшем уровне.

Возвращаясь с пляжа, я час обязательно сплю. Работать мы с тренерами начинали днем, после традиционного послеобеденного чая. Наше оптимальное время, выведенное опытным путем, — пять часов. Но если наткнулись на какую-нибудь увлекательную идею, то о времени, конечно, забывали…

Московский межзональный был последним из трех турниров, которые должны были определить участников претендентских матчей. Рибли и Смыслов уже стали победителями в Лас-Пальмасе, Портиш и Торре — в Толуке, а Корчной и Хюбнер как финалисты прошлого цикла были освобождены от отборочных соревнований. Все они теперь ждали вестей из Москвы.

Не все гладко складывалось у меня по ходу турнира. После удачного старта последовала серия ничьих. Это вызвало осуждение со стороны некоторых журналистов, на страницах газет появились упреки в том, что я осторожничаю. Да, я старался не рисковать: дистанция была короткой, и проигрыш даже одной-единственной партии мог сильно осложнить выполнение главной задачи. Изучение опыта двух других межзональных турниров позволило сделать вывод, что главное — правильно распределить силы. Действительно, в Лас-Пальмасе и Толуке победа досталась не тому, кто резво стартовал (и потом постоянно думал, как бы не растерять запас очков), а тому, кто сохранил силы для финишного рывка.

Впервые участвуя в межзональном, я, естественно,

волновался. Это сказывалось на игре. Но правильно выбранная турнирная стратегия помогла преодолеть и волнение, и отсутствие опыта. Прежде всего я старался следить за эмоциями, чтобы «не заносило», чтобы не попадать в цейтноты. Нехватка времени порой ощущалась, но сильного цейтнота не было ни разу. Практически обошлось и без откладывания партий.

В любом турнире бывают ключевые моменты. В Москве для меня ключевыми были — партии с Талем и Андерссоном, хотя обе и завершились вничью. Почему именно они? В партии с Талем я применил новую схему, которая застала его врасплох. Вначале борьба складывалась для меня удачно. Но, когда оставалось нанести несложный комбинационный удар, я соблазнился другим, более эффектным, продолжением и… передал инициативу в руки Таля. К счастью, все для меня еще закончилось благополучно. И все равно я испытал шок. Я ошибся в тактических осложнениях, которые считал своей родной стихией! Я старался забыть эту партию, чем-то отвлечься. Но из головы не шло: «Как я мог так просчитаться!» И, когда на следующий день я жертвовал фигуру Белявскому, меня не оставляло тревожное чувство, что снова могу ошибиться. Эта скованность повлияла на мою игру и в последующих турах.

И вот партия с Андерссоном. Попал в тяжелую позицию. Что делать? Сработал инстинкт самосохранения: вместо того чтобы нервно бегать по сцене, я просто сидел за столиком и невозмутимо смотрел на соперника. Совсем недавно на турнире в Бугойно самообладание выручило меня в партии с Тимманом, когда я вдруг остался без ладьи. Он явно ждал моей сдачи: ладьи-то нет! А я продолжал играть как ни в чем не бывало и поймал-таки Тиммана в хорошо замаскированную ловушку.

И во встрече с Андерссоном произошло маленькое чудо — я спасся. Эта удача дала мне большой заряд положительных эмоций и вывела из состояния депрессии. С этого момента игра пошла. И, когда на финише удалось выиграть четыре партии подряд, стало ясно, что силы были распределены правильно. В итоге, набрав 10 очков из 13 (семь побед при шести ничьих), я опередил второго призера Белявского на полтора очка…

Впереди было еще много испытаний, но, по крайней мере, я уже твердо стоял на пути, ведущем к мировому первенству. Мечта начинала осуществляться. Я верил в свою игру, в свои силы и был прекрасно подготовлен. Но на сердце было неспокойно: «Что они там еще придумают?» Я понимал: есть мысли, которые нужно гнать от себя, чтобы не потерять веру в то, что является в жизни главным. И все же не мог избавиться от мрачных предчувствий. Но каждый раз я думал: «Этого не может быть, потому что не

может быть никогда». И с этой мыслью занимался шахматами и только ими.

Но вскоре мне пришлось столкнуться с реальной действительностью и я понял, что в этой жизни может случиться все. Абсолютно все.

Война и мир

Швейцарский город Люцерн, казалось бы, самой природой создан для покоя и отдохновения: прекрасное озеро, горы, покрытые снегом, тишина… Неудивительно, что этот живописный уголок был избран местом проведения XXV Шахматной олимпиады. Однако, по иронии судьбы, события, разыгравшиеся тогда в Люцерне, ввергли шахматный мир в пучину бесконечных тяжб и конфликтов. Ибо именно здесь к концу 1982 года равновесие сил в мировых шахматах резко нарушилось. Их будущее оказалось в руках человека, который смотрел на шахматистов сверху вниз и который стал не шахматным президентом, а президентом над шахматами!

Мне тогда было всего девятнадцать лет, шахматы были для меня всем, и я старался не замечать «византийской» политики, ведущейся вокруг них. И только сейчас я понял, что именно там, в Люцерне — истоки многих моих последующих проблем.

Мог ли кто-нибудь еще совсем недавно представить, что шахматы нуждаются в такой мощной организации, как нынешняя ФИДЕ? На доске всего тридцать две фигуры, и если они расставлены, то, спрашивается, что еще нужно? Разве что судья должен побеспокоиться о том, чтобы игроки не следовали советам типа тех, какие давал своим ученикам испанский священник XVI века Руи Лопес («Садитесь так, чтобы солнце светило в глаза партнеру» и т. п.). Все остальное можно решить по-джентльменски.

Но сейчас всем руководит Международная шахматная федерация. Она была основана в 1924 году и благодаря усилиям энтузиастов многое сделала для распространения шахмат. Но в довоенный период ФИДЕ еще не имела достаточно сил и авторитета, чтобы взять под контроль организацию и проведение чемпионатов мира. Кроме того, эти планы не пользовались поддержкой сильнейших гроссмейстеров и самого чемпиона. Лишь после смерти Александра Алехина и вступления в 1947 году в ФИДЕ Советской шахматной федерации положение изменилось. Была разработана и введена в практику стройная система розыгрыша мирового первенства. Первым чемпионом мира в соревновании, проведенном под эгидой ФИДЕ, стал Михаил Ботвинник, одержавший победу в матч-турнире претендентов в 1948 году.

Ныне ФИДЕ — мощная бюрократическая структура с огромным управленческим аппаратом: со своим президентом, генеральным секретарем, секретариатом, пятью региональными

вице-президентами (по одному от каждого континента), исполнительным комитетом и центральным комитетом. Один бывалый журналист сказал: «Политика все больше проникает в шахматы, это явление противоестественное и пугающее. Причина в том, что шахматы порождают глубокие и жестокие страсти. ФИДЕ стала походить на ООН: раздоры, влиятельные группировки, международная конфронтация, предвыборные кампании и закулисные интриги — в ход идет весь арсенал дипломатической борьбы».

Как и в большинстве громоздких международных организаций, власть сосредоточивается в центре, вокруг президента, находящегося как бы на вершине пирамиды. Выборная система не может гарантировать справедливого решения проблем, так как крупные шахматные державы не в состоянии отстаивать свои интересы. Одна страна — один голос. Это правило действует без исключения по всем вопросам, причем принятые решения обязательны и для всех шахматных федераций, и для чемпиона мира. Налицо возможность откровенного диктата малых стран, не сдерживаемого ни правом вето, ни Советом Безопасности, как в ООН. Во времена истинных демократов, таких, как голландец Макс Эйве или исландец Фридрик Олафссон, дела в ФИДЕ обстояли лучше, ибо эти президенты не старались встать над шахматами: они играли роль посредников между противостоящими сторонами и всегда учитывали интересы шахматистов. Фишер загнал ФИДЕ чуть ли не на задворки, но в тупиковой ситуации оба президента проявили во имя шахмат и твердость, и гибкость, а главное — объективность. Нынешнее же руководство ФИДЕ гроссмейстерами просто пренебрегает — ведь они даже не имеют права голоса на выборах! Основная игра в ФИДЕ вовсе не шахматы, а банковские операции и предвыборные кампании.

Тогда, осенью 1982 года, мало кто считал, что филиппинец Флоренсио Кампоманес имеет серьезные шансы занять место Олафссона. Многие в Люцерне воспринимали Кампоманеса как опереточную фигуру, с его замашками американского политика, с погоней за голосами делегатов стран третьего мира, с щедрой раздачей подарков и сувениров. Маска «своего парня» помогает ему скрывать деловую хватку и непомерное тщеславие. Кампоманес гордился могучими связями у себя на родине: «Когда я прошу у президента Маркоса два миллиона долларов, он в худшем случае спрашивает, дать мне их прямо сейчас или отправить чек по почте». И все знали, что это отнюдь не бахвальство, ибо Кампоманес еще в 1978 году смог провести в Багио матч стоимостью свыше миллиона долларов. О себе, как о

шахматисте, он говорил не иначе, как об «одаренном игроке», принимавшем участие в пяти Олимпиадах.

Когда началось голосование, один делегат сказал другому: «Вы когда-нибудь видели человека, который ставит 50 тысяч долларов на черное и допускает при этом мысль, что может выпасть красное?» Надо отдать должное Кампоманесу — рулетка крутилась по заданной программе. Помню, после подсчета голосов, но еще до объявления результатов, произошел эпизод, поразивший меня своей символичностью. Председательствующему была передана записка, и тот зачитал ее трагическим голосом: «С прискорбием извещаю о смерти президента Брежнева. Прошу всех встать и почтить его память минутой молчания». После этого, в гробовой тишине, была объявлена победа Кампоманеса. Казалось, будто шахматный мир скорбел не по ушедшему из жизни Брежневу, а по поводу собственного будущего… Таким вот, несколько странным, образом избрание Кампоманеса и смерть Брежнева сплелись в моей памяти. Первое сулило мне проблемы в шахматном мире, второе — надежды на добрые перемены в моей стране.

Программа, выдвинутая Кампоманесом, уже тогда вызвала у меня неосознанное беспокойство: «Я хочу предложить ФИДЕ новые пути работы, показать… новую философию. Думаю, что пора расставить новые акценты. Девиз ФИДЕ «Мы — одна семья» должен быть действенным для всех федераций, даже самых отдаленных и отстающих… Акцент в своей программе я собираюсь сделать на развивающиеся страны. Мой призыв к ним таков: можно достичь любых высот… Я не могу утверждать, что Олафссон не хотел помочь развивающимся странам, но человек, выросший на европейской культуре, не начинавший вместе с ними работу с нуля, не может учитывать все нюансы». Это была долгосрочная программа, и, хотя в одном из своих первых интервью в ранге президента Кампоманес сказал, что не собирается баллотироваться на следующих выборах в 1986 году, было очевидно, что, заполучив власть, он так просто с ней не расстанется.

Между тем настоящее выглядело вовсе не так плохо — и для меня, и для всей советской команды, которая показала лучший результат за несколько последних Олимпиад. Второго призера — команду Чехословакии — мы опередили на шесть с половиной очков, проиграв за весь турнир всего три партии! На предыдущей, мальтийской Олимпиаде я играл на шестой доске, а в Люцерне уже на второй, сразу за Карповым. Как и два года назад, я принес команде наибольшее количество очков, выиграв шесть партий и пять закончив вничью.

Захватывающей получилась наша партия с Корчным, который возглавлял команду Швейцарии. Карпов дипломатично уклонился от встречи — он должен был играть черными и, видимо, не считал нужным рисковать. Кроме того, я мог получить по носу: ведь это была моя первая встреча за доской с Корчным. Пытаясь меня «подставить», Карпов, по существу, оказал мне услугу.

Для многих западных журналистов это было первое знакомство со мной.

> *«Среднего роста, бледноватый, с копной черных вьющихся волос, в белой водолазке, Каспаров похож на вестсайдского рокера, готового действовать, — писал Дэвид Спаньер. — За доской сидит нервно, беспрерывно ерзает, хмурит густые брови и, прищурив глаза, не отрываясь смотрит на фигуры. В ожидании хода соперника ходит взад-вперед по сцене.*
>
> *Игроки, как и ожидалось, не пожали друг другу руки в начале партии, хотя Каспаров, к его чести, сделал движение навстречу, но Корчной воздержался. Корчной начал игру ходом ферзевой пешки, на что Каспаров ответил своим излюбленным «модерн-Бенони». Уже довольно скоро черные придали игре оригинальный характер. Было ли это домашней заготовкой или импровизацией за доской — в любом случае впечатление от последовавшего фейерверка было сильным. Каспаров держал коня под боем в течение семи ходов, а затем предпринял рискованную вылазку ферзя во вражеский лагерь. Зрители наблюдали за игрой, затаив дыхание. Замыслы Каспарова были так вызывающе неожиданны и сложны, что даже специалисты не могли предсказать, выиграет ли он партию, и если выиграет, то как? Это было ошеломляющее ощущение мастерства, неизбежности судьбы, неотвратимости смены поколений».*

Да, то была запоминающаяся схватка! Правда, позднее Корчной нашел, что мог сделать ничью на 29-м ходу…

Менее удачно сложилась для меня жеребьевка претендентских матчей, проведенная к концу Олимпиады. Странно же, однако, распорядился тогда жребий. Вот список получившихся пар и рейтинги участников:

Хюбнер(2630) — Смыслов (2565)

Рибли (2580) — Торре (2535)

Каспаров (2675) — Белявский (2620)

Корчной (2635) — Портиш (2625)

Я заранее говорил, что самые опасные для меня соперники — Белявский и Корчной, а теперь мне предстояло последовательно играть с ними обоими. Вы спросите, почему так? Да потому, что после того, как определились пары, было просто объявлено, что победитель первой пары встречается с победителем второй, а третьей — с четвертой (хотя совершенно очевидно, что три участника первых двух пар гораздо слабее любого из участников двух других). Тянули ли в этом случае жребий, и если да, то почему без нашего участия? Возмущенный Портиш покинул зал, обвинив организаторов в подлоге. Мало того, что он попал в одну пару с Корчным, — в случае победы ему предстояло играть со мной или с Белявским…

Неожиданно Белявский оказался для меня не очень трудным препятствием, я выиграл у него в Москве со счетом 6:3. Борьба, однако, была бескомпромиссной, и лишь моя победа черными в 8-й партии предопределила ее исход. Когда в конце матча я встал, чтобы пожать Белявскому руку, то, памятуя о неудачной жеребьевке, сказал: «Мне жаль, что мы встретились так рано».

Это было в марте 1983 года. Полуфинальный матч с Корчным должен был начаться в августе. Но где? Выбор места проведения матча породил кризис, ставший первым в ряду множества других, сопровождающих правление нынешнего президента ФИДЕ. Даже сегодня я не могу до конца понять, почему кризису дали зайти так далеко. Но уверен: не предприми я тогда решительных действий, наша Шахматная федерация и Кампоманес могли бы свести мои шансы в борьбе за мировую корону к нулю. Попытаемся понять, что же тогда происходило.

Нас с Корчным приглашали три города: Лас-Пальмас (25 тысяч долларов), Роттердам (100 тысяч) и Пасадена (100 тысяч). Согласно правилам ФИДЕ, каждый из участников должен был расставить их в порядке предпочтения. Корчной выбрал только один город — Роттердам. В своем списке, посланном в середине мая в Спорткомитет, я также поставил на первое место Роттердам, а на второе Лас-Пальмас (Пасадена замыкала список). Однако руководство Спорткомитета предложило мне поменять города местами. Почему? Мне объяснили, что Лас-Пальмас все равно не выберут, а поддержать этот город политически важно. Я не придал этому значения, поскольку в обоих списках был Роттердам, и согласился. Но оказался не прав: тогда я не знал (но этого не могли не знать наши спортивные руководители!), что если мнения участников хоть в чем-то не совпадают, то президент имеет право самолично выбрать любой город с учетом всех обстоятельств. Думал ли я тогда, к каким далеко идущим

последствиям приведет эта невинная с виду рокировка и право Кампоманеса *учитывать все обстоятельства!*

Президент выбрал Пасадену. В печати сразу появились предположения, будто у Кампоманеса есть секретный план: вытащить из уединения Фишера, переехавшего жить в Пасадену (пригород Лос-Анджелеса), и устроить-таки его долгожданный матч с Карповым. Сам же Кампоманес объяснил свое решение самым высоким призовым фондом Пасадены — с учетом специального отчисления в сумме 40 тысяч долларов на развитие шахмат в третьем мире, что, конечно, не могло не растрогать сердце филиппинца (тем более что по правилам ФИДЕ эти деньги распределяются самим президентом).

Через две недели Корчной выразил согласие с решением Кампоманеса, советское же руководство сразу категорически отвергло его. Подлило масла в огонь и решение президента провести другой полуфинал, между Смысловым и Рибли, в Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты). Согласиться с этим — значило заранее поставить нашего прославленного ветерана в невыгодные условия, учитывая жаркий климат и другие экзотические прелести.

Многие так и не поняли подлинной причины возражений советской стороны по поводу проведения матча в Пасадене. Официальная версия — это отсутствие гарантий безопасности Каспарова и членов его делегации, так как Пасадена закрыта для советских дипломатов.

Бытовало наивное мнение (так думал и я), что Кампоманеса просто хотят поставить на место: слишком уж вызывающим выглядело его пренебрежение мнением участников. Обмануться было нетрудно. Вот что, к примеру, писал в «Советском спорте» Рошаль, имея в виду обещание Кампоманеса гарантировать безопасность своим личным присутствием: «Скорее всего у вознесшегося Флоренсио Кампоманеса попросту закружилась голова от высоты доверенного ему поста… Полноте, Кампоманес. Там, где не гарантирована безопасность президентов США, где подвергаются нападению даже крайне редко допускаемые в эти места советские дипломаты, — там ваше «личное присутствие» не решит всех проблем». А в это время советский пловец Владимир Сальников устанавливал рекорды в бассейнах Лос-Анджелеса…

Мое личное знакомство с околоматчевой политикой началось 12 июля.

Накануне мне позвонили в Баку и сказали, что в Москву прилетает Кампоманес и я должен явиться на переговоры. Перед встречей с Кампоманесом состоялась беседа в отделе пропаганды ЦК КПСС с заведующим отделом Б. Стукалиным в присутствии

генерала КГБ. Там мне было сказано, что мы — великая страна и не позволим, чтобы нам диктовали условия; в Америке матча не будет, раскол ФИДЕ нас не пугает, и даже если Корчного объявят чемпионом мира — что ж, доставим ему эту радость, проведем свой отборочный цикл и активно включим Карпова в бойкот решений Кампоманеса. Меня убеждали, что на карту поставлен престиж страны. В итоге я был вынужден отказаться играть в Пасадене. Кроме того, у меня не возникало никаких сомнений, что со временем все встанет на свои места. В тот момент я не мог себе представить, что становлюсь жертвой интриги.

Встреча с Кампоманесом состоялась в 9 часов вечера того же дня в Спорткомитете. Беседу с президентом вел председатель Спорткомитета М.Грамов, присутствовали В.Ивонин, Н.Крогиус, А.Карпов, В.Смыслов и я.

Полуторачасовая беседа (Грамов давил, а Кампоманес отбивался, но не сдавал позиций) привела к тому, что почти все стали говорить на повышенных тонах. Помню, я сказал Кампоманесу: «Господин президент, своим решением вы посягнули на право претендентов выбирать место матча». В ответ последовало: «Правильно, но почему вы не поставили на первое место Роттердам?»

Тут я, кажется, начал кое-что понимать.

К концу беседы незаметно всплыло новое предложение нашей стороны: матч Смыслов — Рибли играть в срок и в намеченном месте, то есть в Абу-Даби, а матч в Пасадене возможен лишь при выполнении следующих условий:

1) гарантировать полную безопасность советской команды;

2) разрешить на период матча въезд в Пасадену советским дипломатам, аккредитованным в США;

3) не допускать каких-либо демонстраций во время матча.

Кампоманес ответил, что сейчас он не в состоянии решить эти вопросы. Ему предоставили возможность связаться по телексу с организаторами. Все как-то ожили и даже повеселели, кроме меня. Я ничего не понимал: всего несколько часов назад мне говорили о бойкоте обоих матчей, о твердой позиции — и вдруг решили играть в установленный срок матч в Абу-Даби, а мой матч с Корчным повис в воздухе до выполнения невыполнимых условий.

Я вернулся домой около часа ночи разбитый и подавленный. Маме сказал: «Я ничего не понимаю, но, кажется, меня предали». Ночь была тяжелой, а утром мы узнали, что Кампоманес, так никуда и не позвонив, улетел в Тунис. Вслед ему был послан телекс, в котором были повторены предложения, высказанные на встрече в Спорткомитете.

Через два дня на пресс-конференции в Тунисе Кампоманес заявил: «Если Каспаров не явится в назначенный день, 1 августа, на матч, ему будет засчитано поражение». А еще через день стало известно, что Смыслову прислали из Абу-Даби пять билетов… с благодарностью за согласие играть. Я позвонил туда, где всего несколько дней назад мне гарантировали поддержку. На вопрос, что будет дальше со мной, Стукалин ответил: «Как гражданин, ты должен понять, что это в интересах страны». Когда же я спросил, почему должен выбыть из игры один, мне было сказано (при этом уже на вы): «Вы еще молоды, можете три года и подождать».

К вечеру ситуация вновь изменилась. Меня пригласил к себе Грамов. Он встретил меня весьма радушно и сообщил, что независимо ни от чего матчи 1 августа не начнутся, что готовится второй телекс и что в печати опубликуют переговоры с Кампоманесом… «Могу ли я ехать в Баку?» — спросил я. «Конечно, Баку — не Пасадена, там мы тебя всегда разыщем». Он проводил меня до дверей и тепло попрощался.

И действительно, Кампоманес объявил о переносе матчей на пять дней. В Баку я, однако, не уехал, и четыре дня прошли в ожидании. Решение все не принималось.

В те кризисные дни мне впервые пришлось беседовать с Карповым. После окончания переговоров в Спорткомитете чемпион мира предложил мне обсудить создавшуюся ситуацию наедине. Беседа, состоявшаяся у него дома 15 июля, была для меня психологически очень сложной. Карпов настойчиво убеждал меня, что самое главное сейчас — не допустить раскола ФИДЕ, или, как он выразился, не получить мат в один ход. Поэтому, продолжал он свою мысль, не нужно препятствовать проведению матча Смыслов — Рибли, а за матч в Пасадене необходимо начать совместную борьбу. При этом он посоветовал мне обратиться к Г.А.Алиеву, в то время члену Политбюро ЦК КПСС, в свою очередь обещая организовать встречу у секретаря ЦК КПСС М.В.Зимянина.

По неопытности мне было нелегко разобраться в хитросплетениях закулисной борьбы, которая велась вокруг матча, но в тот момент я инстинктивно почувствовал опасность. Ведь мне уже стало известно, что в ЦК партии и Комитете госбезопасности считают матч в Пасадене политически неверным шагом. Вероятно, уже тогда было решено бойкотировать Олимпиаду в Лос-Анджелесе. И Карпов знал об этом. Поэтому-то так важно было разделить матчи в Абу-Даби и Пасадене. Обещание Карпова найти в будущем какой-либо иной способ включить меня в претендентский цикл, если матч с Корчным все-таки не состоится, только усилило мои подозрения.

Отныне у меня не оставалось сомнений: единственный шанс

продолжить борьбу за чемпионский титул — добиваться одновременного начала обоих полуфинальных матчей.

Что было делать? 21 июля я позвонил Алиеву и изложил суть дела. Он меня обнадежил, сказав, что матч состоится. Только после этого я вернулся в Баку.

И события стали разворачиваться в обратном направлении! Сначала надо было под приличным предлогом вновь объединить полуфиналы для более эффективного бойкота решения президента ФИДЕ. Как следствие перемены ситуации появилось заявление Шахматной федерации ОАЭ. Вот выдержка из сообщения в «Советском спорте»:

«31 июля Шахматная федерация ОАЭ сняла свое предложение, убедившись в том, что решение президента не было согласовано с участниками {67} матча. 4 августа Ф.Кампоманес, фактически признавая несостоятельность своего выбора, сделанного 1 июня, сообщил Шахматной федерации СССР, что, «учитывая отказ Шахматной федерации ОАЭ, я попытался найти и имею наготове дружественную Европейскую шахматную федерацию, которая может организовать матч Рибли — Смыслов, если г-н Смыслов и вы сообщите нам сегодня в письменной форме, что Смыслов сыграет этот матч в этой дружественной федерации, независимо от других условий, о которых вы и ранее говорили». Таким образом, не называя этой федерации, не сообщая предлагаемое место, сроки и другие условия, Ф.Кампоманес, по существу, ультимативно потребовал дать в тот же день согласие на его анонимное предложение».

Однако никаких конкретных предложений вслед за тем не последовало, и судьба обоих матчей снова стала единой. Теперь даже если Кампоманес и привел бы в исполнение свою угрозу дисквалифицировать меня (в случае отказа приехать в Пасадену), то ему пришлось бы те же санкции применить и к одному из участников матча Смыслов — Рибли. А это привело бы к срыву целого цикла борьбы за мировую корону.

Итак, с одной стороны — президент ФИДЕ, опирающийся на туманные и во многом противоречивые правила, с другой — авторитет ведущих гроссмейстеров. Что перевесит? Этот вопрос предстояло решать всему шахматному миру, а отнюдь не руководителям ФИДЕ. В конце концов Международная шахматная федерация существует не сама по себе и не может нормально функционировать, отмахиваясь от шахматистов, как от назойливых просителей.

Кризис зашел так далеко, что ни одна из сторон уже не могла просто уступить. Попутно Кампоманес ухитрился оскорбить своих предшественников Эйве и Олафссона высказываниями о том, что

в отличие от них он не намерен поддаваться давлению русских…

Как быстро, однако, все изменилось! Если еще недавно мое «изъятие» из цикла рассматривалось спортивным руководством как нормальное явление и никого не тревожила моя дальнейшая судьба, то теперь Шахматная федерация СССР, используя все средства массовой информации, начала в буквальном смысле штурм позиций Кампоманеса. В «Советском спорте» появилась целая рубрика «Решения президента ФИДЕ — под огнем критики». С заявлениями в различных газетах выступили Ботвинник, Петросян, Чибурданидзе, Белявский, Полугаевский, ряд зарубежных гроссмейстеров…

Можете представить себе мое состояние в ночь на 7 августа.

В это время в Пасадене, где было еще 6 августа, Корчной приехал в зал городского колледжа, пожал руку судье, сел за шахматный столик и сделал ход d2—d4. Затем нажал на кнопку часов. Согласно «Los Angeles Times», в течение следующего часа он ходил по сцене, заложив руки за спину, с безразличным выражением лица, тоже участвуя в торжественном фарсе. Еще бы: ему была подарена победа и четверть той суммы, которую он получил бы, если бы матч состоялся. Более того, ему сказали, что он уже в финале.

Все было кончено! Я умер, не успев родиться. (Недавно один знакомый спросил меня, что было бы, если бы Корчной, сделав ход, заявил судье, что признает себя побежденным?.. Не думаю, что подобная мысль приходила Корчному в голову. Но Кампоманес в этом случае попал бы в очень затруднительное положение. Ну а что писала бы тогда советская пресса — и представить трудно.)

Интервью, интервью… по нескольку в день. Всех интересовало, означает ли спектакль в Пасадене конец истории, и на мое твердое: «Нет, это только начало» — советовали обратиться с письмом к конгрессу ФИДЕ, который должен был состояться в начале октября в Маниле.

Спустя три дня та же участь постигла Смыслова. И розыгрыш первенства мира действительно оказался на грани срыва уже на стадии полуфинальных матчей…

Между тем шахматная общественность ждала выступления чемпиона мира, но тот не спешил. Лишь 8 августа Карпов сделал наконец публичное заявление: «Корчному засчитан выигрыш без игры, но ведь его соперник не вышел на матч не из-за собственного каприза или болезни, а в результате сложившихся обстоятельств, то есть по причинам околошахматного характера». Итак, по мнению Карпова, причина кризиса — обстоятельства *около-шахматного* характера! Но кому они известны, эти

причины? И кто их создавал? Одни лишь околошахматные люди? По мнению многих, интрига, начатая в мае 1983 года, преследовала цель «сделать все», чтобы Каспаров не дошел до Карпова. Но закулисные сценаристы настолько несерьезно подошли ко второму матчу (видимо, не считая ни Смыслова, ни Рибли соперниками для Карпова), что не сочли нужным рассчитывать все варианты до конца. Да, одного дисквалифицированного претендента еще можно было бы как-то оправдать, но двоих — это уже слишком! А ведь цель была так близка…

Но в тот жаркий август (как, впрочем, и в последующие критические моменты) судьба послала мне спасительный шанс, как бы проверяя, насколько я сумею им воспользоваться. Шанс предстал в виде звонка известной югославской шахматистки Милунки Лазаревич, ныне активного шахматного организатора. Милунка искренне переживала за меня — горячо любя шахматы, она остро реагирует на любую несправедливость по отношению к ним.

Итак, она сообщила, что меня приглашают в Никшич на супертурнир 15-й категории, в котором должны принять участие все крупнейшие шахматисты современности (кроме Карпова). Как мне объяснили позже, этим организаторы хотели продемонстрировать свое отношение к возникшему кризису. Турнир проводился по случаю 60-летия старейшего югославского гроссмейстера Светозара Глигорича, к которому я испытывал глубокое уважение. Впоследствии оно выразилось в желании видеть его главным арбитром на матчах с Корчным в 1983 году и с Карповым в 1984-м. Ирония судьбы: 15 февраля 1985 года именно Глигорич санкционировал прекращение матча между мной и Карповым. Решение, разумеется, принимал не он, но он его поддержал.

Но тогда, в августе 1983-го, я был счастлив, что меня пригласили на такой турнир, а еще больше оттого, что удалось одержать убедительную победу, опередив второго призера — Ларсена — на два очка! Вся шахматная подготовка к сорванному матчу с Корчным воплотилась в моих лучших партиях турнира. Особенно журналисты выделяли партию с Портишем, за которую Спорткомитет СССР присудил мне специальный приз — «За творческие достижения в 1983 году». Однако турнир памятен мне не только шахматными партиями: здесь впервые мне пришлось проявить организаторские навыки. Ведь надо было спасать матчи, а для этого требовалось не так уж мало: организовать письмо гроссмейстеров в ФИДЕ и провести переговоры с Корчным.

Я не знал тогда, хватит ли у меня смелости и твердости

отстаивать демократию в шахматах. Перестройка нашего общества была еще впереди. Мне предстояла борьба, и мне объясняли, что в этой борьбе меня могут сломать. Риск был еще и в том, что меня могла сломать сама борьба.

В своем решении я укрепился после бесед в Никшиче с коллегами-шахматистами. Они с пониманием отнеслись к моей позиции противодействовать диктату Кампоманеса. И все же сомнения не оставляли меня. Стоит ли рисковать потерей всего, что до сих пор составляло цель моей жизни? Что важнее: победить Кампоманеса или стать чемпионом мира? И нельзя ли достичь первого другим путем — то есть сначала стать чемпионом, а уже потом, укрепив свое положение, начать борьбу?..

Я попросил участников турнира подписать письмо с требованием о проведении полуфинальных матчей. Желание увидеть эти матчи было всеобщим. Особенно ярко оно проявилось в коротких интервью, которыми пестрели местные газеты: все без исключения гроссмейстеры указывали на необходимость скорейшего проведения матчей.

Вот текст принятого документа:

Участники международного турнира в югославском городе Никшиче считают важным, чтобы конгресс ФИДЕ сделал все возможное для, организации и проведения полуфинальных, матчей претендентов {70} Каспаров — Корчной и Рибли — Смыслов. Мы руководствуемся интересами шахмат.

Б. Спасский, Т.Петросян, М.Таль, У.Андерссон,
С.Глигорич, Л.Любоевич, Б.Иванович, П.Николич,
Б.Ларсен, Э.Майлс, Л.Портит, Д.Сакс, Я.Тимман,
Я.Сейраван.

Вполне возможно, что это была первая в истории шахмат петиция, подписанная почти всеми ведущими гроссмейстерами мира. Некоторые из них (Тимман, Сейраван, Майлс) удивлялись: «Мы, конечно, подпишем эту бумагу, потому что ты должен сыграть с Корчным, но скажи, почему ты не поехал в Пасадену? Как ты мог рисковать всей своей шахматной карьерой только потому, что был выбран не тот город?..»

Единодушие, проявленное гроссмейстерами, дало ФИДЕ понять, что шахматный мир не согласен с неспортивным решением президента. Не оставалось сомнений в том, что вопрос о нашем со Смысловым участии в финале будет решаться за шахматной доской. Не ясно лишь, как развивались бы события, не прими тогда Корчной благородного решения играть полуфинальный матч, а воспользуйся он своим формальным правом на выход в финал. Конечно, моральное осуждение — это

сила, но в своей жизни я встречал людей, которые моральное осуждение шахматного мира воспринимают, как простой насморк. Корчной же на деле доказал, что его критика «бумажного» чемпионства была не пустым звуком.

Нашим личным взаимоотношениям помог блицтурнир в Герцог-Нови, на побережье Адриатики, организованный сразу после Никшича. Я выиграл это состязание и притом дважды победил Корчного. Думаю, ему импонировало то, что я играю с ним в одном турнире, несмотря на то, что переговоры о матче находились в критической стадии. Нам удалось несколько раз откровенно побеседовать о будущем матче, которого мы оба с нетерпением ждали.

Итак, колесо закрутилось в обратную сторону. Свершилось «чудо». Чтобы довершить его, потребовались деньги. Советская федерация согласилась на штраф в размере 210 тысяч долларов. Часть денег выплатили Корчному в качестве компенсации за аннулированную победу, часть пошла на возмещение расходов по организации матча в Пасадене и на покрытие финансового и морального ущерба, понесенного ФИДЕ. (Правда, реально вся сумма выплачена не была. Когда страсти улеглись, Кампоманес предложил нашей федерации облегчить бремя взваленной ноши. Взамен части суммы в Советском Союзе были проведены шахматные семинары для развивающихся стран, которые, надо сказать, особой пользы не принесли, поскольку приехали в основном не играющие шахматисты, а функционеры от спорта.) Кроме того, Корчному было обещано прекратить бойкот турниров с его участием, начатый Шахматной федерацией СССР в 1976 году.

Вот какую цену заплатила советская сторона, чтобы возместить урон, нанесенный в результате махинаций с полуфинальными матчами. Это была самая крупная уступка нашей федерации за всю историю ее взаимоотношений с ФИДЕ, и Кампоманес с удовольствием воспользовался случаем продемонстрировать шахматному миру, как он утер нам нос. Да, то был драматический момент в жизни нашего спортивного руководства. Оно было вынуждено защищать себя и затаилось в надежде, что ветер перемен ослабнет или даже изменит свое направление…

Теперь предстояло найти место проведения матчей.

Ключевую роль сыграл тогда английский гроссмейстер Реймонд Кин, занимавший в ФИДЕ пост секретаря Совета игроков. Он прилетел в Москву для переговоров с руководством Советской федерации. Кин был удивлен, когда сам начальник Управления шахмат Крогиус встретил его в аэропорту (редчайшая

честь!), но еще больше он удивился, когда все наперебой стали рассказывать ему о том, как они тут помогали Каспарову. Это было что-то новенькое… Кин сказал, что мог бы быстро организовать оба матча в Лондоне, но при условии: советская сторона публично признает, что Кампоманес, выбрав Пасадену, не превысил полномочий президента ФИДЕ, и выплатит оговоренную компенсацию. Кампоманеса он уже уломал, пообещав, что его издатели подарят развивающимся странам большое количество шахматной литературы для популяризации там шахмат. Способ же побудить Корчного согласиться с этими условиями, как сказал Кин, заключался в комбинации денежных инъекций с прекращением его бойкота в турнирах.

После недельных дискуссий вопрос был решен практически на тех условиях, которые привез в Москву Кин.

Итак, матчи, разбросанные вначале по разным уголкам земного шара, должны были теперь встретиться в лондонском «Грейт-истерн-отеле». Спонсором выступила компания «Acorn Computer», выложившая 75 тысяч фунтов стерлингов, что превысило предложения Голландии, Австрии и Югославии. Итогом шумного скандала вокруг матчей стал еще больший интерес к ним.

Подняла мое настроение также поездка в Барселону, где по итогам 1982 года мне был вручен первый «Оскар». Я получил во время голосования 1021 очко, Карпов — 943. Замечательным в поездке было и то, что со мной впервые смогла поехать мама. Редко кому из советских шахматистов тогда удавалось взять с собой за рубеж близкого родственника: это особый знак доверия со стороны властей! В моем случае это было немаловажным, так как упорно распространялись слухи о том, что я останусь на Западе. Не исключено, что в глубине души мои противники хотели этого — чтобы и мне можно было навесить ярлык врага, как Корчному и многим другим нашим «невозвращенцам». Но мне и сейчас нечем их обрадовать: я не имею ни малейшего желания остаться на Западе. Конечно, там я мог бы больше зарабатывать, да и многие бытовые вопросы решались бы гораздо легче. Но получать подлинное удовлетворение от общественной и политической деятельности можно только у себя дома, на родине. Думаю, человеку вообще трудно раскрыть заложенный в нем потенциал, если он оторван от своих корней.

Атмосфера вокруг нашего матча с Корчным, когда мы, наконец, сели за доску, оказалась гораздо спокойнее, чем ожидалось. Все страсти были растрачены в предматчевых боях, и теперь мы могли сконцентрироваться на шахматах. Отношения с Корчным у меня были нормальные, возможно и потому, что в

1976 году, когда его публично осудили советские гроссмейстеры, мне было всего тринадцать лет и я не принимал в этом участия.

Нельзя сказать, чтобы я недооценивал Корчного как шахматиста. Я сознавал, что это опаснейший противник с богатым опытом матчевой борьбы. Недаром он уже дважды выходил в финал чемпионатов мира! Разница в возрасте составляла 32 года, что, конечно, давало мне известное преимущество, но Корчной все же владел множеством шахматных приемов. Я знал, что не должен позволять ему диктовать игру в простых и технических позициях. Поэтому особое внимание уделил изучению окончаний, что составило сорок процентов всей подготовки. Мы работали так: тренеры показывали мне какую-нибудь позицию из практической партии и предлагали ее проанализировать. Затем сравнивали оба пути — мой и приведенный в книге. Таким образом мы разобрали все лучшие практические окончания за последнюю четверть века. В матче это окупилось с лихвой!

Итак, 21 ноября в 16.00 моя белая ферзевая пешка двинулась на два поля вперед. Напомню, что в Пасадене уже один этот ход принес Корчному победу в матче. Но в Лондоне 1-ю партию я проиграл. Корчной начал игру уверенно и быстро, в то время как я подолгу задумывался. В итоге у меня осталось полчаса на 22 хода, у Корчного — в три раза больше… Это была победа опыта над надеждой! Вспомнилась невеселая статистика: во всех двенадцати выигранных им до этого претендентских матчах Корчной, поведя в счете, уже не уступал лидерства. Но тогда еще мало кто знал, что 13 — мое счастливое число!

Решающий момент наступил в 6-й партии, которая после напряженной борьбы была отложена в неясной, но, вероятно, ничейной позиции. При доигрывании Корчной, пытаясь обострить игру, избрал не лучшее продолжение, и на 57-м ходу возник прозаический ладейный эндшпиль, в котором от белых для достижения ничьей требовалась определенная точность. Корчному нужно было отдать ладью за проходную пешку в выгодной редакции, но он допустил перестановку ходов, зевнул промежуточный шах, после чего его позиция стала безнадежной…

В интервью, данном по окончании матча, который я выиграл со счетом 7:4, Корчной признался: «После шестой партии я потерял веру в мою технику и моих секундантов. Счет стал равным, но психологически матч был проигран. Мое доматчевое представление о Каспарове, как об игроке одного нокаутирующего удара, было ошибочным. Каспаров очень техничен для своих лет. Он идет на риск только тогда, когда уверен в оправданности этого шага».

Но моя сдержанная тактика разочаровала некоторых британских шахматистов, ожидавших от меня комбинационного фейерверка. Гарри Голомбек писал в «Times»: «Нам довелось увидеть только отдельные вспышки каспаровского таланта. А ведь он способен вдохнуть в позицию жизнь и огонь». Реймонд Кин сказал: «Каспаров играл, как Карпов, используя в основном ошибки Корчного. Он от природы искусный и изобретательный шахматист, но в этом матче показал лишь часть того, что умеет». Правда, Джонатан Спилмен отметил, что «после шестой партии Гарри из замученного щенка превратился в льва, вырвавшегося из клетки». Но мне больше импонировала оценка американца Роберта Бирна: «Порывистый гроссмейстер с Кавказа сумел проявить поразительное терпение и выдержку, выказав в сложной ситуации незаурядную психологическую устойчивость. И в творческом отношении Каспаров возмужал в ходе поединка. Молодому шахматисту удалось перестроиться и, обуздав фантазию, почувствовать вкус к игре в навязанных соперником простых позициях с малым количеством фигур, к чему Каспаров всегда питал неприязнь».

Многие даже предлагали мне выразить Корчному благодарность за то, что он ускорил мое шахматное созревание и способствовал постижению тонкостей позиционной игры. Действительно, пользу от этого матча трудно переоценить.

Теперь на моем пути к матчу с Карповым оставался только Смыслов. Умудренный опытом боец, прошедший горнило многолетней борьбы с Ботвинником, он стал чемпионом мира за шесть лет до моего рождения. А спустя четверть века поразил всех, разгромив Золтана Рибли, шахматиста вдвое моложе себя.

Было нечто глубоко символическое в том, что оба дисквалифицированных советских гроссмейстера в конце концов вышли победителями полуфиналов. Пикантность предстоящему поединку придавали сами соперники, абсолютно непохожие друг на друга. Одному по ходу матча исполнилось шестьдесят три года, другому… двадцать один! Перед претендентскими матчами нередко приходилось слышать: «Куда им в таком возрасте?!» Каждый, естественно, вкладывал в эту фразу свой смысл… Межзональный турнир, четвертьфинал, полуфинал были для каждого из нас победой над временем. Возрастные рамки раздвинулись сразу в обоих направлениях!

Сила Смыслова всегда заключалась в его умении накапливать микроскопические преимущества непритязательными с виду разменами и маневрами, а уж в эндшпиле он считался непревзойденным виртуозом. Британская пресса назвала Смыслова «Неувядающим маэстро». Его шахматное долголетие к

тому моменту начало приближаться к рекорду Ласкера, который продолжал выступать в соревнованиях и в возрасте шестидесяти восьми лет.

Матч игрался в Вильнюсе в марте — апреле 1984 года и закончился моей победой со счетом 8,5:4,5. Основой успеха было удачное применение защиты Тарраша. Я уже знал, что в матче настроение шахматиста зачастую зависит от игры черными: если она складывается удачно, то можешь спокойно пытаться использовать преимущество белого цвета. В целом я лучше ориентировался в сложных ситуациях, но наибольшее удовлетворение мне доставили два эндшпиля, где удалось реализовать небольшой позиционный перевес.

В тот период жизни большое влияние на меня оказала встреча с Мариной Нееловой. Наше знакомство продолжалось более двух лет, с того удивительного вечера в Москве, когда я увидел ее в роли Маши в чеховских «Трех сестрах». Марина хорошо понимала мои проблемы, понимала, в чем состоит истинная суть моей борьбы, и ее поддержка придавала мне силы. У нас было много общих друзей среди писателей и художников.

Марина необыкновенно начитанна и образованна, обладает острым умом и чувством юмора. Когда я позвонил ей из Вильнюса после победы над Смысловым и сказал, что уже «без пяти минут чемпион мира», то услышал ее ироничный голос: «Не спешат ли твои часы?»

Вполне возможно, что наш союз опирался и на ощущение нашей исключительности. Мне было интересно ее восприятие мира, а ей, надеюсь, мое. Мы понимали друг друга с полуслова. Духовная связь помогла нам перебросить мостик между короткими и редкими встречами. Паузы между ними мы заполняли продолжительными телефонными разговорами, и этого на какое-то время хватало — я успокаивался и начинал чувствовать себя увереннее. Я удивлялся и радовался тому, что нам удавалось находить точки соприкосновения в самых различных и далеких друг от друга областях.

Однако наши профессиональные занятия — большой актрисы и известного спортсмена — разводили наши орбиты все дальше и дальше…

Победы над Белявским и Корчным, а также на турнире в Никшиче принесли мне второй «Оскар». При голосовании я набрал 984 очка, Карпов — 918. К середине 1984 года мой рейтинг также превысил карповский: 2715 против 2705.

После моего матча с Корчным Карпов дал интервью, в котором сказал: «Я не хотел бы принизить достижение Каспарова, но надо признать, что Корчной — отработанный пар… король

оказался голый… Даже молодой индийский шахматист (Баруа. — *Г.К.*) смог победить Корчного». Абсурдность такого заявления была слишком очевидна, если вспомнить, что всего за два года до этого Карпов потребовал от руководства мобилизовать для борьбы с Корчным всю мощь советской шахматной организации. Да и последующие турнирные выступления Корчного не подтвердили версии об «отработанном паре».

Говоря же о моем предстоящем матче со Смысловым, Карпов к традиционному сравнению — «соревнование между молодостью и смелостью, с одной стороны, и здравым смыслом и опытом — с другой» — добавил: «Это как вечная борьба между бушующим морем и земной твердью». Как мы знаем, бушующее море обычно не может одолеть земной тверди, иначе бы наш мир не существовал. На самом же деле Карпов был абсолютно уверен в моей победе. Когда журнал «Огонек» предложил своим читателям предсказать результат матча, то редакция обратилась и к чемпиону мира. Запечатанный Карповым конверт хранил точный прогноз — 8,5:4,5 в пользу Каспарова. Не было сомнений в исходе матча и у других наших гроссмейстеров.

Тем не менее у нас в прессе мои шансы намеренно занижались. Почему? Может быть, кто-то опасался чрезмерно воодушевить меня или, не дай бог, поднять мою популярность? Конечно, сам Карпов не питал никаких иллюзий, отчетливо сознавая, что после провала пасаденской операции матча со мной не избежать. Угроза его титулу была слишком очевидна, хотя в интервью он и заявлял, что получить право играть матч на первенство мира «это уже достижение, о котором не многие рискнут даже мечтать». Карпов — хладнокровный человек и может объективно и точно оценить опасность. Так же как и люди вокруг него, чье положение зависело от сохранения Карповым своего титула и которые хотели, чтобы он как можно дольше чувствовал в них свою опору. Недаром еще перед началом матча в Вильнюсе Смыслов сказал мне: «Молодой человек, если бы история с нашими полуфинальными матчами произошла бы не летом 1983 года, а несколько раньше, мы бы никогда не встретились в финале».

Во многих мифах и сказках герою предстоит пройти через тяжелейшие испытания, прежде чем он, наконец, встретится лицом к лицу с чудовищем невероятной мощи и силы. Но человек, преодолевший все препятствия, уже не тот наивный простак, который когда-то ринулся в пучину неизведанного, не подозревая о грозящих опасностях. Сражения закалили его волю, а победы вложили в сердце чудодейственную силу, позволяющую выстоять в последнем смертном бою. Так и в любимом мною

«Властелине колец» Толкьена, где Саурон вначале посылает черных всадников, так и в сказке о Кащее Бессмертном… Но ведь тут явная логическая неувязка. Меня еще в детстве мучила мысль: что было бы, соблаговоли Кащей выйти к незваному гостю в начале пути, когда тот еще слаб и неопытен? Исход поединка предсказать нетрудно. Почему же он ждет и дает врагу время окрепнуть? Мне кажется, сейчас я знаю ответ: просто в девяносто девяти случаях из ста Кащею вполне достаточно послать своих подручных. И только один из сотни имеет шанс добраться до него! А вообще, в сказках неотвратимость судьбы и возмездия проявляется гораздо полнее, чем в жизни.

Начиная борьбу, я понимал, что вступаю «во владения Кащея». Я еще не знал правил этой борьбы, но уже почувствовал мощь своего противника.

Лицом к лицу

Наступило лето 1984 года. Я ощущал близость той цели, ради которой столько трудился, — завоевание чемпионского титула. Но сначала нужно было вновь ехать в Лондон, туда, где я недавно победил Корчного и где в июне должен был состояться матч между сборной СССР и сборной остального мира. Первое подобное соревнование было организовано 14 лет назад в Белграде. Оно вызвало огромный интерес во всем мире и получило название «матч века». Тогда победили советские шахматисты — 20,5:19,5. Неудивительно, что нынешнее состязание тут же нарекли «матч-реваншем века». В нашу команду входили Карпов, Каспаров, Полугаевский, Смыслов, Ваганян, Белявский, Таль, Разуваев, Юсупов, Соколов, запасные — Романишин и Тукмаков. Нам противостояли Андерссон, Тимман, Корчной, Любоевич, Рибли, Сейраван, Нанн, Хюбнер, Майлс, Торре, запасные — Ларсен и Чандлер.

К сожалению, не было с нами Петросяна. Он собирался ехать вместе с командой, отказываясь верить в неизлечимость своей болезни. Но дни его уже были сочтены. И через два месяца Тиграна Вартановича не стало…

Матч проходил в малоподходящем для игры месте — отдаленном районе английской столицы, так называемом Докленде. Когда-то это был полуостров, но многочисленные каналы превратили его в настоящий остров, носящий не очень благозвучное название — Собачий. Однако у меня оно вызывает приятные воспоминания. Именно на Собачьем острове расположена студия «Лайм-хауз», где я провел тогда необычный сеанс одновременной игры с часами на десяти досках. Собственно, передо мной сидели… пятеро участников сеанса, а остальные находились в нью-йоркском отеле «Интерконтиненталь» и были «в пределах видимости» благодаря спутниковой телесвязи. Это было первое подобное состязание в истории. Я выиграл семь партий при трех ничьих и удостоился похвалы Гарри Голомбека, старейшины британских шахмат: «Он сумел найти самые блестящие ходы и самые глубокие идеи, не выказав ни малейших признаков напряжения или усталости». Когда начался наш матч с Карповым, он писал обо мне уже куда менее лестно и куда более противоречиво… Что касается «матч-реванша века», то отыграться сборной остального мира не удалось. Счет был даже убедительнее, чем в 1970 году — 21:19. «Конечно, у команды СССР есть все основания быть довольной достигнутым результатом, — сказал я корреспонденту

английской газеты «Morning Star». — Хотя, с другой стороны, мы могли выступить еще более успешно, поскольку в ряде случаев наши шахматисты не полностью использовали полученное в своих партиях преимущество». Это замечание в полной мере относилось и ко мне самому: несмотря на перспективные позиции, получаемые против Тиммана, одолеть его мне удалось лишь однажды, а остальные три встречи завершились боевыми ничьими.

Начало нашего матча с Карповым было назначено на 10 сентября. Но еще за четыре дня до того, как был сделан первый ход, на меня началось психологическое наступление. Кампоманес заявил, что я должен поставить подпись под новым регламентом матча, иначе меня объявят проигравшим без игры. Я не хотел уступать такому давлению. Я был не согласен с тем, что правила, предназначенные для нового, двухлетнего цикла розыгрыша первенства мира, вводятся уже в этом, завершающем старый, трехлетний цикл матче. Мне было непонятно, что они задумали. Один из пунктов новых правил давал Кампоманесу, как президенту ФИДЕ, *чрезвычайные полномочия* в отношении матча. Смысл этого выяснился, причем в самой полной мере, через пять с половиной месяцев…

Выбора у меня, впрочем, не было; спортивные руководители дали это ясно понять Юрию Мамедову, возглавлявшему мою делегацию. Но значительная часть нервной энергии была потрачена как раз в тот момент, когда она требовалась больше всего, а этого они и добивались.

Я приступил к игре, не обретя необходимого душевного равновесия. Кроме того, я знал, что надо преодолеть громадные препятствия, и поэтому очень нервничал. Впоследствии мне говорили, что я начал матч весьма уверенно, но на самом деле это было не так.

В известном смысле я слишком легко победил своих предыдущих противников. Теперь же, когда от меня потребовалось напряжение всех сил, я не был к этому готов — словно боксер, всегда побеждавший нокаутом в первых раундах, а в очередном бою вынужденный провести на ринге все пятнадцать. Я также не был хорошо знаком со стилем Карпова, тогда как он имел не только время хорошенько изучить мой стиль, но и возможность подключить к анализу сильнейших советских гроссмейстеров.

Перед матчем я не сомневался, что как-нибудь выиграю и у чемпиона. Увы, я был слишком самонадеян, «как-нибудь» не получилось, борьба растянулась на долгие месяцы. Матч был безлимитным, но я никак не предполагал, что нам будет суждено

испытать эту безлимитность столь буквально.

10 сентября Карпов передвинул свою королевскую пешку с e2 на e4, и начался самый продолжительный матч за всю историю шахмат. Местом его проведения стал Колонный зал Дома союзов, тот самый, где девять лет назад Макс Эйве провозгласил Карпова чемпионом мира.

Матч развивался по сценарию, предугадать который было не под силу даже, наверное, самой Кассандре. Позднее я узнал, что журнал «Огонек» объявил конкурс: читатели должны были предсказать результат и продолжительность матча и по возможности его сюжет. Понятно, что все призы остались в редакции. То, что произошло, предвидеть было невозможно.

Из первых девяти партий я проиграл четыре. Представьте: за минувшие два года проиграть три партии, а тут сразу четыре! Могу сказать, что играл я плохо. Хотя тут существует известное заблуждение: каждый проигравший уверяет, что он играл плохо, но победитель почему-то говорит обратное: соперник был силен, но я — сильнее. Знаю об этом, и все же продолжаю настаивать, что играл плохо. Карпов как шахматист был хитрее и изворотливее меня, не говоря уже об опытности вообще и в матчевой борьбе в особенности.

В целом матч делится на три стадии. «Первая отличалась некоторой моей нервозностью и довольно большим количеством ошибок, — сказал я в послематчевом интервью корреспонденту ТАСС. — Раньше в этой ситуации нашел свою игру чемпион мира: сказался его значительно больший матчевый и турнирный опыт. На этом этапе Карпов играл в присущей ему манере, точно рассчитывая варианты и используя с максимальной выгодой каждый мой промах. Затем последовала длительная серия ничьих. Здесь торжествовало искусство защиты. В этот период ритм поединка стал приобретать ровный, устойчивый характер. И наконец, последняя треть матча, по-моему, была отмечена наиболее содержательными партиями с точки зрения качества игры. Борьба обострилась».

Мы начали матч без разведки, во что бы то ни стало стремясь захватить игровую инициативу. Я совершил несколько грубых ошибок, особенно во 2-й партии, которую Кин назвал «одной из самых яростных и ожесточенных» из всех, виденных им. Возникла позиция, какие я обычно выигрываю, но, по словам Кина, «на Каспарова нашло затмение». В конце, после того как Карпов в цейтноте прошел мимо выигрывающего продолжения, я уже был рад, что подвернулся вечный шах.

В 3-й партии я применил в дебюте сомнительную новинку, а затем, пытаясь разрешить возникшие проблемы, некорректно

пожертвовал пешку. Карпов использовал эти ошибки с хирургической точностью, впервые дав мне ощутить леденящий холод своего скальпеля. На 27-м ходу в 6-й партии у меня был прекрасный шанс достичь успеха, но момент был упущен, и, как сказал один комментатор, «остаток партии превратился в пытку для белых». А в 7-й партии чемпион нанес сильный удар по защите Тарраша, верой и правдой служившей мне в претендентских матчах. Самое обидное, что играл я эту партию неплохо, но в конце допустил совершенно непостижимый промах. Очередное затмение! Именно тогда Ваганян сказал: «Каспаров бьет, бьет, атакует, а в результате получает проигранные позиции, в лучшем случае — ничейные. Так может образоваться комплекс». А Кин предрек, что матч продлится не более 12 партий: «Блестящая карьера Каспарова не дала ему опыта неудач, поэтому вряд ли он сможет преодолеть психологический шок от непрерывных поражений».

Ну, комплексовать я не собирался, а вот подумать о том, чтобы изменить тактику борьбы, действительно не мешало. Иначе матч мог закончиться очень скоро и самым скверным для меня образом. Отныне я стал действовать предельно осторожно, стараясь исключить в игре даже малейший риск. Не в моем характере играть бесцветно, но я знал, что иного выбора нет. Когда тонешь, не время думать о том, красиво ли ты плывешь.

Возвращаясь сейчас мысленно назад, в те драматические дни, я думаю, что одна из причин моего провала на старте заключалась в отсутствии опыта борьбы на чемпионском уровне. Даже претендентские матчи не могут идти в сравнение с финалом. Здесь Карпов был профессионалом, я — любителем. Я только догадывался о законах борьбы на высшем уровне, Карпов их знал во всех нюансах. Он был спокоен и уверен в победе, я лишь надеялся на успех. У меня перед началом поединка не было не только необходимого опыта, не было даже верного представления о том, что такое этот опыт. Понимание всей многозначности этого понятия пришло позже, ценой больших потерь. Это и необходимые знания, и правильная оценка своих сил, и способность определить критический момент борьбы, наметить верную стратегическую линию, и умение сохранять объективность и хладнокровие в каждой встрече и на протяжении всего матча.

После поражения в 9-й партии казалось, что Кин близок к истине. На 46-м ходу я грубо ошибся — то ли из-за переутомления, то ли по небрежности, но как бы то ни было счет стал 4:0 не в мою пользу. Это была катастрофа! Нечего удивляться, что все меня уже похоронили и стали говорить обо

мне как бы в прошедшем времени. «Мы с Кином торопились к середине матча, а, похоже, прибыли к концу, — сетовал англичанин Спилмен. — Карпов всегда хорошо играл, но чтобы так, я даже не ожидал. А Каспаров, наверно, разнервничался. Молодой еще. Нервы не в порядке. Волю не закалил».

Осталось, как говорится, завернуть и упаковать противника, то есть меня. Но тут Карпов допустил ошибку, нарушив непреложный закон борьбы, — противника надо добивать. Он решил, что я сам дозрею и свалюсь. Конечно, резон в этом был — четыре очка перевеса не шутка, мог и свалиться. И он ослабил напор. Если бы Карпов продолжал играть, как в начале матча, думаю, все закончилось бы к партии 20-й. Может, при этом он и проиграл бы пару партий, но на результате борьбы это не отразилось бы. В интервью, данном после матча корреспонденту ТАСС, Карпов признал: «Я тоже, имея запас в четыре очка, не стремился к обострениям. Может быть, это и была моя ошибка, надо ковать железо, пока горячо».

Легкость, с которой Карпову удалось достичь подавляющего перевеса уже в первых партиях, отрицательно сказалась на его боевом настрое. Я считал, что именно в этот момент опьяненный успехом Карпов поставил перед собой сверхзадачу: выиграть с сухим счетом и надолго вывести из строя опасного конкурента. Но позже Рошаль рассказал, что подобная мысль зародилась раньше: «Поведя в счете 2:0, Карпов решил, что он должен выиграть со счетом 6:0, и только так. Поэтому больше не хотел рисковать. Важно было не просто выиграть, а закончить матч со счетом 6:0». Это уже было соревнование не только со мной, но и с тенью Фишера, в свое время выигравшего с таким счетом претендентские матчи у Тайманова и Ларсена. Впрочем, такое решение было мне только на руку. Мне важно было прийти в себя, обрести спокойствие и уверенность. Отсюда и длинная серия ничьих, большая часть которых справедливо вызвала недовольство болельщиков. Карпов дожидался моей ошибки, а я психологически еще не был готов перехватить инициативу. Но бесконечно так продолжаться не могло…

Поворотной стала 15-я партия. Она продолжалась 93 хода, но Карпов так и не смог реализовать лишнюю пешку. Я увидел выражение его лица и понял, что он выдохся… Мы побили все рекорды, сделав после 9-й партии 17 ничьих подряд! Это, конечно, не тот рекорд, которым я больше всего горжусь, но установить его, поверьте, было очень нелегко. Мне пришлось проявить такое упорство, которого я от себя не ожидал. Думаю, не ожидали и мои тренеры. Но я хотя бы мог бороться, а им оставалось только терпеть и молить бога, чтобы я не ошибся.

К этому моменту интерес к матчу достиг апогея. Несмотря на снег и холод, сотни людей выстраивались в очередь напротив Колонного зала в надежде раздобыть билет. Это было похоже на стремление попасть на казнь — вот только жертва отказывалась умирать.

На фоне довольно единодушного поругивания меня за большое количество ничьих диссонансом прозвучало мнение, высказанное после 21-й партии Юрием Авербахом: «Сейчас очень много говорят об изменившемся характере матча, о новой стратегии, применяемой претендентом. И у каждого есть своя версия происходящего. Некоторые полагают, что Каспаров уже за благо считает сделать лишнюю ничью с чемпионом мира. Многие уверены, что претендент просто за счет ничьих удлиняет матч, чтобы не осталось воспоминания об этом поединке, как чуть ли не о самом коротком и неравном по силам матче в истории. Вряд ли! Каспаров еще слишком молод, чтобы всерьез думать об истории. Мне кажется, подтекст этих ничьих, с точки зрения Каспарова, примерно таков: если даже матч закончится твоей победой, а он скорее всего так и закончится, это не ты выиграл, а я проиграл. Слишком уж я полез на тебя. А вот теперь попробуй выиграй, когда я не выжимаю из позиции больше, чем положено. Это, если хотите, своеобразный реванш Каспарова. Его оправдание и перед самим собой, и перед общественным мнением, и даже заявка на будущее».

Я понимал, что, если проиграю под ноль, это будет самое сокрушительное поражение в современной истории шахмат. Так наказывал только Фишер, но не в матче за мировую корону. До сих пор удивляюсь, как мне вообще удалось совладать с собой в такой ситуации, потому что на меня иногда находит мрачное настроение и по менее значительным поводам. Я не представляю, как мог выдерживать такое напряжение в течение нескольких месяцев.

Друзья делали все, чтобы поднять мой дух. Сменяя друг друга, приезжали бакинские родственники — близкие и не очень близкие, — и все старались ободрить меня: кто шутками, кто присутствием в зале, создавая атмосферу «своего поля», кто неловкими попытками отвлечь меня от тяжелых мыслей. Едва ли не лучше всех это удавалось моему водителю Коле, человеку неисчерпаемого народного юмора, к которому я очень привязан. А при счете 0:5 один бакинский друг даже предложил мне заключить пари на его машину, что я все равно выиграю матч…

Тренерам тоже приходилось нелегко, они не знали, что посоветовать в такой отчаянной ситуации. Уже потом мама рассказала, что некоторые из них даже хотели «подать в

отставку», считая, что виноваты в моих неудачах. Но она убедила их остаться, понимая, сколь необходима мне их поддержка.

Именно в этой ситуации мама была мне особенно нужна. Не думаю, что без нее я бы справился. Были люди, обвинявшие ее в моих стартовых поражениях; они говорили, что по ее вине я стал слишком самоуверенным. Это утверждение неверно и несправедливо. Тот, кто знает нас, не мог бы так думать. Понятно, что проблем моей чисто шахматной подготовки мама не касается. Но у нее и без этого столько самых разных забот! Я просто убежден, что без ее самоотверженной помощи, на какую способны только матери, я не стал бы чемпионом в таком молодом возрасте.

Главное, что с ней я могу быть откровенен, как ни с кем другим. В критические минуты ты слышишь голос, которому привык верить уже долгие годы. Каждому из нас необходим кто-то, кому можешь довериться, высказать все, без утайки, называя вещи своими именами. И тогда чаще всего ты сам понимаешь, как поступить. Мама шутя говорит, что она поглощает мой стресс.

Обычно мы засиживались за разговорами до глубокой ночи. И хотя все представлялось беспросветным и безнадежным, какой-то лучик надежды никогда не гас. При счете 0:5 нам было очень плохо, но потом я выиграл, и появилась какая-то зацепка, пусть слабенькая, но все же реальная… Трудно описать словами все, что мы пережили тогда. Зима 1984 года — время, когда я окончательно стал взрослым.

«Представьте себе человека, повисшего над пропастью на одной руке, и вы получите полное представление о положении, в котором находился Каспаров уже после 27-й партии, — писал Марк Тайманов. — В сущности, ему стоит сделать один неверный ход, и этого может оказаться достаточно для поражения в матче. И вот под таким дамокловым мечом претендент находится уже длительное время — и с кем! С самим чемпионом мира! При этом он даже сумел одну партию выиграть, а в ряде других обострить ситуацию и диктовать ход борьбы».

Один человек очень помог мне в то время. Тогда я не мог его назвать, это должно было оставаться тайной, хотя он был известной фигурой. Его зовут Тофик Дадашев. Он родился в 1947 году в Баку. Свои первые психологические опыты он проводил уже в возрасте тринадцати-четырнадцати лет. Летом 1964 года, будучи в Харькове, он познакомился со знаменитым Вольфом Мессингом. Эта встреча решила его судьбу.

Мы познакомились с Дадашевым, когда я проигрывал со счетом 0:4. Он поддержал меня в ситуации, казавшейся безнадежной, убеждая в том, что я не проиграю матч, даже если

счет увеличится до 0:5. Этот счет Дадашев как бы предсказал, хотя он и не был неизбежен.

Я тоже человек интуиции. И обычно предчувствую то, что должно случиться. Но в данном случае такого предчувствия не было. Мама тоже говорила, что не знает, чем все закончится. Но она просто не могла поверить, что я проиграю. Это помогало нам держаться, когда, казалось, уже все потеряно. Конечно же действительный финал матча предвидеть было невозможно. Разве мог кто-то вообразить тот провал, к которому привел его Кампоманес 15 февраля 1985 года, когда до этой даты оставались месяцы?

Но был человек, плечо которого я незримо ощущал на протяжении всего того бесконечного марафона, — Владимир Высоцкий. За полчаса до начала партии я уединялся, надевал наушники и включал магнитофон… Все 48 раз мчались его «Кони» по краю пропасти, 48 раз это невероятное, ирреальное видение придавало мне силы для продолжения беспощадной борьбы.

Я никогда не видел живого Высоцкого. Просто не успел. Преграда времени развела наши дороги. Но никаким преградам не удалось и не удастся остановить голос Высоцкого, рвущийся нам навстречу.

Не помню, когда впервые (лет в двенадцать или тринадцать) я услышал запись его песен, но в памяти отчетливо осталось сильное, резкое впечатление от выплеснутого с магнитофонной ленты сгустка эмоций… Вырастая, я стал смотреть на окружающий мир шире и потихоньку постигать социальную значимость творчества Высоцкого. А начав различать оттенки и избавившись от привычного черно-белого детского восприятия, окончательно сделал свой выбор. С тех пор Высоцкий стал моим неизменным спутником и добрым гением. Каждый шаг по нелегкому пути наверх, шаг, сопряженный порой с безрассудным, но неизбежным риском, вызывал в памяти ассоциации с миром Высоцкого — так глубоко сумел он проникнуть в психологию борьбы и противостояния.

Уверен: заряд, получаемый нами от песен Высоцкого, не является узкоспециальным раздражителем. Мы все обретаем дополнительную энергию для свершений — каждый в своей области. Но стоит вслушаться, и начинаешь понимать, что за подчас нарочитой простотой изложения скрыты ценности, находящиеся в абсолютно другом измерении, нежели, скажем, шахматы, спорт или даже литература и искусство. Нас начинает уводить в глубины тех общечеловеческих чувств и ценностей, которые живут в нас и вокруг нас независимо от нашей воли и на

которых, наверное, держится мироздание. Иным до всего этого нет дела, другие, почувствовав что-то необычное, стараются оградить себя от излишних волнений. Кто-то, согласившись пожертвовать покоем и уютом, делает первые шаги по нелегкому пути, но, столкнувшись с непредвиденными трудностями, сходит с него. Только немногие безоглядно идут вперед, подчиняясь неистребимому инстинкту борьбы за торжество справедливости…

Посмотрите, — вот он
Без страховки идет,
Чуть левее наклон,—
Упадет, пропадет,
Чуть правее наклон,—
Все равно не спасти,
Но, должно быть, ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути.

Несмотря на колоссальное внутреннее напряжение, сам матч проходил, как писали, в исключительно дружеской обстановке. «Карпов и Каспаров ведут себя, как настоящие джентльмены», — отмечал один обозреватель. А известный драматург Леонид Зорин на вопрос, каково его ощущение от атмосферы матча, ответил: «Самое оптимистическое. Меня давно удручает, что мир шахмат безусловно ужесточился и неприязненные отношения между партнерами искажают облик этого рыцарского искусства. Тем большее удовольствие доставляет видеть, как Карпов и Каспаров проводят после партии совместный анализ. Сразу видно, что шахматная истина им дороже всего». Мы действительно после каждой партии анализировали ее прямо на сцене. Тренеры посоветовали мне не делать этого, поскольку в таких совместных анализах я позволяю опытному Карпову проникать в мои мысли. Я сказал: «Не могу!» Мне не хотелось первым делать невежливый шаг.

Лондонская «Times» писала в те дни:

«Переводя взгляд с белоснежных колонн и сверкающих люстр на устланную красным ковром сцену, где за шахматным столиком застыли соперники, можно видеть, как немой язык их тел выражает состояние духа чемпиона и претендента.

Карпов, бледный и хищный, сидит расслабленно, глаза сверкают; иногда он опирается подбородком на сомкнутые

руки или, обернувшись и безмятежно окинув взглядом публику, исчезает за кулисами, почти как иллюзионист. В противоположность ему Каспаров сидит твердо и прямо; его атлетическая, крепко скроенная фигура выглядит беспомощной в этой борьбе нервов. Он упорно вглядывается в доску и подолгу обдумывает свои ходы».

Но в одном случае не отвлечься было нельзя. Неожиданным образом он произошел из-за той же «Times». Еще более неожиданным было то, что причиной стал Голомбек, выступивший с нелепым заявлением, будто советские власти потребовали, чтобы я проиграл Карпову. «Может быть, Каспарова предупредили, чтобы он не особенно старался, и дали понять, что иначе его самого и его семью ждут самые губительные последствия» — так он написал.

Руководитель моей делегации послал в ФИДЕ опровержение, отрицая этот вздор. Кампоманес назвал эту историю «безосновательной и абсурдной». Наконец-то мы могли с ним хоть в чем-то согласиться.

Можно было согласиться и с Голомбеком, но лишь с его словами о том, что в матче происходит «что-то ненормальное». Конечно, это так. Многие из моих друзей тоже никак не могли взять в толк, почему я проигрываю фактически без борьбы. Но подводить под это какую-то политическую основу было бы нелепо. Я должен также признать, что шахматная оценка, сделанная Голомбеком, отчасти верна: он отметил, что в начальной стадии матча я бросался в атаку без должной подготовки и что некоторые мои дебютные варианты оказались знакомы Карпову. Но причину следует искать во мне самом, в моей начальной установке. Никто не заставлял меня играть подобным образом. Как ни дико это может показаться, но все это я изобрел сам.

Проигрыш 27-й партии прервал длинную серию ничьих, и я оказался на самом краю пропасти. Но удивительным образом я почувствовал облегчение: матч проигран, терять нечего, постараюсь держаться до последнего. Единственное, что мне хотелось, — доказать шахматному миру, что я все-таки умею играть. Кроме всего прочего, я хотел доказать это себе самому.

Между тем противная сторона была уверена, что выигрыш уже в кармане. В журнале «64 — Шахматное обозрение» появились намеки, что всех своих предыдущих успехов я достиг случайно и что есть молодые шахматисты поталантливее меня. По случайному совпадению главным редактором этого журнала является Карпов, а его заместителем — Рошаль, чья основная

работа состоит в том, чтобы служить рупором очередного фаворита Госкомспорта и петь ему хвалу.

Кульминация должна была наступить в 31-й партии. Так было запланировано. Карпов по этому поводу надел новый костюм. Вся его свита тоже была одета по-праздничному. Шахматная федерация СССР приготовила лавровый венок. Первую половину партии Карпов играл в этот день здорово. Он получил большой позиционный перевес и вскоре выиграл пешку. Но тут случилось нечто из ряда вон выходящее. Он просто запаниковал. Вообще говоря, паниковать должен был я, но я был как раз совершенно спокоен. «Даже снял для верности пиджак».

Карпов был на грани «сухой» победы. Позиция с лишней пешкой относилась к разряду типовых. Но он не решался форсировать события, а ждал, что я проиграю сам. Но случилось иначе. У меня появился шанс нанести контрудар, и я его не упустил. Преимущество Карпова быстро улетучилось.

Когда у него возникли трудности со временем, я предложил ничью, которую он принял. По словам очевидцев, руки у него дрожали, и он, казалось, согласился на ничью с каким-то странным облегчением.

Инициатива в матче перешла на мою сторону — я в этом не сомневался. Возможно, он тоже почувствовал это.

Неудивительно, что следующую партию я выиграл. Это была моя первая победа за 94 дня матча и первая в жизни победа над Карповым, начиная с партии в сеансе, которую я играл против него еще школьником, десять лет назад.

Тут как раз подоспел дополнительный тайм-аут, давший ему возможность прийти в себя (в Колонном зале состоялась сессия Академии наук СССР, что было заранее согласовано с обоими участниками). Теперь, по логике, чемпиону надо было лишь изменить матчевую стратегию, отбросить былую осторожность и дожать соперника. Но перестроиться Карпов уже не сумел. Объяснение некоторых обозревателей, будто продолжали действовать силы инерции, подходит для кого угодно, только не для такого опытного матчевого бойца, как Карпов. Он первым понял, что дело не в инерции и не только в усталости, а в том, что соперник играет все сильнее и сильнее. Для успешного завершения матча ему уже требовалось напряжение всех сил. Причем в каждой партии, а не в какой-то одной. Надо было что-то сломать в себе, играть не против соперника, как любит он говорить, а в шахматы. Этого Карпов сделать не смог.

Кстати, сдав без доигрывания отложенную партию, Карпов не позволил болельщикам своевременно поздравить меня с победой. Они сделали это перед началом 33-й партии. Корреспондент

агентства Рейтер Джон Тиздалл писал: «Аплодисменты по случаю первой победы Каспарова прозвучали лишь сегодня, вылившись в громкую и продолжительную овацию публики, приветствовавшей претендента стоя. Карпова встречали тоже шумно и тепло, но не с таким энтузиазмом».

Затем был другой тайм-аут, продолжавшийся более недели. Колонный зал понадобился для панихиды: здесь был установлен гроб с телом маршала Д.Ф.Устинова. Затянувшийся матч начал создавать одну проблему за другой. Дело не только в том, что зал требовался для других мероприятий, часть из которых была запланирована еще год назад. Мы с Карповым пропустили Олимпиаду в Салониках. Истекали сроки виз и командировок для лиц, имевших отношение к матчу. У кого-то затянувшиеся разлуки вызвали даже семейные проблемы. Начались отъезды. Даже наши тренеры должны были участвовать в турнирах. Я лишился Дорфмана на месяц, пока он играл в первой лиге.

Затраты на матч росли. На нас давили, требуя переноса матча в гостиницу «Спорт», расположенную далеко от центра Москвы. В начале января по предложению Карпова мы написали письмо на имя председателя оргкомитета матча П.Н.Демичева, в то время министра культуры, кандидата в члены Политбюро, с просьбой не менять поле боя. Но добились лишь временной отсрочки. Думаю, что решающую роль сыграло все же не письмо, а личная гарантия Карпова закончить матч к концу месяца.

Кстати, на 29 января в Москве, в Политехническом музее, была запланирована лекция об итогах чемпионата мира, и я до сих пор храню билет на эту лекцию. Но когда 30 января в 47-й партии я одержал свою вторую победу, было объявлено, что переезд в гостиницу «Спорт» все-таки состоится.

Кин писал о 47-й партии: «Карпов играл на удивление слабо и к концу партии стал пунцовым — признак его близкого поражения. Счет 5:2 сохраняет за ним безусловное лидерство, но за два месяца он ни разу не выиграл и, должно быть, с опаской вспоминает теперь, как в Багио в 1978 году Корчной сумел ликвидировать такое же отставание в счете». Не только Карпов мог вспомнить Багио — Кампоманес, Севастьянов и Батуринский тоже были там.

Именно тогда в их головах, видимо, зародилась идея прервать матч. После поражения Карпов получил для восстановления целую неделю — роскошь, совершенно недоступная мне в начале матча, когда я так нуждался в передышке, — и, однако, в 48-й партии опять проиграл! С этого момента до 15 февраля, когда Кампоманес сделал свой «ход» (о нем пойдет речь в следующей главе), последовал еще один

недельный тайм-аут.

Стали говорить, что к концу матча качество партий очень снизилось, из чего вытекало, что чемпион мира, видимо, нездоров, а мои победы — результат везения. Это мнение не подтверждается тщательным анализом. Конечно, игра Карпова была далека от совершенства, но вряд ли кто рискнет утверждать, что он в конце матча ошибался чаще, чем я в начале.

Люди из окружения Карпова не понимали, что происходит. Он так легко одолевал меня в стартовых партиях, что оставалось предположить лишь одно: его проигрыши вызваны нездоровьем. Для них проигрывающий Карпов — это больной Карпов, а значит, его нужно защитить. И себя заодно.

Думаю, ближе всех к истине подошел Кин, написавший следующее:

«Как нужно все это понимать? На мой взгляд, Карпов всегда страдал от пятна на его чемпионской репутации, получив титул без борьбы (из-за отказа Фишера в 1975 году). Поэтому чудесное спасение в критической ситуации, благодаря вмешательству высших, сил в лице президента ФИДЕ, не сулило его репутации ничего, кроме вреда. Гораздо мудрее для него было бы продолжать борьбу, взяв на себя риск за возможные последствия. Что касается Каспарова, то после крайне неуверенного старта он совершил подвиг, равного которому не найти во всей истории мирового спорта, сумев выстоять. Как помните, победителем матча становится тот, кто первым выиграет шесть партий. Из девяти стартовых партий Каспаров проиграл четыре при пяти ничьих. Казалось, он уничтожен, и никто не собирался оказывать ему помощь в этот момент. Но тут, проявляя поразительное упорство и зрелость, он заставил Карпова отчаянно биться в долгой борьбе на истощение (партии с 10-й по 26-ю). Для зрителей то были, вероятно, скучные ничьи, но они составляли важную часть каспаровского плана духовного восстановления. Поражение в 27-й партии поставило Каспарова в отчаянную ситуацию, но неспособность соперника нанести окончательный удар позволила претенденту полностью возродиться психологически и перехватить инициативу. В самом деле, Каспаров выиграл затяжной условный матч из 39 партий (с 10-й по 48-ю) весьма убедительно, добившись трех побед при одном поражении и 35 ничьих.

Четыре месяца к его горлу был приставлен нож, но он не прекратил сопротивления и в конце имел, возможно, даже лучшие шансы. Он играл определенно сильнее, и многие обозреватели сочтут теперь его притязания на звание чемпиона мира более вескими, чем карповские».

Многих разочаровало обилие ничьих в матче; как шахматист я об этом тоже сожалею. Но как спортсмен могу это объяснить уникальностью ситуации, сложившейся в матче. Виноватым я себя не чувствую и не думаю, что подобное когда-нибудь повторится.

Вспоминая с любовью времена Фишера, говорят, что он всегда играл на выигрыш. Карпов стремится выиграть ровно столько, сколько нужно. Я нахожусь где-то посередине между ними. По натуре я тоже максималист, но не обладаю решительностью Фишера. Конечно, жаль, но что поделаешь.

Увы, скандальное окончание матча заслонило его богатейшее шахматное содержание, которое так и не было профессионально изучено специалистами. Не сомневаюсь, что в будущем историки с большим вниманием отнесутся к плодам пятимесячного противоборства двух сильнейших шахматистов мира и обнаружат, что именно с нашего безлимитного матча современные шахматы пошли по новому пути…

Когда я одержал две победы подряд, почва под ногами чемпиона заколебалась. Шахматные руководители неожиданно оказались перед пугающей перспективой моего конечного успеха в матче. «Труп» не просто ожил, он начал подниматься на ноги! Неужели невероятное становится возможным? Рисковать они не могли.

Доску и фигурки убрали в сторону. Они были уже ни к чему. Начиналась другая война. И, как всегда, нужные слова на этот случай есть у Высоцкого:

Разберись, кто ты — трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

Цирк Кампо

Кто вспомнит лет через десять-двадцать, почему прекратили тот наш матч?! А если вспомнят, кого посчитают пострадавшим? Конечно, Карпова! Отняли два очка, а потом и шахматную корону! Кто вспомнит, что президент ФИДЕ Кампоманес был близким другом Карпова, в чем он публично признался на своей знаменитой пресс-конференции (разве что сохранится крылатое выражение Спасского — «Карпоманес»)? Вспомнят ли, что весь бюрократический аппарат ФИДЕ был на стороне чемпиона? Вспомнят ли, какой безоговорочной поддержкой нашего Спорткомитета и президиума Шахматной федерации пользовался тогда Карпов в борьбе за шахматную корону со своим соотечественником?! Не вспомнят. Потому что мало кто знал о том, что происходит на самом деле, времена гласности тогда еще не наступили.

К счастью, шахматы объективны, и сильнейший определяется за доской. Хорошо спланированные удары судьбы на этот раз не достигли цели. Но отнюдь не по причине пацифизма их вдохновителей, которые до сих пор чувствуют себя безнаказанными и неуязвимыми. Так, в своей предвыборной кампании в 1986 году в Дубае Кампоманес смело объявил решение о прекращении матча одним из своих великих достижений за годы президентства.

Для того чтобы в будущем никогда не случалось ничего подобного, я и решил предать гласности все, что происходило за кулисами нашего матча.

Моя первая победа лишь снизила триумфальный настрой в лагере соперника, но вот вторая, а вслед за ней и третья коренным образом изменили матчевую ситуацию. К такой перемене не были готовы ни Карпов, ни те, кто стоял за ним. Срочно была объявлена «всеобщая мобилизация» — в Москву прилетел Кампоманес.

Что-то должно было произойти!

Остроумно проанализировал ситуацию, сложившуюся после 48-й партии, Ботвинник: «Есть три варианта окончания матча. Первый вариант, наименее вероятный — Карпов выигрывает-таки свою единственную партию и остается чемпионом. Второй — Каспаров выигрывает еще три встречи, он — чемпион, и это более вероятно, чем первое. И наконец, третий вариант — матч вообще будет прекращен. Третий вариант наиболее вероятен, потому что второй более вероятен, чем первый».

Ботвинник оказался прав.

Но как это произошло и каковы были мотивы тех, кто за этим стоял? Всего, возможно, мы никогда и не узнаем, потому что большинство переговоров проходило без моего участия и главные действующие лица, несомненно, заинтересованы все держать в тайне.

31 января, на следующий день после того как счет стал 5:2, председатель Спорткомитета Грамов высказал, по словам Кампоманеса, обеспокоенность состоянием здоровья участников и попросил найти способ прекращения матча. В тот же день был окончательно решен вопрос о переезде матча из Колонного зала в гостиницу «Спорт».

1 февраля очередная, 48-я партия не состоялась: меня письменно известили о ее переносе на 4 февраля. Технический тайм-аут организаторы объяснили неподготовленностью зала. Но, как стало известно, никаких мероприятий по его подготовке и не проводилось. В ночь на 2 февраля Кампоманес пытался организовать встречу участников матча, но руководитель нашей делегации Мамедов отказался вовлекать меня в эти переговоры. Тем не менее Кампоманес настоял, чтобы той же ночью было проведено совещание, на котором присутствовали руководители делегаций участников, главный арбитр матча Глигорич и председатель апелляционного комитета Кинцель.

Предложение Кампоманеса (якобы одобренное Карповым) состояло в следующем: «Ограничить дальнейшее продолжение матча восемью партиями; если за это время не будет достигнут обусловленный регламентом результат, то матч завершается, Карпов остается чемпионом, но в сентябре того же года начинается новый матч со счета 0:0». Через несколько часов Кампоманес вылетел в Дубай, оставив вести переговоры Кинцеля.

С этим предложением я не мог согласиться — даже ребенку очевидна его абсурдность! Для успешного завершения поединка мне следовало выигрывать по заказу каждую вторую партию (и это при том, что в предыдущих 47 партиях результативных было всего семь). В то же время Карпов с какого-то момента мог рисковать совершенно беспроигрышно! Я задал естественный в данной ситуации вопрос: «Если правила все равно меняются, то зачем же нужны дополнительные партии?»

Эти слова впоследствии фигурировали в документах ФИДЕ и в заявлениях Карпова как свидетельство моей инициативы прекратить матч. А в тот момент они были использованы для задержки очередной партии.

Да, я был готов к переговорам, но хотел, чтобы меня на них считали равноправным партнером. Естественное желание с достоинством выйти из тяжелой ситуации. Счет был не в мою

пользу, но я уже играл не хуже. 4:0 — это было в начале матча. Но за последние два с половиной месяца Карпов не выиграл ни одной партии.

Тот свой «роковой» вопрос я задал 3 февраля. Глигорич сказал мне, что Карпов сообщит свой ответ назавтра до 12 часов дня, Но в указанный срок ответа не последовало. Значит, подумал я наивно, должна состояться 48-я партия. Но нет! Организаторы прислали мне письмо с сообщением о вторичном переносе партии — с 4-го на 6-е февраля, на этот раз уже без всякого объяснения. Тогда я понял: чемпиону дают возможность восстановиться после поражения, а меня тем временем пытаются затянуть в паутину переговоров.

4 февраля Глигорич передал мне условия Карпова:

«1) Каспаров признает себя побежденным в матче;

2) новый матч начнется в сентябре со счета 0:0. Если Каспаров выиграет его с перевесом в три очка или менее, он становится чемпионом мира до 1 января 1986 года, так как не доказал превосходства над Карповым по сумме двух матчей. Затем это звание возвращается Карпову, а Каспаров играет в претендентских матчах;

3) если Каспаров выиграет матч с перевесом в четыре очка и более, то он становится чемпионом мира и обязуется в 1986 году защищать свое звание в матч-турнире трех (против Карпова и победителя претендентского цикла)».

На мой категорический отказ обсуждать подобные условия Глигорич посоветовал «все тщательно обдумать и по зрелому размышлению — согласиться».

Вечером того же дня за дело взялся Кинцель. Он приехал ко мне в гостиницу и тоже стал уговаривать принять выдвинутые Карповым условия. Таким образом, ФИДЕ в лице Кинцеля (заменявшего президента в его отсутствие) выразила готовность всерьез обсудить эти условия, несмотря на то, что они являлись грубейшим нарушением правил ФИДЕ о розыгрыше первенства мира.

Я спросил Кинцеля, не считает ли он эти условия оскорбительными для меня? Он попросил меня подумать, намекнув, что следующий матч, возможно, состоится за рубежом и денежный приз будет гораздо выше. Я ответил, что деньги не могут компенсировать несправедливость.

Затем Кинцель сказал нечто неожиданное: «Никакие сепаратные переговоры между вами и Карповым не разрешаются. Все должно происходить с ведома Международной шахматной федерации». На что я ответил: «Я буду ждать Карпова за шахматной доской в гостинице «Спорт», где мы сможем решить

все проблемы в рамках правил ФИДЕ. Для этого нам не нужны ни Кампоманес, ни Кинцель. Все, что нам нужно — это доска с шестнадцатью белыми и шестнадцатью черными фигурами».

Искусственно созданный перерыв нарушил ход борьбы. 6 февраля Карпов взял тайм-аут — видимо, отдых оказался недостаточным. Я вынужден был обратиться с письмом к Демичеву.

Кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС,
Министру культуры СССР,
Председателю Оргкомитета матча
на первенство мира по шахматам
товарищу ДЕМИЧЕВУ П. Н.
Многоуважаемый Петр Нилович!

31 января 1985 г. после 47-й партии матча, состоявшейся накануне в Колонном зале Дома союзов, меня письменно известили о том, что в дальнейшем, начиная с 1 февраля с. г., матч будет продолжен в конференц-зале гостиницы «Спорт». Я дал согласие, хотя ранее в письме к Вам от 6 января 1985 г. оба участника матча отмечали присущие этому помещению недостатки.

Однако организаторы не позаботились о подготовке зала в гостинице «Спорт» для проведения назначенной на 1 февраля очередной, 48-й партии и 31 января меня письменно поставили перед фактом ее переноса на 4 февраля.

Далее, по непонятным причинам, в назначенный день партия не состоялась, и за 6 часов до начала тура очередным письмом Оргкомитет известил меня о вторичном переносе 48-й партии на 6 февраля с. г.

В результате в матче искусственно создан недельный перерыв, который определенным образом нарушает ход спортивной борьбы.

Все это наводит меня на мысль, что организаторы матча дают возможность чемпиону мира восстановиться после поражения в 47-й партии. Об этом свидетельствует и взятый Анатолием Карповым тайм-аут 6 февраля.

Одновременно ставлю Вас в известность, что именно после 47-й партии президентом ФИДЕ г-ном Ф. Кампоманесом и уполномоченным им г-ном Кинцелем (Западный Берлин) были предложены согласованные с чемпионом мира и неприемлемые для меня условия прекращения матча.

Обращаясь к Вам с данным письмом, прошу Вашего содействия в создании нормальных условий в проведении матча согласно существующим Правилам.

С искренним уважением

Г. КАСПАРОВ

6 февраля 1985 г.

Через два дня у меня состоялся телефонный разговор с Демичевым. Мне было сказано, что наше с Карповым состояние здоровья вызывает тревогу и что длительный перерыв пойдет нам обоим на пользу. Затем Демичев добавил, что игру нужно вести честно и нельзя «добивать лежачего», то есть Карпова. Такой поворот был для меня неожиданным — ведь к тому моменту я проигрывал со счетом 2:5.

Наконец 8 февраля, после недельного перерыва, состоялась 48-я партия, которую мы уже играли в конференц-зале гостиницы «Спорт». Здесь не было той роскоши, что в Колонном зале, но у меня с этим местом были связаны добрые воспоминания. На этой сцене я выиграл межзональный турнир в 1982 году и матч у Белявского в 1983-м. Очень хотелось верить, что и теперь фортуна не покинет меня. Впервые за пять месяцев я вышел на игру внутренне спокойным. Партия была отложена, и на следующий день при доигрывании была зафиксирована моя третья победа.

Конечно, эта партия привела моих противников в замешательство. Я выиграл ее в хорошем стиле, и это сделало несостоятельным их аргумент о том, что оба соперника слишком устали для того, чтобы играть в хорошие шахматы. К тому же, как указал английский гроссмейстер Джон Нанн, 48 партий, сыгранных двумя гроссмейстерами за пять месяцев, вовсе не являются чем-то сверхъестественным. Что касается качества нашей игры, то любопытно противоречивое свидетельство Глигорича («Радио-ревю», 3 марта 1985). В ответ на вопрос: «В Москве вы заявили, комментируя две последние партии, что чемпион делает грубые ошибки и это можно объяснить только его большей физической измотанностью и недостатком концентрации. Что вы еще можете сказать об этом?» он сказал: «Да, я так заявил и теперь уточню относительно последней, 48-й партии. Каспаров играл ее отлично, и чемпион мира ничего не мог поделать. Но все же устали и похудели оба противника, хотя это в большей степени было заметно по Карпову».

Позднее выяснилось, что в тот день, когда я выиграл последнюю партию, Глигорич позвонил Кампоманесу в Дубай и попросил немедленно вернуться в Москву. Положив трубку,

Кампоманес сказал Кину: «Карпов не может продолжать игру…» Итак, нет вопросов, как возник весь этот кризис. Спорили, звонил ли это в самом деле Глигорич, и если да, то от чьего имени он действовал. Глигорич не мог отрицать, что звонил именно он, — это могут подтвердить независимые друг от друга свидетели. Позже он сказал, что действовал от имени Кинцеля.

Понятно, я не был в восторге от того, что Глигорич, обязанный как главный арбитр быть нейтральным, стал инициатором сомнительных нешахматных ходов в интересах одного из участников матча. Позже я прямо изложил свою точку зрения в открытом письме Глигоричу, после того как он в печати искаженно представил события. Меня очень огорчило, что Глигорича используют в нечистой игре Кампоманеса. Я написал ему: «Шахматный мир переживает тяжелые времена, идет борьба за чистоту шахматных идеалов, шахматного движения. Трудно поверить, что такой известный шахматист, как Вы, оказались в этой борьбе на стороне дельцов от шахмат. Кампоманеса и его компанию абсолютно не интересует искусство шахматной игры, но Вы же настоящий шахматист, и я убежден, что Вам небезразлична судьба этой игры. Это неподходящая для Вас компания, гроссмейстер».

10 февраля было воскресенье, и мы могли спокойно обсудить возникшую ситуацию. Появились надежды, которых раньше не было: я нашел свою игру, а соперник, похоже, потерял! Мы долго размышляли, какой стратегии придерживаться в этой ситуации, и, наконец, решили 11 февраля взять тайм-аут, чтобы как следует подготовиться к 49-й партии. Ведь мне предстояло играть черными, а инициативу упускать было нельзя. Кроме того, надо было привыкнуть к новому положению в матче — 5:3.

Потом я не раз задумывался, как развернулись бы события, не возьми я тогда тайм-аут. Состоялась бы партия? А если нет, то кто бы ее отменил? Кинцель? Наши организаторы? Во всяком случае, Кампоманес в тот момент был еще в воздухе — на полпути из Дубая… (Интересно в этой связи мнение Глигорича, высказанное им 19 февраля на страницах загребской газеты «Vijesnik»: «Если бы Каспаров не взял тайм-аут, 49-я партия была бы сыграна, и ситуация могла еще более осложниться».)

Прилетев в Москву, Кампоманес тут же, в ночь на 12 февраля, вручил руководителю моей делегации новые предложения, в которых опять говорилось о необходимости ограничить количество партий — на этот раз цифрой 60. Обратите внимание, в тот момент у него еще не было намерения немедленно прекратить матч. Мамедов ответил, что не будет беспокоить меня до окончания 49-й партии, тем более что в новых предложениях, в

сущности, сохранены все прежние требования Карпова.

13 февраля, утром того дня, когда должна была состояться эта партия, мне передали, что на сей раз тайм-аут взял… президент! Никаких официальных объяснений дано не было, а Мамедову Кампоманес сказал, что объявил перерыв по просьбе Советской федерации, чтобы найти приемлемый способ прекращения матча.

Узнав об очередной отсрочке, я сразу же позвонил Демичеву. Он откровенно сказал, что перерыв вызван неудовлетворительным состоянием здоровья Карпова (хотя у того был в запасе еще один тайм-аут), о чем ему утром сообщил Грамов. Демичев вновь заговорил о спортивной этике, о нервном и физическом истощении участников, о необходимости по-дружески прекратить матч. Сославшись на мнение специалистов, он заметил, что я не самым лучшим образом реализовал свой перевес в 48-й партии и что этот факт свидетельствует и о моей усталости. Трудно передать мое удивление, так как, на мой взгляд, эту партию я провел очень хорошо, да и шахматные обозреватели единодушно назвали ее моим лучшим творческим достижением в матче.

А через час мне позвонил Грамов и сообщил, что ответственность за матч несет ФИДЕ и все спорные вопросы следует решать с Кампоманесом. «Но почему президент взял тайм-аут?» — спросил я. «Это его собственное решение, никто его об этом не просил». Вот такой получился «пинг-понг».

К нам в гостиницу Кампоманес пришел лишь 14 февраля, в полдень, в сопровождении Глигорича. Речи о 60 партиях уже не было. Кампоманес стал говорить об усталости участников, судей, организаторов. На мои возражения он неожиданно вынул письмо, подписанное Севастьяновым.

Письмо я увидел впервые: никто, естественно, не удосужился ознакомить меня с ним раньше.

Шахматная федерация СССР

Президенту ФИДЕ г-ну Ф. КАМПОМАНЕСУ

Учитывая беспрецедентную длительность матча на первенство мира по шахматам между А. Карповым и Г. Каспаровым, который продолжается свыше 5 месяцев и в котором уже сыграно 48 партий (то есть два полных матча по старым правилам), Шахматная федерация СССР, выражая беспокойство о состоянии здоровья участников, просит объявить на матче трехмесячный перерыв.

Как известно, в соглашении о безлимитном матче

Фишер — Карпов (1976) предусматривался перерыв после четырех месяцев игры. Это положение было включено на основании мнений специалистов здравоохранения. А матч, как уже отмечено, Карпов — Каспаров продолжается дольше.

Отметим также, что предложение о перерыве не противоречит Уставу ФИДЕ и регламенту матча и, полагаем, будет с удовлетворением встречено мировой шахматной общественностью.

Ваше положительное решение будет способствовать интересам развития шахматного творчества.

С уважением
председатель Шахматной федерации СССР,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

В. И. СЕВАСТЬЯНОВ

13 февраля 1985 г.

Заместителем председателя федерации был тогда Батуринский — руководитель команды Карпова, официальным представителем в прессе — Рошаль. Нет нужды говорить, что никто не спрашивал моего согласия на такое письмо и тем более не интересовался моим здоровьем (сам Севастьянов ни разу за весь матч даже не переговорил со мной). Меня известили постфактум, причем иностранцы!

В ответ я сказал, что не считаю Севастьянова компетентным давать заключение о состоянии моего здоровья, и со всей определенностью заявил, что вижу только два способа закончить матч:

1) Карпов сдает матч, если он не в состоянии играть дальше;

2) мы продолжаем играть до победного конца, в полном соответствии с действующими правилами.

На это Кампоманес сказал, что есть и третий вариант: «Я сам приму решение!»

Что именно значили эти слова президента, я узнал в тот же вечер, когда около полуночи Мамедов был вызван и официально уведомлен, что матч будет прекращен. О решении президента ФИДЕ будет объявлено завтра, на пресс-конференции. Меня туда, конечно, не пригласили. Я трижды звонил Глигоричу и спрашивал, что все это означает. Он пообещал, что спросит

Кинцеля. Затем перезвонил и сказал, что, по словам Кинцеля, у Кампоманеса есть все права принять такое решение. «Хорошо, — сказал я. — Сообщите мне об этом официально, в письменной форме». Он снова связался с Кинцелем, и тот ответил, что президент не обязан объяснять свою позицию на бумаге. При этом югославский гроссмейстер пожаловался: «Знаете, я в этом деле не более чем швейцар».

Меня терзали сомнения: идти или не идти на пресс-конференцию? Мне был всего двадцать один год: вставшая передо мной каменная стена бюрократизма казалась непреодолимой (страна переживала тревожное время — последние дни правления К.У.Черненко)… Официальные представители Спорткомитета успокаивали меня и уверяли, что беспокоиться не о чем.

Но у меня вдруг возникло странное чувство. Я сказал маме: «Думаю, нам следует пойти на пресс-конференцию, мне что-то не по себе. Не могу этого объяснить. Но нам следует пойти». Мамедова предупредили: «Остановите Каспарова, иначе возможен скандал. В гостинице «Спорт» более сотни фото- и телерепортеров». Мама не советовала идти, говорила, что я только расстроюсь, пусть лучше они разберутся сами. Но тут позвонила Рона Яковлевна Петросян. Она сказала маме: «Я думаю, ему следует пойти. Если твой сын не будет на пресс-конференции, он никогда себе этого не простит».

Итак, я со своими тренерами Никитиным, Тимощенко и Дорфманом все же приехал на пресс-конференцию за пять минут до ее начала. Карпова не было, явно не ждали и меня. Крогиус подошел ко мне и предложил занять место в переднем ряду, но я отказался, чтобы не подумали, будто мы принимаем официальное участие в этом «мероприятии». В зале присутствовало около 300 человек — представители мировой прессы и телевидения. Кругом стояли прожектора и тянулись телевизионные кабели.

Камеры застрекотали, как только я приехал. Они записали растерянность организаторов пресс-конференции, вызванную моим появлением, включая весьма выразительные детали: когда, например, кто-то стал подглядывать в щель занавеса, чтобы удостовериться в той плохой новости, что я действительно в зале. Кампоманеса мое появление, похоже, повергло в смятение. Потребовалось еще минут двадцать, прежде чем началась пресс-конференция.

Наконец президиум занял свои места на сцене. Огромная эмблема с девизом ФИДЕ «Мы — одна семья» не могла вызвать ничего, кроме иронии. Кампоманесу явно не хватало обычной уверенности, его взгляд беспокойно метался по залу. Было видно, что президент в состоянии крайнего напряжения. Это отчетливо

просматривается и на видеозаписи. Рядом с ним сидели Глигорич, Авербах, Микенас, Крогиус, Кинцель, Севастьянов, а также два зампреда Спорткомитета — Русак и Гаврилин и представитель министерства иностранных дел, который вел пресс-конференцию.

Чтобы лучше понять странные события, последовавшие за этим, важно в точности знать слова, сказанные Кампоманесом. Читатель сам сможет разобраться в том нагромождении уверток и лжи, которое соорудил Кампо. Воспроизвожу далее запись с кассеты — специально не отредактированный, а как бы синхронный перевод с английского языка.

Кампоманес: Добрый день, дамы и господа, представители прессы, телевидения и радио. Прежде всего извините за задержку. Это напоминает мне о том, что было во время моего избрания президентом в 1982 году в Люцерне. На следующий день от меня ожидали, что я назову генерального секретаря, и, как обычно в подобных случаях, было несколько вариантов. Когда я сел на свое место в зале заседаний, чтобы сделать заявление, до самого момента, когда я оказался у микрофона, я не знал, кого назову — г-на Клюза из Уэльса, г-на Кина из Англии, г-на Кажича из Югославии или профессора Лим Кок Анна из Сингапура. Никто не верил мне, когда я сказал, что не знал, как мне быть — кого выбрать — вплоть до того финального момента, и я думаю, что многие из вас окажутся Фомами неверующими, если я скажу вам, что и сейчас, говоря с вами, я не знаю. Нынешний матч на первенство мира стал необычным соревнованием, создавшим необычные проблемы, которые требуют особых решений. Поскольку, в соответствии с Уставом ФИДЕ, президент уполномочен принимать решения в промежутке между конгрессами и поскольку, по регламенту матча, президент лично и официально отвечает за весь матч и тем самым уполномочен принимать окончательное решение по всем вопросам, касающимся матча в целом, я вследствие этого объявляю, что матч закончен без выявления результата. Новый матч начнется со счета 0:0 1 сентября 1985 года.

Вопрос: С чьего согласия?

Кампоманес: С согласия обоих участников. Следующий конгресс ФИДЕ в августе решит дальнейшие вопросы об этом матче — победитель его будет чемпионом мира на 1985/86 год. Благодарю за внимание.

Услышав такую новость, зал зашумел. На пленке видно, как мы с тренерами обсуждаем услышанное и смеемся. После короткого замешательства, вызванного заявлением Кампоманеса, вопросы посыпались как из рога изобилия.

Вопрос: Каковы причины досрочного окончания матча?

Кампоманес: Думаю, что об этом вкратце сказано в заявлении. Этот матч побил рекорд всех матчей — по количеству партий, по количеству ничьих, по продолжительности, составившей более пяти месяцев. Уже исчерпаны физические, если не психологические, ресурсы не только участников, но и всех, кто связан с матчем, как бы далека эта связь ни была. Я, в частности, не мог в полной мере исполнять свои функции и выполнять другие обязанности, как президент ФИДЕ, потому что он навис над всей моей деятельностью.

Вопрос: Что, г-н Карпов не в состоянии продолжать матч?

Кампоманес (улыбаясь): Я бы хотел, чтобы вы могли наблюдать за мной в течение последнего часа, потому что тогда вы имели бы готовый ответ на этот вопрос… (длинная пауза).

Вопрос: Ну, раз вы не хотите отвечать…

Кампоманес: Минутку, сэр, я еще не закончил. Г-н Карпов чувствует себя хорошо и до самого конца обращался ко мне, чтобы продолжить матч с понедельника. Я расстался с ним всего лишь 25 минут назад, сказав одному из присутствующих здесь коллег, что принимаю решение вопреки его желанию. Вы все хорошо знаете, или подозревали, или обвиняли меня в том, что я большой друг г-на Карпова — и вы правы, — но это не имеет ничего общего с тем, что, я считаю, будет лучше всего для шахмат во всем мире. Я отверг его просьбу. Мне не нужны свидетели, чтобы сказать это, но свидетели есть — пусть это будет известно. Г-н Карпов был готов 25 минут назад и сказал мне: только, пожалуйста, не надо играть сегодня, поскольку г-н Каспаров и он не готовы играть сегодня из-за всего этого тарарама. Он просил продолжить матч с понедельника до победного или иного конца, и это я имел в виду, когда сказал вам с трибуны, что собирался сделать по-другому»

Вопрос: Что сказал претендент?

Кампоманес: Я общался с претендентом — я отношусь к ним обоим, как к равноправным участникам матча, — я убежден, что он не в восторге от этого решения, но в соответствии с правилами президент должен принять решение, которое он считает лучшим, к огорчению, может быть, многих, вовлеченных в эту проблему, Нельзя ждать, что он сможет удовлетворить всех или кого-либо, но он должен решать. И сейчас, без скидок по отношению к себе, я понимаю, в чем была соломонова мудрость, — что он чувствовал, держа младенца в руках. Благодарю за внимание.

Вопрос: По вашим же словам, г-н Кампоманес, и чемпион, и претендент хотят играть. Не скажете ли вы нам, по какому праву вы принимаете свое решение? Объясните несколько подробнее.

Каковы особые обстоятельства?

Кампоманес: Спасибо, г-н Додер, я так долго и многословно объяснял вам это вчера и повторил это сегодня с трибуны. Право ясно. Причины — прежде всего мы думаем о двух сильнейших шахматистах мира. Мы думаем о шахматах как спорте в глазах всего мира. Мы думаем о благополучии тех, кто связан с матчем в Москве и повсюду, и о других вопросах, имеющих отношение к данной теме. Я процитирую г-на Майданса, пытавшегося застать меня вчера, я знаю, но меня не было. В вашем репортаже для «New York Times», 29 января, вы сами сказали, что матч начинает становиться не испытанием шахматного мастерства, но вопросом физической выносливости. Вспоминаю, что при счете 5:0 и множестве сыгранных к тому времени партий все говорили, когда же это кончится, и последовали новые ничьи. Затем г-н Каспаров выиграл, и опять пошли ничьи, и все стучали в дверь, говоря: давайте кончать этот матч. А теперь, когда мы кончаем матч, вы спрашиваете, почему. Думаю, ответ напрашивается.

Вопрос: У меня два вопроса. Спасибо за то, что вы определили позиции обеих сторон относительно вашего решения. Не скажете ли, какова реакция Советской федерации на это предложение? И как прекращение матча, который хотят продолжать оба участника, послужит на благо спорта?

Кампоманес: Я отвечу только на один ваш вопрос — на другой я уже ответил. Шахматная федерация СССР согласна с моим решением.

Вопрос (Ричард Оуэн, московский корреспондент «Times»): Г-н Кампоманес, мне интересно узнать, как вы отвечаете на суждения квалифицированных комментаторов, таких, как г-н Реймонд Кин, считающих, что, если г-н Карпов после шести месяцев игры не может выдержать напряжения, ему следует отказаться от своего титула, поскольку шахматы — это не только умение и ходы, но и психологическое испытание и проба на выносливость на каком-то отрезке времени. И поскольку г-н Каспаров не похож на человека, угнетенного психологически или физически? (смех в зале).

Кампоманес: Прежде всего, вы цитируете г-на Кина. Когда он высказал это суждение?

Оуэн: Он сообщил это моей газете, «Times», два дня назад.

Кампоманес: Четыре с половиной дня назад я встречался с г-ном Кином в Дубае, и мы обсудили с ним это дело вдоль и поперек под доброе красное вино, а два дня назад вечером мы говорили с ним по телефону — он уже вернулся в Англию. Г-н Кин — английский гроссмейстер, второй у вас, и он имеет право на свое мнение, и потому-то мы в ФИДЕ (такая забавная семья) признаем право на несогласие.

Вопрос (ТАСС): Какая система проведения матчей лучшая?

Кампоманес: Это хороший вопрос (смех в зале). Позволю себе напомнить вам, что ваш покорный слуга был организатором матча на первенство мира 1978 года от Филиппинской шахматной федерации. Тогда мы считали, что матч затянулся, и заверяю вас, что мне понятны сейчас чувства организационного комитета — потому что тогда, по прошествии 93 дней, я думал, что мне вот-вот наступит конец, а сейчас прошло больше 150 дней. Но такой регламент действовал и на том матче, и на матче в Мерано, и я продолжаю говорить своим близким коллегам, что матч затянулся на такой долгий срок не по вине регламента. Регламент, может быть, и неплох, но, к счастью, — я говорю, к счастью, — совершенство соперников достигло такого уровня, что они раскрыли секрет, как свести партию вничью, доведя до самого ничтожного минимума риск проиграть. Это совершенство современных шахмат. Единственное, что можно винить, это особое совершенство, из-за него матч стал таким долгим — сорок ничьих, неслыханное дело в предыдущих матчах. Регламент, будучи продуктом человеческого разума, не в состоянии охватить всех ситуаций. Вот почему в нынешнем регламенте есть пункт, по которому кто-то лично и официально должен оценить происходящее со всех позиций, и, я надеюсь, он принимает правильное решение во благо.

Вопрос («Советский спорт»): А как объяснить ситуацию, возникшую во время матча, разъясните — или вы уже дали оценку матча?

Кампоманес (после консультации с советским представителем для новых разъяснений): О, да! Большое спасибо, это хороший вопрос. Мы достигли рубежа, на котором прежняя продолжительность матчей, 24 партии, превышена вдвое. 48 партий — хороший рубеж, чтобы остановиться и подумать. Вот почему я увидел, что пора действовать. А что иначе: ждать, пока будет 72 партии? Если матч так затянется, все может случиться. Я не завидую и представителям прессы. Помню первые дни и бурную деятельность в пресс-центре. Перед отъездом в Дубай я зашел в пресс-центр. На местный морг это не было похоже (смеется), но народу в пресс-центре стало гораздо меньше. Вы же сами устали.

Вопрос: Вы сказали, что соперники открыли секрет, как сделать ничью, но вы прибыли сюда как раз в тот момент, когда г-н Каспаров, кажется, открыл секрет, как выигрывать. Не создает ли это впечатления, что вы прибыли в последний момент, чтобы спасти г-на Карпова?

Кампоманес: Спасти его от себя самого? Нет. Об этом я начал

думать гораздо раньше. Я стал думать об этом начиная с 32-й партии. Я вспомнил, что в Багио было 32 партии, но мне нужна была еще информация; однако меня вызвали по делам, требующим моего участия, и мне пришлось уехать. Все это стало укладываться по полочкам, когда мы много беседовали на эти темы в Афинах и мне звонили шахматные руководители из разных стран. Дважды 24 — это 48. Прекрасный рубеж, чтобы подвести итоги независимо от того, что вы называете тенденцией матча, — поскольку, как на бирже, с подъемами и падениями курса, здесь никогда не знаешь, что произойдет, и можешь попасть впросак.

Вопрос: Я хотел бы знать, что лично вы чувствуете, принимая свое решение, если учесть, что оба соперника говорят о своем желании продолжать матч?

Кампоманес: Мое решение равно для обоих соперников. Нельзя сделать довольными всех или кого-то одного. До настоящего момента я не знал. Надо жить в согласии с самим собой, и сплю я спокойно.

Вопрос («Советский спорт»): Еще вопрос о правилах. До сих пор сыграно 29 матчей, и самый длинный из них был из 34 партий. Система казалась подходящей, и вся шахматная общественность соглашалась с ней. Почему потребовалось ее изменить? И какую систему вы считаете оптимальной?

Кампоманес: Думаю, я уже частично касался этого вопроса. Всякая система требует проверки — нельзя узнать вкус пирога, не попробовав его. Когда регламент применяется на практике, при конкретных условиях, что-то оказывается хорошо, что-то — нет, и вообще это прерогатива ФИДЕ, решениям которой я должен следовать. Они формулируют регламент, начиная с проработки в комиссиях и кончая тайным или открытым голосованием. Люди его разрабатывают, а обстоятельства на него влияют.

Вопрос: Я бы хотел только спросить о том, о чем уже здесь говорили. В последнее время появились более конкретные сообщения в прессе — что г-н Карпов на грани психологической катастрофы (Кампоманес улыбается и встает), что он полностью выдохся и так далее. Что бы вы на это сказали — он что, в больнице?

Кампоманес (улыбаясь и беря в руки микрофон): Вы задали свой вопрос в самый подходящий момент — г-н Карпов только что прибыл, он за вашей спиной.

В это время в зале появился чемпион мира. Был ли он все время внутри здания, прячась где-то за кулисами? Или — что более вероятно — его предупредили по телефону о моем присутствии до начала пресс-конференции, и он поспешил в

дорогу? С конца зала было слышно, как Карпов сказал: «Я хочу сделать заявление», — после чего направился к сцене.

Часть аудитории громко приветствовала его. Было слышно, как к нему обращались с вопросами, пока он шел по проходу: «Как вы себя чувствуете, мистер Карпов? Хорошо? Это хорошо». Аудитория шумела, предвкушая интересное зрелище. Когда он поднялся на сцену и подошел к президиуму, Глигорич уступил ему свое место, и Карпов пожал руку улыбающемуся Кампоманесу и представителю МИДа. Затем он сел рядом с президентом и взял в руки микрофон.

Карпов: Я должен сказать, как это по-русски говорится, слухи о моей смерти были несколько преувеличены.

Кампоманес: Анатолий, я им только что сказал об этом.

Карпов: Я считаю, что мы сможем и должны продолжить этот матч, потому что предложение прекратить его и начать на равных условиях меня не устраивает. Я считаю, что мы должны с понедельника начать… то есть не начать, а продолжить наш матч. Я думаю, что Каспаров поддержит это предложение и никакой проблемы быть не должно (аплодисменты).

Кампоманес (улыбаясь): Господа, теперь вы видите, что я говорил вам правду. Подтверждение прибыло сюда в лице нашего друга — чемпиона мира. Я вам уже говорил об этом, и г-н Каспаров теперь видит, что я говорил правду.

На левой стороне зала стоял шум, раздался возглас: «Пусть Каспаров скажет». Затем чей-то голос из группы, где сидел Рошаль, ясно произнес: «Если мама позволит».

Карпов: Думаю, нам следует пригласить Каспарова сюда (жест рукой).

Представитель МИДа: Но решение принято.

Кампоманес: Гарри, вы не хотите пройти сюда и выступить?

Я начал говорить прямо с места, но многие не слышали меня, потому что не было микрофона, и я направился к трибуне. В тот момент, когда я уже поднимался по ступенькам, то услышал, как Кампоманес сказал Карпову (на пленке записались эти слова):

Кампоманес: Я сказал им в точности то, что вы сказали мне сказать им.

Карпов: Да, но… но я с этим не согласен.

Позже мне сказали, что от волнения я был очень бледен и на верхней губе у меня выступил пот. На самом деле я был белым не от волнения, а от злости на всю эту компанию! Когда, наконец, я дошел до трибуны, мне пришлось ждать, пока стихнут аплодисменты. Кампоманес, после услышанного от Карпова, о чем-то говорил теперь с Севастьяновым.

Каспаров: Я хочу задать г-ну президенту один вопрос: для

чего весь этот спектакль, г-н президент? Я поясню свой вопрос. Вы сказали, что приехали сюда через 25 минут после разговора с чемпионом мира. И он был против того, чтобы матч прекращался. Вы прекрасно знали и мою точку зрения: я тоже против того, чтобы матч прекращался или прерывался «техническими» тайм-аутами. Тем не менее вы приехали и объявили свою точку зрения, что, несмотря на наше желание играть, вы матч прерываете. Для чего нам это нужно? Я не понимаю… Вы говорили, что 25 минут тому назад разговаривали с Карповым, и вдруг сейчас такое расхождение… Расскажите нам или мне, во всяком случае?

Кампоманес: Лично я верю, что то, что я делаю, в лучших интересах. Но соперники — лишь часть создавшейся ситуации. Сейчас, однако… (после некоторого колебания) однако сейчас я в очень удачном положении. Я в таком положении, что лучшего я бы не желал. Если оба соперника хотят играть до конца (смех в зале), я буду рад обсудить с ними создавшееся положение наедине, поскольку я долго настаивал на такой ситуации, но не мог ее достичь: то не было г-на Карпова, то не было г-на Каспарова, я пытался связаться с ними. Еще вчера вечером я хотел собрать их вместе, но г-н Каспаров спал, г-н Карпов был часто связан распорядком дня. Теперь момент настал. Я хочу поговорить с вами (аплодисменты). Мы удаляемся на десять минут.

Карпов и Кампоманес встали, при этом президент вытянул обе руки в жесте, обращенном к аудитории. Он любит театральность и наигранность. Но я еще не закончил. Теперь был мой ход!

Каспаров: Я хочу сделать свое заявление. Профессия г-на президента — говорить, моя — играть в шахматы. Поэтому я не собираюсь состязаться с ним на поприще переговоров. Я не собираюсь требовать продолжения матча из-за того, будто я убежден, что легко выиграю матч ввиду плохого самочувствия чемпиона мира. Я не знаю этого, Карпов же стоит здесь, он может играть, и это мы все видим. Но впервые за пять месяцев у меня появились некоторые шансы, некоторые! Процентов, может, 25–30. И сейчас их у меня пытаются отнять бесконечными затяжками. Пусть те, кто затягивает матч, отвечают за это. Матч должен продолжаться, и я это говорил еще две недели назад — без тайм-аутов, без перерывов. Но матч оттягивался и оттягивался, и совершенно ясно, что с каждой оттяжкой шансы чемпиона мира на выигрыш одной партии возрастают, а мои уменьшаются (аплодисменты).

В этот момент представитель МИДа наклонился вперед и сказал: «Пресс-конференция окончена». На что последовал взрыв

хохота. Поэтому через несколько секунд он неуверенно добавил: «Если президент Кампоманес считает возможным продолжать…»

Кампоманес: Если г-н Каспаров отказывается совещаться со мной, я не смогу изменить решение. Со мной и г-ном Карповым — ясно и просто. Решение остается в силе, если они не сядут и не договорятся.

Карпов, уже пошедший к выходу, чтобы принять участие в объявленной беседе, начинает возвращаться обратно.

Карпов: Я хочу сделать свое заявление.

Кампоманес (Карпову): Вы будете играть сегодня?

Карпов: Нет.

Кампоманес: А в понедельник?

Карпов: В понедельник.

Представитель МИДа: Лучше отдохнуть.

Карпов: Думаю, надо сделать перерыв, чтобы все успокоились (аплодисменты). А после перерыва объявить окончательное решение.

Кампоманес: Перерыв на десять минут.

Однако перерыв продлился 1 час 38 минут, и в течение всего этого времени иностранные журналисты были в затруднении, что передавать в свои редакции. Сообщить то, о чем сказал Кампоманес в своем выступлении: то есть что матч отменен, они не решались, так как понимали, что, возможно, придется потом исправлять свои сообщения. По мере того как «тайм-аут» затягивался на неопределенное время, журналисты начинали проявлять беспокойство.

Кампоманес, Карпов, Русак, Гаврилин, Кинцель, Севастьянов и Мамедов удалились в отдельную комнату. Я же поднялся в номер, в котором жил один из членов моей делегации. Но вскоре за мной пришли Авербах и Чмыхов, директор гостиничного комплекса. Они стали убеждать меня пойти на совещание. В конце концов я согласился.

Войдя в комнату, где проходило совещание, я быстро понял, что мы здесь вовсе не для того, чтобы что-то решать. Все уже было решено! Даже Карпов, утверждавший в зале, что хочет продолжать матч, теперь лишь требовал матч-реванша в случае проигрыша. Севастьянов тут же поддержал требование Карпова, не возражал и Кампоманес. *Вопрос о продолжении матча даже не рассматривался!* Я подтвердил свою точку зрения: если Карпов не сдает матч, любое прекращение борьбы — против правил. Кампоманес сказал, что мне будет дано право изложить свою позицию на конгрессе ФИДЕ. Мой вопрос: «Какие же шансы на успех будет иметь мое обращение к конгрессу, если моя собственная федерация поддерживает одного Карпова?» — не

требовал ответа.

Нам с Карповым предложили подписать официальный документ, в котором мы выражали бы согласие с решением президента. Больше часа меня уламывали подписать эту бумагу, говорили со мной грубо, раздраженно. Но свою подпись под этим «историческим» документом я не поставил!

Было видно, что Карпову не очень хотелось подписывать бумагу, и он сделал это только после того, как Севастьянов, похлопав его по плечу, сказал: «Давай, Толя, подписывай. Это хорошая бумага». При этом Карпов, правда, не забыл добавить условие о своем праве на матч-реванш.

Предоставим теперь слово Рошалю. Спустя четыре года, выступая в Политехническом музее, он поведал следующее:

— А что было за сценой? Карпова, бедного солдата, верного солдата вышестоящих организаций (он не солдат — ну, скажем, полковник или генерал, но он все-таки, так сказать… против каких-то решений партии и правительства не пойдет) уговаривают: «Толя, подпиши, Толя, подпиши… Матч должен быть прекращен: доложили уже. И уже «сверху» сказали: матч прекращен, все. Решение принято. Кампоманесу ничего не будет, а тебе-то…» Толя говорит: «Но при одном условии. Вы должны мне сохранить матч-реванш, потому что цикл предусматривает наличие матч-реванша. Будете ли вы менять — безлимитный, лимитный — это меня не касается. В этом цикле я имею право на матч-реванш. Что бы вы ни делали — матч-реванш должен быть».

Но какой? Все почему-то забывают о том факте, что в случае поражения в безлимитном матче чемпион мира имел право на безлимитный же матч-реванш, о котором в тот момент, наверно, Карпову даже подумать было страшно. Подписав бумагу, он гарантировал себе сохранение титула при ничейном исходе лимитного матча, а на случай неудачи — матч-реванш из тех же 24 партий.

Позже Карпов говорил, что подписал документ, полагая, что я тоже подпишу. Но я уверен: если бы он не хотел прекращения матча, этого не случилось бы. Три года спустя Батуринский напишет: «…я несу моральную ответственность за то, что не смог преодолеть колебания Карпова и убедить его продолжать матч» («Советский спорт», 28 января 1988). К тому же, как впоследствии стало известно, уже через несколько часов после закрытия матча тот же Батуринский по поручению Карпова передал Кампоманесу официальные предложения по организации нового матча в сентябре 1985 года…

И еще одно важное свидетельство «с той стороны». Вот слова Рошаля из фильма «Тринадцатый»: «Карпов, как чемпион мира,

всесильный в то время чемпион мира, ведущий в счете, мог стукнуть кулаком и сказать: «Прекратить!» (то есть прекратить прекращать матч! — *Г.К.*). Но он этого не сделал».

Перекликается с этими словами и мнение, высказанное югославским гроссмейстером Бориславом Ивковым в газете «Борба» в марте 1985 года: «Карпов, ведя в счете, согласился с тем, что матч будет окончен так, как есть — значит, это решение ему выгодно, нужно… Кампоманес, попав под сильнейшее влияние Карпова, делал все, чтобы преградить дорогу Каспарову. В их матче, пока Карпов убедительно вел в счете, Кампоманеса не очень занимал тот факт, что матч слишком долог, негуманен, изматывающ. Лишь когда Каспаров начал выигрывать, Кампоманес пришел к выводу, что матч вреден… Каспаров хотел доиграть, чтобы стать чемпионом мира, в то время как всего одно поражение возвращало его назад, в претенденты. Но если бы Карпов верил, что сможет выиграть ту одну-единственную партию, матч не был бы прекращен решением президента!»

Все это, однако, не помешало Карпову выступить через три года в своем журнале («64—Шахматное обозрение» № 9, 1988) со следующим заявлением, рассчитанным на явную неосведомленность читателей: «…По поводу прекращения матча 1985 года в Москве хочу привести только одно не публиковавшееся в советской печати заявление руководителя делегации Каспарова. Мамедов от имени Каспарова заявляет: «Каспаров не хочет продолжать матч. Каспаров согласен с решением президента ФИДЕ считать матч оконченным. Каспаров готов играть новый матч в сентябре. Москва, 25 февраля 1985 года».

Официального протеста Каспаров не подавал. Правда, перед журналистами была разыграна полная драматизма сцена, но когда после этого встал вопрос о возобновлении матча, после недельного раздумья было сделано напечатанное выше заявление. Да это и понятно: ведь Каспаров спасал матч, в котором я вел с перевесом в два очка.

Но сейчас я даже не об этом. Каспаров, как видим, согласился с решением президента ФИДЕ считать матч оконченным и потерял, таким образом, моральное право на свои последующие недопустимо резкие выпады».

В ответ на это заявление Мамедов написал письмо в редакцию журнала «64», в котором поведал о том, что же тогда происходило в действительности (№ 20, 1988): «…24 февраля глубокой ночью мне позвонил из Югославии главный арбитр матча С. Глигорич и сказал, что Ф. Кампоманес хочет узнать реакцию Г. Каспарова на предложение А. Карпова возобновить

матч. Нам стало ясно, что в случае согласия возникнет желанный длительный перерыв, так как судьи и тренеры разъехались по домам, и поэтому организация второй половины матча потребовала бы столько времени, сколько было бы необходимо А. Карпову. Именно поэтому и было принято решение сделать следующее заявление…

Такова фактическая картина событий того времени. Акцент в тексте А. Карпова на слове «согласился» по отношению к Г. Каспарову нелеп, потому что 15 февраля 1985 года А. Карпов собственноручно подписал решение президента ФИДЕ о прекращении матча, а Г. Каспаров не сделал этого… И мне пришлось приложить немало усилий, чтобы Г. Каспаров признал сложившуюся ситуацию и подчинился решению — ведь играть было бы не с кем».

Пора, однако, вернуться в зал, где проходит пресс-конференция. Спустя полтора часа Кампоманес, наконец, объявил окончательное решение.

Кампоманес: Это не просто соломонова дилемма, над ней еще и гордиев узел. Чемпион мира согласен с решением президента, а претендент подчиняется решению президента. В ходе встречи я признал правоту чемпиона мира, который настаивал, что заслуживает — и имеет право — на матч-реванш после нового матча. Я признал также настойчивое желание претендента, чтобы условия будущего матча были полностью определены, поскольку он считает, что оставить их в воздухе до решений конгресса ФИДЕ в августе или сентябре — дело не самое подходящее для него. Конгресс ФИДЕ состоится в Граце (Австрия) и закончится прежде, чем матч начнется. Может быть, в день начала матча. Я обязался перед обоими участниками сообщить конгрессу и, добавляю от себя, не только конгрессу, но и руководству всех 122 федераций, входящих в ФИДЕ, что, согласившись с этим решением (что касается чемпиона мира) и подчинившись ему (что касается претендента), они полностью высказали все, что думают по этому вопросу. Благодарю за внимание.

Спустившись вслед за этим в фойе, я в ответ на просьбы нескольких репортеров прокомментировать решение президента, сделал заявление:

— Очевидно, что ФИДЕ показала полную неспособность справиться с проблемами такого соревнования, как матч на первенство мира. Вместо того чтобы позаботиться об организации цикла, руководители ФИДЕ разглагольствуют о популяризации шахмат. Если вы помните, нынешняя ситуация — далеко не первая трудность в этом цикле. Полуфинальные матчи претендентов тоже были сорваны, и только чудо помогло вернуть

цикл в нормальную колею. Однако вместо двухлетнего цикла, о котором говорил президент ФИДЕ, сейчас получился четырехлетний, поскольку матч на звание чемпиона мира откладывается на конец 1985 года. Чемпион сохраняет свое звание, но почему сохраняется это статус-кво — непонятно. Более того, чемпион требует матч-реванша, и опять непонятно, на основании чего.

Я не знаю, искренне ли он говорил о своем желании играть, но мне все это напоминает хорошо отрепетированный спектакль, в котором каждый знает свою роль. Я неоднократно говорил, что хочу играть, готов продолжать матч, что абсолютно здоров и т. п. В течение двух последних недель меня пытались убедить в обратном и под самыми разными предлогами уговаривали закончить матч. Многие из вас, наверное, знают о тех предложениях, которые делались еще при счете 5:2 и 5:3. А «технические» тайм-ауты и тайм-аут президента, которые брались, и, наконец, прерывание матча? Думаю, те, кто может логически осмысливать события, поймут, что же произошло в матче и почему он завершился в таких странных условиях.

Такое окончание матча не может принять шахматный мир. Такое развитие событий не должно повторяться впредь. Из правил матча должно быть исключено право президента решать судьбу поединка. В конце концов, зачем нам сражаться, если в любой момент президент может принять решение? Ссылка на то, что матч затянулся, абсурдна, поскольку при счете 5:1 после 46 партий он затянулся точно так же, но ни у кого почему-то не возникало вопроса о психологическом состоянии игроков. Такая «тревога» возникла при счете 5:2, а тем более при счете 5:3. Я думаю, вам все понятно. Я закончил и еще раз повторяю, что абсолютно здоров и готов играть.

…Я вернулся домой в Баку. Много размышляя об этой драматической развязке, я решил дать свой собственный анализ происшедших событий. Закончил его 15 марта — ровно через месяц после пресс-конференции. И сейчас, оглядываясь на события четырехлетней давности, я бы не изменил в нем ни единого слова. Представляю его вам сейчас в том виде, в каком он был написан. В своем анализе я исходил из того, что, оценивая принятое тогда решение, следует руководствоваться бессмертным вопросом Цицерона: «Cui bono?» — «В чьих интересах?»

«15 февраля президент ФИДЕ Ф.Кампоманес объявил о прекращении матча на первенство мира по шахматам «без окончательного результата». По словам президента, новый матч начнется в сентябре со счета 0:0. По существу, матч, продолжавшийся более пяти месяцев, оказался аннулированным.

Естественно, что столь беспрецедентное решение, идущее вразрез со всеми нормами проведения шахматных соревнований, вызвало бурную реакцию шахматного мира и породило немало слухов и кривотолков. Повисли в воздухе очень и очень многие вопросы, связанные как с прекращением этого матча, так и с организацией нового. Любители шахмат, специалисты пребывают в неведении, хотя имеющиеся официальные документы и факты, а также развернувшиеся после матча события дают возможность понять, где и как решалась судьба матча.

Вот как вкратце описал матчевую ситуацию, предшествующую 15 февраля, А. Карпов (интервью ТАСС от 3 марта): «Уже после 30 партий стали высказываться мнения, что матч неимоверно затянулся, что все — судьи, организаторы, зрители — устали, здоровье участников находится под угрозой и что следует как-то решить эту проблему…» Итак, мы узнаем, что еще в начале декабря (после 30 партий) «стали высказываться мнения». Но кем и где? (Между прочим, обратите внимание на странную мешанину: судьи, организаторы, зрители, участники!) Во всяком случае, мне впервые сообщили об идее досрочного завершения матча 1 февраля, то есть после 47-й партии, когда счет стал 5:2.

Роль посредников между участниками матча попытались сыграть тогда главный судья гроссмейстер Глигорич и председатель апелляционного комитета Кинцель. Но их «миротворческая» миссия потерпела неудачу. Именно в те дни начала усиленно распространяться мысль о неудовлетворительном состоянии здоровья обоих участников и стала выражаться забота о двух ведущих шахматистах. Со своей стороны, с 1 февраля вплоть до самого закрытия матча я неоднократно заявлял всем официальным лицам матча, что чувствую себя нормально и считаю необходимым продолжать игру. Задним числом признает обязательность продолжения матча и сам Карпов (там же): «…регламент матча — а это закон спортивного соревнования — не предусматривал никакого иного выхода, кроме продолжения игры». Здесь уместно сослаться на пункт 6.32 «Правил матча на первенство мира»:

> *«Матч продолжается до тех пор, пока в нем не одержана победа согласно положениям пункта 6.21 или он не прекращен на условиях, пункта 6.22*». Для ясности обратимся и к этим пунктам: *«6.21. Игрок, который выиграл шесть партий, является победителем матча на первенство мира. Ничьи не засчитываются. Число партий, которые могут быть сыграны, не ограничивается; 6.22.*

Если игрок прекращает участвовать в матче или апелляционный комитет присуждает ему поражение в матче, матч заканчивается. Партнер этого игрока объявляется чемпионом мира».

В этом свете ссылка президента ФИДЕ на неограниченные полномочия, якобы предоставляемые ему пунктом 6.11 (*«Президент ФИДЕ представляет интересы ФИДЕ и наделен полномочиями принимать окончательные решения по всем вопросам, относящимся к матчу в целом. Осуществляя контроль за матчем, президент совещается и находится в постоянном контакте с арбитрами и организаторами…»*(, выглядит по меньшей мере странной. Так как пункт 6.32 четко регламентирует возможные способы окончания матча, любое отклонение от него является недопустимым нарушением правил. Получается абсурд — используя один пункт правил президент пытается аннулировать другой пункт тех же правил! Увы, журналисты плохо знакомы с этими тонкостями, поэтому слова Кампоманеса на пресс-конференции «Право ясно» не вызвали, никакой реакции.

Но было бы наивно предполагать, что сам Кампоманес, всегда требовавший неукоснительного соблюдения правил, не сознает незаконности своего шага. Что же заставило президента ФИДЕ пойти на крайние меры? Попытаемся самостоятельно проанализировать ситуацию и выявить эти причины, так как вряд ли мы когда-нибудь узнаем всю подноготную переговоров, которые велись с 1 по 15 февраля (напомню: за эти дни была сыграна лишь одна партия!).

Документ, который может пролить некоторый свет, — это письмо председателя Шахматной федерации СССР В. И. Севастьянова президенту ФИДЕ от 13 февраля. В письме от имени Шахматной федерации СССР выражается тревога за состояние здоровья участников и предлагается объявить на матче трехмесячный перерыв. Просьба обосновывается тем, что такое решение не противоречит регламенту матча и Уставу ФИДЕ. Это указание совершенно справедливо, но лишь по причине отсутствия всякого упоминания об этом в регламенте и Уставе! («А можно ли во время матча слетать на Луну? — спросил Ботвинник, ознакомившись с письмом. — Ведь и это не противоречит регламенту».) В качестве основного аргумента приводится ссылка на соглашение о безлимитном матче Фишер — Карпов 1976 года, где предусматривался перерыв после четырех месяцев игры (к слову сказать, четыре месяца истекли у нас 10 января), Поясню: речь идет не о несостоявшемся в 1975

году матче на первенство мира, а о неофициальном коммерческом состязании, которое пытался устроить все тот же Кампоманес. Нелишне добавить, что в своих интервью того периода и в книге «В далеком Багио» Карпов отрицал наличие какого-либо конкретного соглашения о матче.

Немаловажную информацию дают и некоторые ответы Кампоманеса на пресс-конференции, Например: «Я покинул Карпова буквально за 25 минут до прихода сюда». То есть закулисные переговоры за спиной одного из участников продолжались до самого последнего момента. Еще интереснее другая фраза: «Если бы вы были со мной в течение последнего часа, вы бы тогда все поняли». Таким образом, по мнению Кампоманеса, разгадка лежит в позиции, занятой в этом вопросе Карповым. Как же отнесся к возможности прекращения матча Карпов?

До 15 февраля Карпов не высказывал открыто своего мнения. Однако на пресс-конференции после объявления президентом своего решения Карпов заявил о несогласии и потребовал продолжения матча. В свою очередь, я также выступил с подтверждением готовности играть дальше. Такое единодушное желание должно было явиться неожиданным для Кампоманеса, так как в своем первоначальном заявлении он упомянул, что «согласны оба участника»… Именно в этот момент сам Карпов предложил объявить перерыв «для принятия окончательного решения». Хотя, следуя здравому смыслу, чего же здесь решать: оба участника говорят, что хотят и готовы играть. Однако совещание с участием официальных лиц ФИДЕ и представителей Шахматной федерации СССР свелось к тому, чтобы уговорить меня присоединиться к позиции президента, в то время как Карпов только требовал, чтобы ему оставили право на матч-реванш, если он проиграет сентябрьский матч.

Именно на этом неподготовленном совещании мне со всей очевидностью стало ясно, что вопрос фактически решен без меня, что мое личное желание играть не имеет никакого значения. Я оказался в одиночестве: Кампоманес, представители Шахматной федерации СССР, сам Карпов знали о том, что матч должен быть закрыт, и только условия его закрытия да моя «строптивость» заставили их придать вопросу характер обсуждения. И при объявлении своего «окончательного решения» президент особо отметил мнения участников: «Карпов — согласился, Каспаров — подчинился». Более четкого разграничения позиций придумать трудно — один участник встает на сторону президента, а другой, оставшись без соперника, вынужден смириться с таким положением. Здесь можно было бы поставить точку, однако

последующие выступления Карпова показали, что он, несмотря на свое согласие с решением президента, занял далеко не однозначную позицию.

Показательно в этом плане открытое письмо Карпова Кампоманесу от 19 февраля 1985 года, где он призывает президента ФИДЕ как можно скорее возобновить матч. Стоит обратить внимание, как Карпов аргументирует свою точку зрения: «Вы, несомненно, действовали в интересах шахмат, но я глубоко убежден, что сложившаяся ситуация нанесла вред шахматам, не говоря уже о моей спортивной и общественной репутации, которая в течение многих лет считалась безупречной…» Ссылается Карпов и на желание участников «продолжать борьбу до окончательного результата, определяемого правилами матча, утвержденными конгрессом ФИДЕ» (столь туманную формулировку можно было бы заменить ссылкой на пункт 6.32). Но тут же мы читаем: «Для меня лично продолжение борьбы было бы необходимо, чтобы доказать еще раз мою преданность принципам спортивного соревнования на шахматной доске…» Кажется, ущерб, нанесенный его репутации, волнует Карпова гораздо больше, чем явное нарушение правил — факт, который он всячески старается обойти. Любопытно и то, что, несмотря на несогласие с Кампоманесом, Карпов, как и президент ФИДЕ, подкрепляет свою позицию ссылкой на «интересы шахмат»…

Карпов напоминает, что Советская шахматная федерация просила не об окончании матча, а только о перерыве для отдыха всех участвующих лиц (то есть: «Вы не то сделали, г-н президент!»).

В целом письмо Карпова — очевидная попытка повлиять на неблагоприятно для него складывающееся общественное мнение. Вряд ли он серьезно думал о возобновлении матча. Ведь Кампоманес, отменив свое «окончательное решение», полностью скомпрометировал бы себя в глазах шахматного мира. Хотя и в таком маловероятном случае Карпов оставался в выигрыше: он получал несколько недель передышки (а не один-два «технических» тайм-аута).

Особый интерес вызывает в письме Карпова первая фраза: «В продолжение наших бесед во время Вашего последнего визита в Москву…» На ум сразу приходят слова Кампоманеса на пресс-конференции: «Если бы вы были со мною в течение последнего часа…» Так о чем не сумели (или сумели) договориться Карпов и Кампоманес в канун пресс-конференции 15 февраля? Об этом остается только догадываться…

В уже упомянутом интервью Карпова ТАСС от 3 марта дана несколько иная оценка действий президента: «… решение от 15

февраля принималось в обстановке поспешности, и некоторые важные детали остались непродуманными». Действительно, следы поспешности легко обнаружить, сравнив, например, два следующих высказывания Кампоманеса на пресс-конференции: «Уже исчерпаны физические, а может быть, и психологические ресурсы не только самих участников, но и всех тех, кто имеет отношение к матчу» и «И мне подумалось, что надо остановиться и решить судьбу соревнования, которое могло бы продолжаться еще неограниченное время» (процитировано по ТАСС). А как быть с логикой?

Поспешность, впрочем, легко объясняется: 48 партий показались Кампоманесу очень удобным рубежом для прекращения матча (24 + 24, или два матча по старым правилам). На пресс-конференции он часто приводил этот, с позволения сказать, «аргумент». А непродуманность скорее всего заключается в том, что закрытие матча прошло не по сценарию Карпова.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на выступление Карпова на пресс-конференции. Вот в какой форме он выразил несогласие с решением президента: «Мы должны продолжать этот матч, потому что предложение прекратить его и начать на равных условиях меня не устраивает». Логично предположить, что в переговорах Карпова и Кампоманеса фигурировал другой вариант закрытия матча, предоставлявший Карпову преимущества (например, объявление его победителем, возобновление матча после перерыва при счете 5:3 и т. п.). Но перед лицом мировой прессы Кампоманес, по всей видимости, не решился удовлетворить подобного рода требования Карпова и принял решение, главное достоинство которого, по словам президента, заключается в том, что «оно одинаково не устраивает обоих участников матча». Но вспомните — «Карпов согласился».

Чем же объяснить такое противоречие? Эта задача решается легко, если предположить, что Карпов и не думал менять свою точку зрения: просто в тот момент немедленное прекращение матча представлялось ему более важным, чем потеря определенных привилегий. В конце концов, ликвидировав непосредственную опасность, угрожавшую при продолжении матча, можно было надеяться вернуть утраченное на поприще интриг. Благо до начала нового матча еще полгода… А придя к такому выводу, нельзя не провести параллель между мнимой непоследовательностью Карпова и после-матчевыми высказываниями Кампоманеса, Глигорича и Кинцеля, в которых нарочито подчеркнуто демонстрируется усиленная забота о состоянии здоровья игроков. Однако для беспокойства о моем здоровье не было никаких оснований.

Подытожив все сказанное, можно со всей определенностью утверждать: насильственное прекращение матча целиком совпадало с желанием Карпова.

Прекрасно сознавая, в каком уязвимом положении он находится, Карпов сейчас всячески старается афишировать несогласие с Кампоманесом. Однако в своей критике он старательно обходит все скользкие места, делая основной упор на «ущемлении» собственных интересов.

Что касается моей позиции, то она всегда была простой — все спорные вопросы надо решать за шахматной доской. В своем письме Кампоманесу Карпов справедливо заметил: «… он [Каспаров] недоволен тем, что у него *умышленно* (выделено мною. — *Г. К.*) отняли право бороться за высший титул». Яснее не скажешь…

Невольно напрашиваются некоторые аналогии из истории шахмат. Ровно десять лет назад, когда шахматный мир сотрясали распри по поводу матча на первенство мира между Фишером и Карповым, Советская шахматная федерация со всей решительностью требовала равных прав для чемпиона и претендента. Вот дословные выдержки из заявления от 13 марта 1975 года: «Шахматная федерация СССР вынуждена вновь обратить внимание мировой спортивной общественности на крайне нездоровую обстановку, которая складывается вокруг предстоящего матча на первенство мира. Создается впечатление, что соискателя высшего шахматного титула, кстати, обладателя золотых «Оскаров» двух последних лет весьма продуманно хотят заранее поставить в унизительное положение, отвести ему роль статиста, заставить покорно выполнять все прихоти чемпиона мира. Налицо, таким образом, эскалация диктата, попрание элементарных правил уважения соперника, добрых спортивных традиций… *Нельзя подменять закон игрой в поддавки. Нельзя придавать самой ФИДЕ характер флюгера. Факты нарушения законности в проведении матча на первенство мира основательно подорвали авторитет ФИДЕ, и, хотят или не хотят того президент (М. Эйве) и другие ее руководители, их способности руководить федерацией вызывают обоснованные сомнения* (выделено мною. — *Г.К.*)… Всю ответственность за последствия таких действий будут нести те, кто потворствует превращению спортивных соревнований в беспринципные сделки». Многое из сказанного представляет сегодня не только исторический интерес.

Сейчас шахматный мир находится в сложнейшей ситуации. Волевое решение президента ФИДЕ, фактически перечеркнувшее независимость шахматных соревнований от внешних факторов,

вызвало повсеместно широкое возмущение. Отмечает это и Карпов: «Я уверен, что миллионы любителей шахмат неудовлетворены тем фактом, что спортивное состязание осталось неоконченным». Действительно, шахматный мир, по существу, оказался обманут в своих ожиданиях. Поэтому, перед тем как идти дальше, мне кажется, следует дать принципиальную оценку случившемуся. Это нужно для того, чтобы раз и навсегда пресечь возможность возникновения подобных конфликтов в будущем. Шахматный мир может решительными действиями сорвать планы закулисных интриганов, которые с недавних пор стали чувствовать себя безнаказанными.

Хочется верить, что подлинные интересы шахмат в конечном счете возьмут верх над корыстными интересами тех, кто хотел бы превратить шахматы в развлекательное шоу, иногда подогреваемое грандиозными скандалами. Шахматы всегда с честью выходили из тяжелейших испытаний, и пусть вечная шахматная правда восторжествует и на сей раз!»

Это была тщетная надежда. Как в любой войне, первой жертвой стала правда.

Тринадцатый

Все, происшедшее на пресс-конференции, было широко освещено западными средствами массовой информации. Всех интересовало, как отреагируют советские власти на мои открытые суждения о Кампоманесе. Для них было немыслимым, чтобы советский гражданин посмел публично выразить свое несогласие и не был при этом наказан. Московский корреспондент «Times» сказал: «Для большинства советских общественных деятелей подобные действия означали бы политическую и профессиональную гибель». Он полагал, что «претендент сознательно пошел на риск, считая, что положение звезды защитит его от гнева официальных органов». И пришел к заключению, что мое поведение стерпели именно поэтому. «Несмотря на страшное замешательство и недовольство советских официальных лиц по поводу резкого выступления Гарри Каспарова, шахматные эксперты полагают, что вряд ли его будут преследовать или наказывать». Я в этом не был уверен.

У нас мало кто понимал, что же произошло в действительности, так как советская пресса сообщила только о самом решении президента прекратить матч. Любителям шахмат могло даже показаться, что такое решение принято в ущерб интересам Карпова: ведь он выигрывал со счетом 5:3. Карпов сам подкрепил убедительность такой версии, написав открытое письмо Кампоманесу с требованием возобновить матч. Отсутствие достоверной информации позволяло спортивному руководству рассчитывать, что скандал будет вскорости забыт и это избавит его от необходимости принимать решение.

Тем временем я ждал в Баку завершения всей этой истории. Но ничего не произошло. Я понимал, что власти не могут спокойно воспринять мой публичный бунт и постараются отомстить. Я не знал только, в какой форме это будет сделано, к чему приведет, а уж тем более — когда ожидать удара. «Если Каспаров хочет, чтобы все закончилось для него благополучно, если он хочет уцелеть и процветать, ему нужно хорошо играть», — предупреждала «Times».

Обозреватели вспоминали, что в 1974 году Корчной был сурово наказан за гораздо меньшие прегрешения (исключен из сборной страны, лишен стипендии да еще ошельмован в газетах). Какое-то время он не мог выезжать на зарубежные соревнования. В 1976-м нечто подобное произошло и с моим тренером Никитиным, который осмелился покритиковать действия Карпова. Десять лет назад это воспринималось как оскорбление

Его Величества. Насколько продвинулось наше общество с тех пор?

Мне придавала силы поддержка моих земляков. Бакинцы понимали, что меня обманули. Это понимали не только они — сразу после прекращения матча мне начали писать со всей страны. Несмотря на моральную поддержку, я был далек от оптимизма. Было очевидно, что Карпов уже знал, какую угрозу я представляю его титулу и связанному с ним общественному положению. Он лучше своих советчиков понимал, что мое возрождение в матче не было всего лишь следствием его физического истощения, скорее, наоборот: его упадок сил был связан с улучшением моей игры. Поэтому я имел основания считать, что Карпов постарается вообще избежать нового матча. Этого он мог достичь, спровоцировав ситуацию, которая вынудила бы меня отказаться от матча, — например, устроив какие-нибудь споры по поводу правил, где он сможет рассчитывать на поддержку своего друга Кампоманеса и Советской федерации. По здравому размышлению, я пришел к выводу, что за шахматной доской я могу победить Карпова, но Кампоманеса мне не одолеть. Тут нужна была не сила, а власть. Это пугало.

Моей единственной надеждой была гласность. Именно публичное выступление на пресс-конференции сделало мою борьбу открытой и вывело ее на первые страницы газет почти во всех странах мира (кроме, понятно, нашей). Но такие возможности дважды не повторяются: ведь дали мне в руки микрофон как раз мои противники! По иронии судьбы, кто-то из карповского окружения первым крикнул: «Пусть Каспаров скажет», и сидевший в президиуме Карпов сказал Кампоманесу: «Думаю, нам следует пригласить Каспарова сюда». После чего президент уже сам предложил: «Гарри, вы не хотите пройти сюда и выступить?». Они, конечно, сделали выводы из своей ошибки, и в будущем я не рассчитывал на подобную учтивость с их стороны.

Между тем Кампоманес не сидел сложа руки. Он промчался по шахматным федерациям испаноязычных стран и США, чтобы исправить то, что он назвал «полным искажением фактов» и «образцом дезинформации» об окончании матча в Москве. Он заявил, что ему «удалось переубедить людей, занимавших критическую позицию, потому что их выводы основывались на ложной информации». Кампоманес даже утверждал, что его собственная версия событий, клеймящая «исказителей истины и клеветников», неизменно вызывала бурю аплодисментов. Это так подействовало на впечатлительную натуру президента, что он всерьез намеревался увековечить свое решение в качестве

«лучшего из всех, какие он когда-либо принимал». Правда, не всех это убедило. Так, после выступления Кампоманеса в Лондоне Кин отметил: «Он исходит из спорной предпосылки, что «решение» было вообще необходимо. На самом деле в нем не было необходимости, ибо матч проходил в соответствии с правилами и должен был идти своим путем». Вот именно.

К концу апреля должны были поступить заявки на проведение сентябрьского матча. Мощная заявка на один миллион швейцарских франков из Марселя и другая, поскромнее, из Лондона пришли в люцернскую штаб-квартиру ФИДЕ перед самым истечением контрольного срока. Исполком ФИДЕ, собравшийся в Тунисе, предложил участникам на выбор пять вариантов: Франция; Франция — СССР; Франция — Англия; СССР; Франция — СССР — Англия.

Карпов предпочел Москву. Я сказал, что буду рад играть в Советском Союзе, но только не в Москве, поскольку это сразу же даст Карпову преимущество. Я выбрал Ленинград и послал свое предложение в Советскую шахматную федерацию и в ФИДЕ. Однако и там, и там оно всерьез даже не рассматривалось.

Задавать вопросы было бессмысленно: раз Карпов хотел играть в Москве, речь о Ленинграде и не заходила. Карпов сказал: «Только Москва», поэтому и наша федерация сказала «Москва», поэтому и Кампоманес сказал «Москва» — даже вопреки мнению своего исполкома.

Я думаю, что Москву выбрали еще и потому, что здесь возникло бы меньше всего проблем, если бы потом обнаружилось, что матча вообще не будет. В этом случае не было риска выплаты еще одной компенсации, как это пришлось сделать по требованию Пасадены в 1983 году. Ну, а если матч все-таки состоится, то ведь гораздо легче управлять им в Москве, чем в любом другом месте.

Я был раздосадован, но отнюдь не удивлен таким решением. Оно было лишь звеном в цепи акций, предпринятых с целью вывести меня из равновесия. Я высказал свое недовольство, но не в форме отказа от матча — должен же я был где-то сесть играть с Карповым! Можно было одолеть его и в Москве — трудно, но можно.

К тому времени я был уже более опытным относительно истинного положения игроков и статуса матча. Я считал, что после того как матч в Москве был прерван, чемпиона мира как такового нет (то есть звание никому не принадлежит, как это было в 1946–1948 годах после смерти Алехина). Таким образом, в сентябрьском матче чемпион 1975–1984 годов будет играть с победителем претендентского цикла 1982–1984 годов за право называться чемпионом мира. А говорить, что Карпов все еще

чемпион — значило признать, что он сохранил свой титул, тогда как в действительности, даже по словам Кампоманеса, матч закончился «без выявления результата». Этот вопрос был далеко не праздным и уж никак не вопросом самолюбия. Он имел и чисто практическое значение. Скажем, новый матч (лимитный) заканчивается вничью. Если Карпова уже считают чемпионом, то в этом случае он сохранит свой титул, как это сделал Ботвинник после ничейных матчей с Бронштейном в 1951 году и со Смысловым — в 1954-м. Другими словами, Карпову надо будет в 24 партиях набрать 12 очков, в то время как мне 12,5. Мое предложение было таким: в случае ничейного исхода матча мы играем еще шесть партий. Если и тогда счет останется равным — что ж, тогда я признаю, что Карпов *завоевал* титул чемпиона мира (но не сохранил!).

Не менее спорным был вопрос о матч-реванше. Если Карпова продолжать считать чемпионом мира, то в случае проигрыша он сможет требовать матч-реванша. Я был против реванша, считая, что 72 партий вполне достаточно для определения сильнейшего. Коль скоро Кампоманес и наши шахматные руководители выражали столь трогательную заботу о здоровье игроков, я полагал, что и они не осмелятся настаивать на новом изнурительном состязании. Но это была иллюзия.

Еще пару недель после 15 февраля было не ясно, является ли Карпов чемпионом или нет (правда, у самого Анатолия Евгеньевича сомнений на этот счет не было, и письмо Кампоманесу от 19 февраля он подписал так: «Анатолий Карпов, чемпион мира»). Советская пресса писала о нас просто как о двух гроссмейстерах. Но в марте ситуация изменилась. Сначала я выступил с интервью, в котором тщательно следил за тем, чтобы не дать моим недругам ни малейшего повода для провокаций. Затем дал интервью Карпов, и все встало на свои места: он продолжал считать себя чемпионом и утверждал, будто только он действительно хотел продолжения нашего матча.

Я начал испытывать странное чувство: Карпов говорил с такой уверенностью, что, даже зная правду, впору было усомниться. Мне стало ясно, что *АнатолийчемпионмираКарпов* имеет про запас немало сюрпризов. Он не расстанется так легко со своим титулом — конечно, не без помощи своих покровителей. Карпов уже пришел в себя, и это вернуло им былую решительность.

Первая крупная проблема возникла по поводу присуждения «Оскара» за 1984 год. Это был важный момент для нас обоих, поскольку результат должен был отразить мнение журналистов всего мира о нашем матче. Одни утверждали, что приз должен

получить Карпов, так как к концу года, за который присуждался «Оскар», он вел со счетом 5:1. Другие с этим не соглашались: матч остался незавершенным — чего же тогда считать очки? Кроме того, морально Карпов проиграл. Что же касается решения Кампоманеса прекратить матч, то оно не было признано во многих странах, включая Великобританию и Югославию, ФРГ и США… И тут журналисты имели возможность выразить свой протест против поведения Кампоманеса.

Голосование проводилось уже после прекращения матча, поэтому у журналистов могло сложиться свое собственное мнение относительно того, как развивались бы события, не вмешайся в дело Кампоманес. Предположим, я выиграл бы со счетом 6:5. Стал бы кто-нибудь игнорировать этот факт и исходить только из того, что к концу года Карпов вел со счетом 5:1? Было ясно, что журналистам придется учитывать все обстоятельства вплоть до 15 февраля (даже если формально они и не должны этого делать).

Если сам матч прекращен «без выявления результата», то в остальном наши притязания на «Оскара» были примерно равны: Карпов выиграл два турнира, а я победил Смыслова в финальном матче претендентов (в 1983 году я завоевал приз после матча с Корчным). Учитывая столь необычные обстоятельства, я предложил или не присуждать в этом году «Оскара» вообще, или нам обоим выйти из обсуждаемого списка, ибо вопрос о сильнейшем шахматисте планеты еще только предстоит решить.

Тем временем Кампоманес все еще колесил по миру, стараясь оправдать свое решение. Если бы «Оскар» присудили мне, это явилось бы тяжелым ударом по его престижу, так как означало бы, что шахматный мир принял мою версию событий и видит во мне жертву его произвола.

Руководство Шахматной федерации Испании было откровенно прокамповским, а возглавлял ее один из приближенных президента Роман Торан. Поэтому и Кампоманес, и Карпов оказались приглашены в Испанию 21 апреля: как раз за три дня до подсчета голосов.

В том году в систему присуждения «Оскара» неожиданно были введены два новшества. Право голоса получили исполком и центральный комитет ФИДЕ. В последний момент право принять участие в голосовании было предоставлено также большой группе журналистов из малых шахматных стран. Когда конверты были вскрыты, выяснилось, что Карпов опередил меня всего лишь на 30 очков: 1390 против 1360 (первое место в каждом списке давало 15 очков, второе — 12, третье — 10 и т. д.). Нет сомнения в том, что, не будь изменений в правилах, результат был бы иным. Красноречив и тот факт, что новоиспеченные группы, получившие

на этот раз право голоса, и не подумали воспользоваться им на следующий год. Отметим еще одну деталь: церемония награждения была показана по советскому телевидению, что придало победе Карпова официальную значимость.

У меня появилось тяжелое предчувствие, что новый матч может не состояться вообще. Некоторые спортивные деятели уже откровенно говорили мне: «Нам нужен чемпион мира. Но такой, который был бы предметом всенародной гордости!» «Вам нужен чемпион мира или чемпион мира Карпов?» — спрашивал я.

Я был полон решимости не допустить кризиса, который помешал бы мне сыграть матч. В то же время я должен был заявить миру обо всем происходящем, чтобы впредь мои враги знали, что я не беспомощен и что все их неправедные дела будут преданы гласности.

Готовясь к поединку с Карповым, я решил провести два матча за рубежом, причем соперники и место для игры были тщательно выбраны с прицелом на будущий матч. Мне предстояло играть с западногерманским гроссмейстером Робертом Хюбнером в Гамбурге и шведским гроссмейстером Ульфом Андерссоном в Белграде. Я считал, что ФРГ и Югославия — идеальные места с точки зрения общественного интереса, ибо роль немца Кинцеля и югослава Глигорича в деле закрытия матча в Москве стала после моей критики предметом бурной полемики в их странах.

Оба, и председатель апелляционного комитета Кинцель и главный арбитр Глигорич, помогли Кампоманесу в его попытке переписать историю, послав свои личные сообщения в ФИДЕ, которые затем были распространены по всему миру. В обоих сообщениях была повторена ложь о том, что матч прекращен «в соответствии с пожеланиями Каспарова». Весь мир знал, что матч закончился фарсом. Только горстка людей, близких к ФИДЕ, пыталась защищать решение президента.

Можно понять мои чувства, когда Кампоманес выдвинул обе эти кандидатуры в качестве официальных представителей на сентябрьский матч и именно в тот момент, когда они были заняты публичной перебранкой с одним из его участников. Глигорич так и не осознал, что являлся частью диктаторского механизма Кампоманеса. Он даже написал мне: «После таких выпадов с Вашей стороны я перестал воспринимать всерьез все, что бы Вы ни говорили». Как бы мог такой человек быть нейтральным арбитром и как мог Кампоманес избрать его на эту роль? Это была явная провокация.

В довершение ко всему не была соблюдена положенная процедура. По возможности в арбитры нужно выбирать того, кто пользуется авторитетом у обеих сторон. В данном случае было

одно имя, присутствовавшее и в списке Карпова, и в моем: Лотар Шмид из ФРГ. Но Кампоманес грубо проигнорировал этот факт и вместо Шмида выбрал Кинцеля и Глигорича. Таким вот демонстративным образом он выразил им благодарность за поддержку своего решения от 15 февраля. Проблема с главным арбитром оставалась открытой в течение всего лета, поглощая у меня энергию, столь необходимую для подготовки к матчу.

В конце концов разрядил ситуацию сам Глигорич: он снял свою кандидатуру, как явствовало из заявления президента Югославской шахматной федерации, сделанного им 25 июля в Белграде. Тем не менее 6 августа генеральный секретарь ФИДЕ Лим Кок Анн официально объявил, что главным арбитром будет Глигорич. И лишь 19 августа, то есть почти месяц спустя после отказа Глигорича, Кампоманес, наконец, обратился к Шмиду. В этот момент — и Кампоманес это прекрасно знал! — Шмид не мог принять предложение, потому что уже был связан деловыми обязательствами. Официальное приглашение последовало слишком поздно. Кампоманес попросту вывел его из игры.

Затем списки арбитров стали появляться как грибы после дождя. В итоге Кампоманес применил еще одну «новинку» в матчах на первенство мира — назначил сразу двух главных арбитров! На сцену попеременно выходили болгарский арбитр А.Малчев и советский арбитр В.Микенас, но в чем был смысл этой «реформы», так и осталось неясным. Во всяком случае, налицо было еще одно нарушение правил, для чего президенту вновь пришлось прибегнуть к своим чрезвычайным полномочиям (в им самим созданной чрезвычайной ситуации). Это лишь один пример того, как простые организационные вопросы раздувались до трудноразрешимых проблем.

Я направил послание конгрессу ФИДЕ в Граце с жалобой на Кампоманеса: «Он постоянно нарушает моральные принципы и существующие правила. Я ответил на все письма президента, но мои ответы таинственным образом исчезали. Не странно ли это? То, что он игнорирует все мои просьбы, ставит меня в неравные условия. Однако я, в отличие от президента, служу высшим интересам шахмат и чувствую себя обязанным играть даже в таких условиях. Надеюсь все же, что судьба звания чемпиона мира на этот раз будет решена за шахматной доской».

Но это письмо было написано уже после того, как самое страшное предматчевое испытание осталось позади.

В мае, выиграв в Гамбурге матч у Хюбнера со счетом 4,5:1,5 (три победы при трех ничьих), я дал интервью западногерманскому журналу «Spiegel». В интервью я решил рассказать обо всем: о роли Кампоманеса и Карпова в

скандальном закрытии первого матча, о последовавших затем интригах, о кампании, развернутой против меня в преддверии нового матча… Интервью было единственной возможностью все открыть миру и тем самым пресечь попытки сорвать сентябрьский матч.

Затем я отправился в Белград, где победил Андерссона (выиграв две партии при четырех ничьих) и сделал достоянием общественности свою полемику с Глигоричем в открытом письме, опубликованном в белградской газете «Политика» без всяких сокращений.

Помимо этих двух выступлений в зарубежной печати я изложил свою позицию также в посланиях в ФИДЕ, причем не согласовав этого заранее с Шахматной федерацией СССР. Я чувствовал, что выбора нет! В советской прессе мне не оказывалось никакой поддержки. Единственную поддержку я получил от живущего во Франции Спасского. В интервью голландскому журналу «New in Chess» он сказал: «После того как Карпов согласился с решением Кампо прервать матч, что само по себе было невероятно, он оказался в исключительно неприятном положении. Он один не предвидел, что в создавшейся ситуации ему прежде всего следовало подумать о своем престиже. Карпову фатально не повезло — но в этом виноват только он сам. Что касается Кампо, то своим решением… он фактически уничтожил Карпова».

Я, однако, подозревал, что Карпов далеко не «уничтожен». Мое интервью в «Spiegel» предоставило ему и его покровителям как раз то, на что они очень рассчитывали. Само интервью им, конечно, понравиться не могло, но оно дало им повод, чтобы попытаться дисквалифицировать меня. Я не поддался на их провокации, когда речь шла о выборе места проведения матча, о выборе главного арбитра, о присуждении «Оскара». Но на этот раз они, должно быть, решили, что я зашел слишком далеко и сам себя приговорил. Однако все, что я сказал, было правдой. Меня могли обвинить в нападках на свою федерацию, но я выступал не против Советской шахматной федерации, а против Карповской шахматной федерации.

Видимо, Карпов посчитал, что моя песенка спета, потому что в июле в интервью белградской газете «Спорт» он без обиняков заявил, что на шахматном Олимпе никаких изменений не произойдет. Обычно осторожный, даже уклончивый в ответах, Карпов на этот раз высказался столь категорично, что могло показаться, будто новый матч для него лишь пустая формальность. А может, ему было ведомо нечто такое, что должно было гарантировать неприкосновенность его

чемпионского титула?

Очевидно, у него и впрямь были основания считать, что выступление в «Spiegel» свело на нет мои шансы оспаривать у него чемпионский титул. В известной мере он был прав: на 9 августа, за три недели до начала матча, было назначено специальное заседание Шахматной федерации СССР, на котором должно было разбираться мое «антигосударственное» поведение. Вполне вероятным наказанием была дисквалификация, и Карпов знал об этом.

Впрочем, для меня это тоже не было тайной. Я обратился к руководству своей республики, и оно без колебаний согласилось помочь. Но вскоре выяснилось, что на сей раз необходима более мощная политическая поддержка, чем раньше. К счастью, после Апрельского пленума ЦК партии к руководству пришли новые люди. Мы обратились к А. Н. Яковлеву, заменившему в тот момент Стукалина на посту заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС.

Когда Яковлеву изложили суть проблемы, он сказал: «Матч должен состояться». Коротко и ясно… Спорткомитету и Шахматной федерации недвусмысленно дали понять, что дисквалифицировать Каспарова нельзя, потому что он такой же гражданин своей страны, как и Карпов.

Я знаю (и многие должностные лица тоже), что готовили мне Севастьянов, Батуринский и Крогиус на том заседании. Меня должны были дисквалифицировать, матч отменить, Карпова оставить чемпионом, и это решение должно было сопровождаться кампанией осуждения меня в советской прессе (после чего Спорткомитету оставалось бы только проштамповать решение федерации). Такой намечалась повестка дня до того, как Яковлев разрушил весь этот тщательно подготовленный спектакль. Удивительно, однако, что до сих пор невозможно найти каких-либо официальных письменных следов этих проектов. Они будто канули в небытие.

Я вылетел в Москву утром 9 августа вместе с Ю.Мамедовым и Н. Ахундовым, председателем Шахматной федерации Азербайджана. Нам пришлось пережить немало неприятных минут — только перед заседанием мы узнали, что все уже переиграно.

Мы молча выслушали торжественный приговор. Он заключался просто в рекомендации советским гроссмейстерам не давать интервью западным средствам массовой информации. И все!

По словам моего тренера Никитина, выглядело все это по меньшей мере парадоксально: «Скажите, зачем надо было срочно

вызывать на специальное заседание президиума Шахматной федерации СССР столь представительную делегацию Азербайджана — случай беспрецедентный в практике работы федерации?! Чтобы «единодушно указать молодому гроссмейстеру на нетактичный тон его высказываний» и вынести решение, которое никто из гроссмейстеров не собирался выполнять? Кстати, с «единодушными» указаниями выступили отнюдь не все присутствовавшие. Как известно, приглашение Каспарову приехать в ФРГ (и, в частности, впервые дать интервью журналу «Шпигель») было послано в Спорткомитет СССР, и тот командировал Каспарова, дав ему в помощь весьма опытного работника».

Многое раскрывает и диалог из фильма «Тринадцатый» — между мною и Рошалем:

Г. К.:…У вас не осталось ощущения, что заседание было совершенно бессмысленным? Непонятно, зачем его назначали?

Л. Р.: Действительно, в воздухе было какое-то напряжение. Да, могло последовать, чувствовалось, что могло последовать нечто схожее с тем, что произошло 15 февраля… Нечто схожее по своей, так сказать, драматургии. И мы обменивались мнениями между собой — члены президиума — спрашивали друг друга: «А что дальше? А что будет!»

Г. К.: Пришли, обсудили, осудили, скажем. А дальше?

Л. Р.: Для меня это было какой-то хлопушкой. Какой-то холостой выстрел: «А для чего нас собирали?» Я видел по вашему лицу, что вы крайне напряжены…

Г. К.: В общем-то я готовился к худшему.

А. Р.: Да, может быть, поэтому вы сделали даже какой-то микрореверанс…

Г. К.: Просто я понимал…

А. Р.: Вы признали какую-то свою горячность ненужную. Хотя со своей стороны я сегодня не взялся бы утверждать, что эта идея не носилась в воздухе.

Г. К.: Дисквалификация?

А. Р.: Вы все время говорите это слово. Но я не думаю…

Г. К.: Оно резкое. Но, может быть, более реальный, проверенный вариант? Матч играется, но перед матчем выходит ряд статей или большая публикация в «Советском спорте», где расставляются все акценты, представляется то самое «единое» мнение… То есть вы считаете, что скорее всего Шахматная федерация приняла бы то самое решение, которое бы вызвало к жизни публикацию в «Советском спорте» и других газетах?

А. Р.: Для этого не нужно решение федерации.

Г. К.: То есть такие публикации могли быть?

А. Р.: Я не исключаю, что…

Г. К.: И носили бы резкий характер?

А. Р.: Это зависело бы от автора.

Г. К.: Я понимаю. А к вам обращались с подобным предложением?

А. Р.: Ну… я… не исключаю, что… я… предполагался в возможные авторы подобной публикации. Я отвечаю максимально… Я не готовил такую статью, но я не исключаю… Да, и в этот момент я, между прочим…

Г. К.: Могли бы написать?

А. Р.: Да. Я бы попытался найти форму…

Г. К.: Более или менее смягчить удар?

А. Р.: Даже не так. Как мне казалось, наиболее объективную в той ситуации. Но, безусловно, вынужден был бы вас осудить!

До этого момента я стоял перед лицом моральной смерти, ибо именно это и означает дисквалификация. Когда шахматист не может играть — он мертв! Но после Апрельского пленума многое изменилось в стране, теперь уже нельзя было избавиться от соперника, не дав ему сделать ни единого хода.

Наконец, после всех нешахматных сражений, 3 сентября мы сели за доску на сцене Концертного зала имени Чайковского. И в организационном, и в чисто шахматном плане матч был более полноценным, чем предыдущий. Его ход и содержание борьбы принесли гораздо больше удовлетворения истинным любителям шахмат, нежели деятелям ФИДЕ.

Разместили меня гораздо лучше, чем в прошлом матче. В течение всего того пятимесячного марафона я жил в гостинице «Россия», в самом центре Москвы, в то время как Карпову предоставили загородную дачу. Хотя мама и друзья делали все возможное, чтобы в гостинице я чувствовал себя как дома, это не всегда удавалось.

На этот раз, благодаря вниманию, оказанному мне председателем ВЦСПС С. А. Шалаевым, профсоюзы обеспечили меня всем необходимым для подготовки к матчу, включая и великолепное здание на Ленинском проспекте. Мы вскоре начали называть его «дворцом» — и я шутил, что мне не хватает только короны, чтобы почувствовать себя королем.

На первую партию я вытащил белый цвет, что было хорошей приметой. В матчах подобного уровня стартовые партии зачастую носят разведывательный характер. Соперники как бы присматриваются друг к другу. Однако нельзя забывать, что эта партия могла иметь и 49-й порядковый номер, — со дня прекращения безлимитного матча прошло мало времени, и старые впечатления еще не успели изгладиться из памяти. Оба

участника имели огромный информационный материал — наследие предыдущего поединка, от переработки которого зависело определение стратегической линии на новый матч. Поэтому можно было ожидать, что уже с первых партий завяжется бескомпромиссная борьба, в которой соперники будут отстаивать правоту собственных (весьма различных) концепций.

Как бы в подтверждение слов Карпова о том, что «дебютная подготовка является самой сильной стороной в игре Каспарова», я уже в стартовой партии озадачил соперника своим выбором — допустил защиту Нимцовича, чего раньше почти никогда не делал. Начальные пять ходов отняли у Карпова 50 минут — случай небывалый в его практике!

Всю партию Карпов только отбивался и на следующий день сдался без доигрывания. До этого он никогда не проигрывал три партии подряд (с учетом двух поражений на финише предыдущего матча), как никогда не проигрывал и первую партию в матче за мировое первенство.

В предисловии к книге «Матч на первенство мира Карпов — Каспаров» (Москва, 1986) Марк Тайманов пишет: «Известно, что у 1-й партии особое предназначение. От ее результата и самого характера борьбы обычно зависит настроение и творческое состояние партнеров, по крайней мере в стартовый период. Как заметил Карпов, «тот, кто первым выигрывает партию в матче на первенство мира, получает серьезное психологическое преимущество».

Однако меня результат 1-й партии, наоборот, выбил из колеи. Я был немного растерян. С одной стороны, радостные ощущения, как после всякой победы в ответственном соревновании, но с другой — психологическая новизна ситуации: ведь почти весь прошлый матч мне приходилось отыгрываться, балансируя на краю пропасти. Но и Карпов оказался в непривычной для себя роли догоняющего. Поэтому 2-я партия должна была дать ответ на вопрос: как это отразится на нашей игре?

По выходе из дебюта я ринулся в головоломные осложнения, в которых при правильной игре белых меня ждали крупные неприятности. Но Карпов не нашел верного пути, и я серией тактических ударов сумел получить выигранную позицию. Однако в цейтноте прошел мимо решающего продолжения. Все же отложенная позиция позволяла рассчитывать на победу, хотя записанный мною ход и оказался второсортным. Найдя ясный выигрыш во всех разветвлениях, мы буквально за два часа до доигрывания вдруг обнаружили за белых сильное возражение. Начался лихорадочный поиск других возможностей, но в условиях недостатка времени нам не удалось найти четкого пути.

Придя на доигрывание без ясного представления о том, как именно продолжать партию, я не смог за доской правильно разобраться в ситуации и упустил инициативу. В итоге — ничья.

Такие неудачи всегда обидны, а в матче на первенство мира все воспринимается особенно обостренно. Карпов же, очевидно, получил в тот вечер хороший заряд положительных эмоций. Тем не менее перед 3-й партией он взял тайм-аут — видимо, треволнения старта отняли у него немало сил.

Думаю, здесь уместно сказать об одном феномене матчей на первенство мира, на который, по-моему, еще никто не обращал внимания. Все обозреватели и психологи от шахмат сплошь и рядом обыгрывают вроде бы бесспорную мысль: претенденту нечего терять, но приобрести он может… Да, терять нечего. Но он так и останется всего-навсего претендентом, а его соперник — чемпионом мира! Поэтому, как бы удачно ни складывалась ситуация на доске, как бы глубоко вам ни удавалось проникнуть в тайны позиции, авторитет чемпиона, гипноз его титула оказывают сильнейшее влияние иа каждое ваше решение. Я бы назвал это феноменом чемпионского титула…

Казалось бы, лишнее очко и игровая инициатива в первых двух партиях давали мне все основания с оптимизмом смотреть вперед. Тем более что предстояла «белая» неделя (из трех партий в двух я имел белые фигуры). Но законы матчевой борьбы неисповедимы — эта неделя стала для меня в полном смысле слова черной.

Началась она со спокойной ничьей в 3-й партии, но затем я потерпел два поражения подряд. Английский гроссмейстер Энтони Майлс сказал, что Карпов продемонстрировал тонкое умение находить слабые места. Ему вторил Доминик Лоусон в «Financial Times»: «Карпов умеет превращать мимолетное преимущество в подавляющую позицию; он плетет тонкую сеть ходов с неустанным прилежанием паука».

Так, буквально за три дня ситуация в матче кардинально изменилась. Карпов вышел вперед, вдобавок одержав очень важную в психологическом плане победу черными. Учитывая труднопробиваемость Карпова и то обстоятельство, что его в матче устраивала и ничья, передо мной стояла сложная задача. Намеки на это уже стали появляться в печати. Кому-то развитие событий даже напоминало начало прошлого матча. Но, несмотря на потрясения, испытанные в 4-й и 5-й партиях, я был далек от отчаяния. Зная объем предматчевой подготовки, мы с тренерами отнюдь не считали мое положение безнадежным. Никаких сомнений в правильности выбранной стратегической линии у нас не возникло — слишком уж отчетливо были видны недостатки

моей игры на старте.

Стоявшую передо мной задачу кратко можно сформулировать так: во-первых, играя максимально жестко, не дать Карпову возможности развить успех, а во-вторых, идти на сложную борьбу, чтобы перехватить игровую инициативу и по возможности измотать противника. Кроме того, исключительно важной была и чисто психологическая проблема: как можно скорее обрести душевное равновесие. Сейчас можно с уверенностью сказать: эта масштабная задача была полностью решена на отрезке между 6-й и 10-й партиями.

Эти пять поединков закончились вничью, но все они были напряженными и отняли много сил. Характер борьбы начал меняться. Я применил сильнодействующее средство — во всех этих партиях жертвовал пешку: черными, чтобы не уступить инициативу, а белыми, чтобы ею завладеть. В 9-й партии я пожертвовал целых три пешки, но при доигрывании создал такую опасную атаку, что Карпову пришлось расстаться с фигурой. Очень важной была 10-я партия, в которой я играл черными и спасся, по словам комментаторов, «серией ошеломляющих жертв», отчего у Карпова, должно быть, осталось чувство глубокой досады.

Приближалась вторая половина матча, и невольно вспоминался прогноз Ботвинника: «Если Каспаров после 10–12 партий будет иметь равный счет или даже проигрывать одно очко, то у него будут хорошие шансы на победу в матче». Очень точно оценил создавшуюся в матче ситуацию венгерский гроссмейстер Андраш Адорьян, с которым я говорил по телефону после 10-й партии. Посетовав на то, что я упустил выгодные возможности в 7, 9 и 10-й партиях, Андраш в конце разговора добавил: «Главное не победа, а тенденция, которая, на мой взгляд, носит благоприятный характер».

По отношению к следующей, 11-й партии эти слова можно назвать пророческими. Я выиграл ее в 25 ходов эффектной жертвой ферзя, после того как Карпов угодил в простую ловушку. После партии некоторые комментаторы наградили ход 22… Лcd8 слишком уж красочными эпитетами: «зевок столетия», «уникальнейший случай в матче на первенство мира» и т. п. Но они, видимо, запамятовали, что подобные ошибки случались не раз, включая сделанную самим Фишером в 1-й партии матча со Спасским.

Конечно, просмотр Карпова в этой партии — случай из ряда вон выходящий, но нельзя забывать, что позади были 10 упорнейших поединков, причем последние два потребовали от Карпова огромных нервных затрат. Да и 11-я партия поначалу

складывалась для него нелегко. А когда худшее осталось позади, наступило, по-видимому, преждевременное успокоение. Цена минутного расслабления оказалась высокой…

В 12-й партии я поразил специалистов продолжением, которое Авербах назвал «громом среди ясного неба»: жертвой пешки удалось разрубить гордиев узел проблем в позиции, исследованной, казалось бы, вдоль и поперек. Черными в сицилианской защите! Недаром журналисты признали ход d6—d5 новинкой года.

Карпов не захотел вступать в дискуссию неподготовленным и пошел по пути разменов, приведших к быстрой ничьей. В итоге половину пути мы прошли с равным счетом.

30 сентября «Spiegel» опубликовал очерк под названием «Толин миллион», рассказывающий о тайном контракте, заключенном Карповым с компьютерной фирмой «Novag», о том, что посредник, западногерманский тележурналист Гельмут Юнгвирт, обвиняется в сокрытии от Карпова суммы в 446 тысяч долларов, и, наконец, о том, что Кампоманес и Кинцель по поручению Карпова стараются взыскать с Юнгвирта эту сумму… Агентство Рейтер сообщило, что появление очерка тяжело отразилось на Карпове. Агентство сослалось на главу карповской делегации Батуринского, будто бы сказавшего, что эти переживания «отняли у Карпова пять лет жизни».

Три года спустя Карпов в связи с судебным процессом по делу Юнгвирта дал интервью тому же журналу под сенсационным заголовком «Это дело стоило мне звания чемпиона мира»! Где он без всякого смущения заявил: «Без сообщения (о судебном процессе. — *Г.К.*) в «Шпигеле» Каспаров в 1985 году меня бы не победил и не стал чемпионом мира. В этом смысле я не знаю, кто победил меня: Каспаров или «Шпигель»?»

Подобные утверждения трудно опровергать, но еще труднее — принимать всерьез…

Итак, позади осталась половина матча. Хотя она и была насыщена драматическими событиями на шахматной доске, но по всему чувствовалось, что самое интересное еще впереди. Словно сбросив с себя груз безлимитного матча, соперники заиграли раскованно, в каждой встрече стремясь к скорейшему захвату инициативы. Накал борьбы будет возрастать от партии к партии, с тем чтобы достигнуть своего апогея на пятом часу решающей, 24-й.

Относительно спокойная ничья в 15-й партии дала многим повод предположить, что в матче наступает полоса затишья. Вспоминали, что после бурных событий в первых пяти партиях в следующих десяти была лишь одна результативная.

Напрашивалась прямая аналогия с ничейными сериями первого матча, но доминирующая на этом отрезке матча тенденция указывала на то, что невероятное подспудное напряжение вот-вот должно прорваться наружу…

Случилось это в 16-й партии, которую на сегодняшний день я считаю своим лучшим творческим достижением. Такие партии запоминаются надолго, и в первую очередь самому шахматисту, вложившему в реализованный на одном дыхании замысел частицу души. Мне и раньше удавалось осуществлять красивые комбинации, проводить цельные стратегические партии, но ни одна не может сравниться с этой партией по масштабности общего замысла.

Есть еще одна причина, по которой я причисляю эту партию к своим лучшим достижениям. Цена каждой красиво выигранной партии повышается в зависимости от силы соперника и ранга соревнования. Эта победа была одержана над чемпионом мира в матче за шахматную корону.

После подобного творческого всплеска нелегко сохранить должный эмоциональный настрой. Кроме того, требовала психологического осмысления изменившаяся матчевая ситуация. Вновь предстояло играть в роли лидера, к чему я так и не успел привыкнуть в начале матча. Но в глубине души я теперь уже утвердился в мысли, что смогу выиграть матч, и это придавало мне уверенности.

После двух относительно коротких ничьих я в хорошем стиле выиграл 19-ю партию, во время которой произошло нечто небывалое: в начисто выигранной позиции я, вместо того чтобы записать ход, сделал его на доске, что вызвало в зале бурю аплодисментов. Уникальный случай в матчах на первенство мира, когда записанный ход был сделан открыто (редкость и в гроссмейстерской практике).

В тот вечер, выступая в телевизионном шахматном выпуске, гроссмейстер Алексей Суэтин исключил из своего лексикона слова «чемпион мира» и «претендент», заменив их на нейтральные «белые» и «черные». Кое-кто утверждал, что делать открытый ход — неэтично, особенно в подавляющей позиции. Другие расценили это как пощечину сопернику, который не нашел в себе сил сдаться в безнадежном положении. Карпов сделал это только на следующее утро, позвонив одному из главных арбитров.

Комментируя эту партию, Авербах отмечал: «Дебютная эрудиция Каспарова, его поистине академические знания производят впечатление. Но еще больше поражает его постоянная исследовательская работа в области дебюта, стремление быть по

меньшей мере на шаг, а то и на два впереди «официальной» теории. Может быть, именно поэтому в последних партиях матча прослеживается тактика Карпова уходить в сторону от стандартных схем, от хорошо изученных, проторенных путей…»

Это была стратегически цельная партия, доставившая мне творческое удовлетворение. Но главное — выигрыш 19-й партии сделал очень реальными шансы на общую победу в матче. Победу, о значимости которой трудно было даже подумать…

Как нелегко играть с грузом этих новых, внезапно нахлынувших чувств, я в полной мере ощутил в следующих встречах.

В 20-й партии я вновь сделал свой секретный ход на доске. Публика опять неистовствовала, но на этот раз была ничья: после изнурительной девятичасовой борьбы, продолжавшейся 85 ходов. Даже заместитель Кампоманеса венесуэлец Рафаэл Тудела не удержался от комментария: «Каспаров значительно вырос со времени прошлого матча. Без сомнения, он полностью владеет собой. Его прежние слабости, связанные с чрезмерной эмоциональностью и молодостью, исчезли. С другой стороны, Карпов, кажется, страдает от какого-то психологического дискомфорта. Думаю, что счет 5:0 не выходит у него из головы».

После этой партии положение Карпова стало катастрофическим. А мне не давала покоя неотвязная мысль, что в оставшихся четырех встречах мне нужны всего три «половинки», три ничьи. Задача казалась не столь уж и трудной, ведь даже черными я совсем не обязан был проигрывать — последний раз это произошло полтора месяца назад!

Но близость победы начала затуманивать мое сознание. В результате я упустил выигрыш в 21-й партии. Многие удивились, что при доигрывании я довольно быстро согласился на ничью, хотя имел ощутимое преимущество. Но дело в том, что уже в ходе доигрывания я обнаружил «ляп» в своем домашнем анализе. Расстроенный этим (и вспомнив о двух очках перевеса!), я не стал продолжать игру. Шанс завоевать 12-е очко был очень реален, и вполне понятное разочарование повлияло на мое настроение.

Перед 22-й партией Карпов взял свой последний тайм-аут, прекрасно понимая, что ничья в ней равносильна поражению в матче.

И ему удалось сократить разрыв в счете. В цейтноте я сделал две импульсивные ошибки, что стоило мне партии. В сущности, меня парализовало огромное чувство ответственности за каждое принимаемое решение. Промах в предыдущей партии стоял перед глазами. Это сделало меня слишком осторожным, что и привело к цейтноту. Но надо отдать должное Карпову: в критический

момент матча он доказал, что у него стальные нервы.

Это поражение диктовало мою тактику в следующей, 23-й партии: обеспечить себе ничью, избегая малейшего риска. С этой задачей я справился.

Хорошо, что мама вела записи, и я могу сейчас вновь вернуться в те дни — последние дни моего претендентства. Накануне 24-й партии я сказал маме: «Перед первым матчем я думал, что играю с сильным шахматистом, и только спустя год понял, что играю с целой эпохой шахмат. А победить можно, лишь взяв все лучшее и сделав новый качественный шаг вперед, превзойдя эту эпоху, открыв новую».

Утром 9 ноября мама разбудила меня со словами: «Три года назад в этот день ты сыграл одну из своих лучших партий на Олимпиаде в Люцерне. Помнишь? Ты выиграл черными у Корчного и получил в итоге свой первый «Оскар». Это хорошая примета».

Итак, все должно было решиться в последней партии. От ее результата зависела судьба всего беспримерного в истории шахмат марафона из 72 партий. Такие поединки, представляющие ни с чем не сравнимую ценность в жизни шахматиста, имеют собственные законы борьбы. Когда всего один ход может решить вопрос «быть или не быть», трудно сохранять абсолютную ясность мышления. Невозможно избавиться от мысли, что один неверный ход может оказаться роковым, ведь дальше поправить ничего уже не удастся — эта партия последняя в матче!

В таких экстремальных ситуациях, когда соперники играют на пределе нервных возможностей, многое, если не все, решает психологическая подготовленность, настрой на игру. Побеждает тот, кто оказывается хладнокровнее, расчетливее, увереннее в себе.

Конечно, задача Карпова в 24-й партии была сложнее — его устраивала только победа. А из опыта шахматных соревнований мы знаем, что игра по заказу на выигрыш в последней партии почти всегда оказывалась безуспешной. Однако в подобных случаях теория вероятности не может служить гарантией — всегда рискуешь оказаться тем самым исключением, которое подтверждает правило…

Определение стратегии на решающий поединок было для меня серьезной проблемой. Прямолинейная игра на ничью, как известно, чревата большими опасностями, к тому же отнюдь не соответствует моим шахматным воззрениям. Поэтому, отбросив все колебания, я решил не уклоняться от принципиальных продолжений, принять открытый бой. А в том, что соперник

пойдет вперед, можно было не сомневаться.

Карпов остался верен своему излюбленному построению против сицилианской защиты, даже несмотря на то, что до сих пор оно ему радости не приносило. Возможно, на его выбор повлияла партия Соколов — Рибли из турнира претендентов в Монпелье, который по времени совпал с нашим матчем. Карпов решил, что энергичный, атакующий план Соколова соответствует духу последней, решающей партии. Мы были к этому готовы и тоже изучали партию, понимая, что в создавшейся ситуации она может приглянуться сопернику.

Но когда дошло до дела, Карпов не смог решиться пусть на рискованную, но подлинно атакующую игру. Он пытался выиграть, отказавшись от форсирования событий. Даже в критические моменты Карпов не может изменить своему характеру: он всегда должен играть «по-карповски» — усиливать позицию, а не искать развязку. Вероятно, в глубине души он не был уверен в правильности атаки на королевском фланге и поэтому не мог вести ее смело и твердо. Когда же я поставил ладью на e7, чем на первый взгляд вроде бы преследовал весьма скромную цель, Карпов долго колебался — думаю, уже здесь он что-то почуял. В сущности, это был самый оригинальный и самый трудный ход в партии, после чего атака белых стала выдыхаться.

Незадолго до этого в коридоре, который вел в комнаты отдыха, я заметил плакат с надписью: «Анатолий Евгеньевич, поздравляем с победой!». Но это имело обратный эффект — совсем не тот, на который эта заготовка была рассчитана.

Я кружил по сцене, а Карпов большей частью спокойно сидел за столиком. На 31-м ходу он отверг возможность форсировать ничью — ему была нужна только победа. Но через пять ходов Карпов грубо ошибся и на 42-м, казалось, оцепенел.

Прошло еще несколько томительных минут, и наконец Карпов протянул руку, поздравляя меня с победой и завоеванием титула чемпиона мира. А раздавшийся в ту же секунду громовой рев в зале окончательно убедил меня — да, да, это правда! Свершилось!! Я победно вскинул руки над головой…

Выйдя на улицу, я увидел стоявшую на площади толпу, вновь раздались крики. Репортер спросил, как я себя чувствую. «Отлично!» — крикнул я на ходу. И это было правдой. Но разве могли слова передать лихорадочное возбуждение, охватившее меня в тот момент! Только в машине мы с тренерами, наконец, обнялись.

Когда мы вернулись в наш «дворец», я минут пятнадцать ходил из комнаты в комнату, испуская торжествующие вопли. Победа! Не думаю, что мне еще когда-нибудь суждено испытать

такой ураган чувств. Достаточно ощутить такое хоть раз в жизни.

Меня спрашивают, похоже ли это на восторг любви? Признаться, это даже сильнее! Ты доказал, что ты лучший в мире, ты достиг наконец цели, которую поставил себе много лет назад, ты преодолел все препятствия на своем пути, и что бы ни случилось теперь в твоей жизни, никто и ничто уже не сможет лишить тебя этого достижения! Ты вошел в историю… Эйфория длилась всю ночь, поддерживаемая бесконечным потоком поздравлений и телефонных звонков.

10 ноября состоялось торжественное закрытие матча. Запомнились мрачные лица Кампоманеса, Севастьянова и Крогиуса. Пикантность ситуации была в том, что лавровым венком меня увенчивали люди, которые сделали все от них зависящее, чтобы этого не случилось. И теперь еще от них зависело немало. В частности, состоится ли матч-реванш…

Вернувшись в Баку, я устроил небольшое застолье, где собрались только мои близкие родственники и друзья. Мы подняли бокалы с единственным тостом: «За Кима Моисеевича Вайнштейна. Как жаль, что его нет с нами».

Матч уже стал достоянием истории. В спортивном и творческом отношении он оказался явно интереснее предыдущего. Захватывающий сюжет, державший всех в напряжении до последних минут последней партии, практически не затухавший накал борьбы, отсутствие бессодержательных ничьих (которыми грешил безлимитный матч), более богатый арсенал средств, применяемый соперниками, больший диапазон идей, активный поиск новых путей — все это предопределило преимущество лимитного матча.

В споре за звание сильнейшего встречались представители различных шахматных идеологий. Карпов — апологет чисто спортивного подхода к шахматам. Его шахматы — Игра. Его сила — в глубоком знании и понимании излюбленных схем, в максимальном использовании минимальных ресурсов позиции. Я — убежденный приверженец творческого, исследовательского направления, базирующегося на вере в безграничные возможности шахмат. Для меня шахматы прежде всего Искусство. Именно здесь, в сфере столкновения двух диаметрально противоположных шахматных концепций, лежат, на мой взгляд, глубинные причины поражения Карпова. Наш новый матч начался со счета 0:0, но не с нуля. Мы оба имели бесценный материал для подготовки к будущему сражению — 48 партий, сыгранных в первом матче.

Карпов везде говорил, что те партии явились хорошей школой для меня, и это действительно так. Но он почему-то не

учел, как много полезных уроков мог бы извлечь сам, если бы провел глубокий, всесторонний и объективный анализ. Уже в конце прошлого матча мне удалось приспособиться к своеобразной игровой манере Карпова, научиться прикрывать свои уязвимые места, то есть, образно говоря, без особых потерь вести сражение на территории соперника. Не прошел даром и полугодовой перерыв. За это время мы с тренерами смогли спроектировать новую модель матчевой стратегии, исходя в первую очередь из особенностей стиля и вкусовых привязанностей соперника. Показательна в этом плане теоретическая дискуссия в защите Нимцовича. Мой успех в 1-й партии, по мнению многих специалистов, был предопределен фактором неожиданности. Но ведь и в дальнейшем, на протяжении всего матча, Карпов испытывал серьезные затруднения в этом дебюте. Очевидно, ему не нравился сам стратегический рисунок борьбы, а именно это обстоятельство и было учтено нами.

В то же время Карпов не подготовил к матчу ничего кардинально нового в теоретическом плане, ограничившись лишь незначительными усилениями в вариантах, встречавшихся в нашем первом поединке. Тут, видимо, сказалась нелюбовь Карпова к серьезной аналитической работе. По этому поводу вспоминается его полемика с Ботвинником, всегда подчеркивающим исключительную важность исследовательского направления в шахматах. Карпов же утверждал, что взгляды Ботвинника безнадежно устарели. По его мнению, в наши дни лишь постоянная практика может служить источником повышения шахматного мастерства.

Замечу, что такая позиция давалась Карпову легко — сам он располагал большим штатом высококвалифицированных помощников, которые регулярно снабжали его свежими идеями. Что ж, наше единоборство можно считать практическим разрешением этого теоретического спора…

Однако максимальная собранность и высочайшая техника игры в трудных позициях долгое время позволяли Карпову нивелировать дефекты своей подготовки. Все же во второй половине матча наше стратегически верное планирование начало приносить свои плоды. Когда мой игровой перевес стал очевидным, Карпов сумел, мобилизовав свои выдающиеся бойцовские качества, уйти от поражения с крупным счетом и даже почти спасти матч…

Я надеюсь, что шахматные (тем более не шахматные) уроки наших матчей с Карповым будут учитываться при выработке новых правил и регламентов. Главное — надо помнить, что

шахматы нуждаются в законах, не принижающих их до уровня бесконечного и безликого спортивного шоу, а, напротив, защищающих их статус высокого, благородного искусства, призванного дарить людям радость и наслаждение.

Возвращение на землю

Чемпион мира! Весомость этого титула в первое время действовала на меня парализующе, не позволяя вырваться из состояния эйфории. Волны радости, захлестывавшие меня, мешали трезво оценить обстановку.

Через неделю после окончания матча я выступил в театре «Современник». Говорил в течение нескольких часов. Время было позднее, но люди не расходились до глубокой ночи. Эрудированная, эмоциональная аудитория была захвачена моей безыскусной сказкой о приключениях, злоключениях и традиционном хэппи-энде… Казалось, победа над Карповым погребла под собой все огорчения и конфликты прошлого, и я могу теперь писать свою биографию заново, с чистого листа. Но мне следовало знать, что прошлое не исчезает бесследно.

Став чемпионом мира, я сознательно занял примирительную позицию по отношению к руководству федерации. Я и впрямь надеялся на улучшение ситуации в нашем шахматном доме и опасался повредить этому каким-нибудь неосторожным высказыванием. «Существует большая разница между претендентом Гарри Каспаровым и Гарри Каспаровым — чемпионом мира!» — заявил я на послематчевой пресс-конференции в Москве. Западные журналисты быстро заметили эту перемену. Возможно, они рассчитывали на какие-то разоблачительные заявления с моей стороны, чтобы пощекотать нервы своим читателям. Если так, то их ждало разочарование. «Шахматный герой Каспаров зарывает топор войны», — гласил один из газетных заголовков. «Больше никаких скандалов, говорит Каспаров», — стояло в другом. «Каспаров подчеркнуто отказывается вести борьбу против тех, кого он однажды обвинил в попытке украсть у него победу», — писала «Times».

Так оно и было. Завоевав чемпионский титул, я твердо решил не злоупотреблять своим положением, как это многие годы делал Карпов, в чем, собственно, я его и обвинял. Тот факт, что его власть в значительной степени была направлена лично против меня, конечно, возмущал, но мне претила сама мысль о том, что в шахматах и впредь возможна диктатура! Шахматный мир остро нуждался в переустройстве на демократических началах, а это означало, что сам чемпион не должен допускать превышения власти.

Меняющийся в мире политический климат предоставил мне новые возможности. Нашей стране, вступившей в новую эру своих взаимоотношений с Западом, требовались люди, способные

помочь преодолеть давний барьер отчуждения.

Я очень серьезно отношусь к подобной роли и поэтому в те дни с готовностью откликнулся на предложение выступить в популярной телепередаче «Доброе утро, Америка!». Американцы могли увидеть советского человека, чей облик весьма отличался от привычных шаблонов. Я сказал: «Шахматы могут хорошо послужить делу укрепления сотрудничества между странами и народами. Как шахматист и спортсмен, я жду новой разрядки, ибо разрядка дает наилучшие возможности для спортивных и культурных связей. И я уверен, что вы питаете те же надежды».

Для меня с детства было очевидно, что все люди — разные. И с этой «разностью» должна считаться любая государственная система, заинтересованная в создании социально здорового и счастливого общества. Если люди стремятся к взаимопониманию и сотрудничеству, то им надо согласиться с некоторыми различиями между собою и попытаться обратить их на пользу общему делу. У меня никогда не было сомнений, что нетерпимое отношение к противоположной точке зрения незбежно приводит к подавлению гражданских свобод и к застою общества.

Неудивительно, что наш медовый месяц с шахматными властями продлился недолго. Поводом для окончательного разрыва стал вопрос о матч-реванше.

Матч-реванш… Даже на слух это звучало весьма непривычно — со времени последнего такого матча прошло четверть века. В чем, вообще, суть предоставления чемпиону мира права на реванш? Говорят, чтобы не было случайного чемпиона. Но мог ли быть случайным чемпион, который определился после марафонского состязания в 72 партии?! В данной ситуации матч-реванш противоречил здравому смыслу, элементарной логике, да и шахматным законам. Нет, по букве закона все было правильно. Если не считать того, что законы менялись в ходе розыгрыша мирового первенства и что писали и трактовали эти законы те самые функционеры ФИДЕ, которые и узаконили произвол в современном шахматном мире.

На конгрессе в Граце, закончившем свою работу за три дня до начала нашего второго матча, было одобрено решение Кампоманеса прекратить первый матч и утверждены новые правила, точнее — дополнения к правилам чемпионатов мира. Безлимитный поединок, безоговорочно осужденный еще в 1927 году после матча Алехин — Капабланка и вернувшийся на авансцену в 1975 году по требованию Фишера (поддержанному впоследствии Карповым), вновь уступил место традиционному соревнованию из 24 партий.

Но отмена безлимитного матча «почему-то» не повлекла за

собой отмену матч-реванша. Это дитя именно безлимитного соревнования было успешно подкинуто матчу с новым регламентом. Карпову было предоставлено исключительное право на матч-реванш. Исключительное, так как оно не распространялось на будущих чемпионов. В итоге, сохранив чемпионскую фору безлимитного матча, Карпов приобрел еще одну, традиционную для лимитных матчей, — при ничейном исходе поединка он оставался чемпионом. Но и этого мало! На случай двойной неудачи Карпов зарезервировал за собой еще одну привилегию: начинать борьбу за шахматную корону не с начала претендентского цикла, как начинали Смыслов, Таль, Петросян и Спасский, а прямо с суперфинала. Этот тройной защитный вал, воздвигнутый вокруг Карпова, не сравнить с пресловутым долларовым валом, за которым порой укрывались чемпионы в старые доФИДЕвские времена.

Все эти привилегии были законодательно оформлены на конгрессе в Граце в виде «Специальных правил для матча за звание чемпиона мира 1985 года». С циничной откровенностью там была указана и «специальная цена» этих правил: *«Пункт 6. Организаторы матча должны заплатить ФИДЕ сумму, равную 24 процентам призового фонда, то есть сумму, которая соответствует 24 ничьим».*

Таким образом, наша страна, будучи организатором матча 1985 года, выплатила ФИДЕ 24 процента призового фонда вместо 16, что соответствовало числу ничьих в матче и как предписывали основные правила. Разница составила 128 тысяч швейцарских франков! Таков гонорар, полученный ФИДЕ от Спорткомитета за новоиспеченные специальные правила.

Не замедлило появиться на свет и идейное обоснование справедливости матч-реванша. Как ни в чем не бывало Карпов вдруг присвоил себе победу в прерванном матче: «Я выиграл тогда со счетом 5:3, Каспаров — сейчас. Счет равный — 8:8!» Эта, с позволения сказать, аргументация стала активно использоваться. Но и она не выдерживала критики. Карпов победил четырежды в 9 первых из 72 партий. Так что к моменту окончания нашего единоборства вопрос о том, кто сильнее, решался однозначно!

В одном из интервью Карпов сказал, что я такой же метеорит в шахматах, как Таль. Почему для сравнения был выбран именно Таль? Уж не потому ли, что он пробыл чемпионом всего один год? Таким ненавязчивым способом публике внушалась мысль о том, что Карпов потерял корону временно. В своих выступлениях он продолжал возвращаться и к решающей, 24-й партии нашего матча. Он никак не мог свыкнуться с тем, что проиграл ее. Карпов

утверждал, что где-то упустил прямой выигрыш, и, вообще, его победа в этой партии (читай: в матче!) выглядела логичнее. Это уже был прямой намек на то, что мне просто повезло. «Логически» он все еще считал чемпионом себя.

Больше года я ждал от Карпова шахматного анализа этой важной партии. За это время ее исследовали вдоль и поперек многие специалисты, в том числе и я сам. Но нам всем хотелось знать точку зрения Карпова на этот счет.

По этой причине и появилось на свет мое открытое письмо Карпову, опубликованное в феврале 1987 года в журнале «64 — Шахматное обозрение». Вот некоторые выдержки из него:

«Обращаюсь к Вам не как к главному редактору «64», *а как к своему давнему сопернику, с которым мне пришлось сыграть немало захватывающих, поединков за шахматной доской. К сожалению, партии матчей на первенство мира нередко остаются в истории с поверхностными, сиюминутными комментариями, сделанными в пылу борьбы. Тем большее значение приобретает осмысленный комментарий, сделанный по прошествии времени, когда страсти улеглись. Только детальный анализ, базирующийся на беспристрастном подходе к решению шахматных проблем, может дать целостную картину единоборства. И здесь решающее слово принадлежит самим участникам.*

Сожалею, что Ваши послематчевые заявления создают искаженную картину событий. Ссылки на случайность или невезение вряд ли могут быть признаны серьезными аргументом…

…Мне хотелось бы привлечь Ваше внимание к коренным разногласиям в наших шахматных оценках. В первую очередь речь идет о 24-й, последней партии матча-85. Вы неоднократно заявляли, что могли легко выиграть эту партию и тем самым изменить ход шахматной истории. Со своей стороны я отстаивал противоположную точку зрения, причем подкрепленную вариантными доказательствами. Однако Вы так ни разу и не удосужились дать конкретный ответ на мои возражения. Убежден, что наше печатное творческое единоборство приведет к резкому росту популярности шахмат в нашей стране и во всем мире… Поэтому я предлагаю Вам открытую шахматную дискуссию… убежден — только время и непрерывный аналитический поиск могут определить истинную цену сыгранных партий, дать подлинную картину сражения».

В своем ответе Карпов, сославшись на исключительную занятость перед суперфиналом с Соколовым, по существу, отвел мое предложение об открытой дискуссии в печати. Вот выдержка из его письма:

«Вы пишете, что мои «послематчевые заявления создают

искаженную картину событий», и привлекаете внимание к оценке 24-й партии нашего матча 1985 года. Полагаю, как раз здесь и кроется логическое несоответствие. Вы же сами говорите о «картине событий». А именно события и были таковыми, что белые упустили практически (а отнюдь не аналитически) весьма серьезные шансы на победу…Согласитесь, по ходу игры в той, 24-й партии матча-85, о которой Вы пишете, победа белых, выглядела закономернее, чем выигрыш черных».

Итак, аналитической дискуссии не получилось, зато Карпов вновь безапелляционно заявил о неправомерности исхода 24-й партии, а значит, и всего матча. Но, как известно, история, даже шахматная, не знает сослагательного наклонения…

Вернемся, однако, к матч-реваншу. Уже 5 декабря 1985 года, то есть менее чем через месяц после потери титула, Карпов потребовал свое «droit de seigneur» — право господина, которое по новым правилам должно было быть реализовано между 10 февраля и 21 апреля 1986 года. Итак, ФИДЕ давала Карпову право на реванш в течение всего трех месяцев — случай в истории шахмат беспрецедентный! За последние годы это было уже третье произвольное изменение правил — и все к выгоде Карпова. В итоге для защиты своего титула ему было дозволено сыграть 96 партий, в то время как мне — новому чемпиону — никаких привилегий не предоставлялось вовсе! Более того, в случае проигрыша матч-реванша меня ждала сомнительная честь стать и самым молодым экс-чемпионом.

Это было уже слишком. Явно надвигалась новая буря, которую мне следовало бы предвидеть. Но в эйфории, вызванной благополучным финалом августовской трагикомедии и последовавшей за этим победой над Карповым, я не учел, что одолеть Карпова за доской было необходимым, но недостаточным условием для того, чтобы решить все проблемы. Я недооценил, насколько трудно искоренить зло. И прежде всего я недооценил Кампоманеса. В известном смысле моя победа сослужила ему хорошую службу, потому что теперь он мог утверждать, что высокий уровень партий во втором матче доказывает правильность его решения о прекращении первого. Кроме того, заставив меня беспрерывно играть в шахматы, он тем самым лишил меня возможности вести политическую борьбу против него. Прошедший огонь, воду и все на свете филиппинец опять устоял на ногах.

Я не меньше Карпова хотел быть играющим чемпионом и вовсе не собирался почивать на лаврах; но понукания со стороны ФИДЕ выводили меня из себя. К тому же я не подписывался всю оставшуюся жизнь играть исключительно с Карповым! Не надо

забывать о том, что наши бесконечные поединки сорвали график проведения международных турниров, что нанесло ущерб многим шахматистам. Но ФИДЕ, казалось, забыла, что в первую очередь должна заботиться именно о благополучии шахмат и шахматистов. Складывается впечатление, что в тот момент деятелей ФИДЕ занимали лишь два вопроса: возвращение Карпову чемпионского титула и положение их финансов, ибо матчи на первенство мира были главным источником дохода.

В то же время наши матчи с Карповым вызвали мощную волну интереса к шахматам во всем мире. И я чувствовал себя не вправе обмануть надежды многочисленных поклонников шахмат.

В декабре я поехал в Голландию, чтобы в Хилверсуме сыграть матч из шести партий с Яном Тимманом, считавшимся тогда третьим шахматистом мира. Для чемпиона, лишь месяц назад завоевавшего корону, это было поступком необычайным. Одно дело выступить в турнире и совсем другое — рискнуть своей репутацией в поединке. Ты просто не имеешь права проиграть такой матч, в то время как твой противник ничем не связан, а перспектива выиграть у чемпиона мира лишь подстегивает его самолюбие.

Впервые со времен Ласкера чемпион с готовностью откликнулся на брошенный ему вызов, не заставив соперника преодолевать финансовые или отборочные барьеры. Призовой фонд, выделенный Католической телерадиостанцией, выглядел довольно скромно для матча такого уровня. Но не деньги были целью моей поездки в Голландию. Я хотел, чтобы западные любители шахмат смогли воочию увидеть игру нового чемпиона мира. И, по-моему, наш матч с Яном удался. По крайней мере, несколько комбинаций оказались очень красивыми и волнующими. Когда я эффектно победил в последней партии (тем самым выиграв матч со счетом 4:2), сцену заполнили сотни болельщиков, желавших присутствовать при нашем совместном анализе.

После матча в Амстердаме состоялась пресс-конференция, на которой я открыто выступил против проведения матч-реванша. «Этот матч вообще не должен был бы состояться, потому что никто не должен иметь так много привилегий, — заявил я. — Чемпион мира сохраняет свой титул в случае ничейного результата, и этого достаточно. Я откажусь от реванша, если проиграю. Согласно решению, принятому конгрессом ФИДЕ, я стал чемпионом мира на один год — 1986-й. Мне сообщили о праве на реванш, предоставленном Карпову, всего за несколько дней до начала второго матча в Москве. У меня не было времени, чтобы протестовать».

Я также воспользовался случаем подыскать возможную замену Кампоманесу и нашел ее в лице бразильца Линкольна Лусены, который согласился баллотироваться на пост президента ФИДЕ в 1986 году в компании с Реймондом Кином. «Последние годы, — сказал я, — в шахматном мире было много проблем. Во время моего пребывания здесь я познакомился с людьми, готовыми внести больше демократизма в шахматную жизнь. Они хотят, чтобы шахматисты знали о том, что происходит, они хотят, чтобы правила были честные и чтобы мнение шахматистов уважалось. Я тоже хочу этого. Как чемпион мира я считаю своим долгом поддерживать людей, работающих во имя таких целей». К сожалению, эта пресс-конференция была ошибкой, которая впоследствии мне дорого обошлась. Чтобы одолеть Кампоманеса, недостаточно иметь добрую волю и благие намерения.

По возвращении домой я получил послание, в котором мне была выражена поддержка со стороны только что созданного Европейского шахматного союза. Он обратился в Шахматную федерацию СССР с предложением отменить матч-реванш.

Обращение совета европейского шахматного союза

Совет Европейского шахматного союза собрался в Хилверсуме (Голландия) 22 декабря 1985 года и обсудил среди прочих дел вопрос о намеченном матч-реванше Карпов — Каспаров.

Мы выделяем следующие пункты против идеи матч-реванша:

1. Это может оказать разрушительное воздействие на здоровье игроков (как было отмечено Кампоманесом, когда он прекратил матч-84).

2. Общественная значимость шахмат снизится ввиду большого количества матчей между одними и теми же двумя игроками.

3. Ни один из участников не может принести шахматам пользу своим участием в других соревнованиях, потому что они тратят все свое время на игру друг с другом.

4. Ни один другой чемпион мира никогда не обладал титулом меньше одного года, прежде чем должен был защищать его, а в данном случае это может произойти всего через три месяца.

5. Идея матч-реванша не была вынесена на

обсуждение Совета гроссмейстеров.

6. Конгресс ФИДЕ в Граце только рассмотрел, но не утвердил большинством в 2/3 голосов (как это требуется Уставом ФИДЕ, пункт 4.14) условия матч-реванша.

7. Каспаров был информирован о матч-реванше только за два дня до начала матча-85. Это обстоятельство не дало ему возможности прокомментировать или опротестовать это решение. Кроме того, исполком ФИДЕ не известил конгресс в Граце о заявленных ранее протестах Каспарова против матч-реванша.

На основании вышеизложенного Совет Европейского шахматного союза считает, что матч-реванш не должен состояться, и почтительно предлагает Шахматной федерации СССР сделать все, что в ее власти, для отмены матч-реванша.

Президент Р. ЛИТТОРИН

Тимман, Ларсен и некоторые другие присоединились к этому требованию. Помощь была как нельзя кстати. «Был счастлив узнать, что Европейский шахматный союз создан для защиты интересов сильнейших шахматных стран, — заявил я в ответ. — Новый год — это обычно время мира, но иногда за мир приходится бороться. Надеюсь, что в следующем году мы восстановим подлинный мир в нашем шахматном доме, и тогда шахматисты смогут направить свои усилия на создание красивых партий в нормальных условиях».

Надо сказать, что выступление европейских гроссмейстеров в поддержку моих требований было сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, шахматисты знали деспотическую власть ФИДЕ. Один из них сказал мне: «Если они так относятся к чемпиону мира, то что же могут сделать со мной?» Во-вторых, многие тогда воспринимали мою борьбу против системы диктата и произвола как борьбу за собственные интересы, а проблему матч-реванша считали нашим внутренним делом с Карповым. Поэтому, даже несмотря на то, что меня поддержал ряд шахматистов — Любоевич, Сейраван, Найдорф, Шорт (заявивший, что «вся процедура розыгрыша первенства мира смердит»), гроссмейстерам не удалось достаточно твердо выступить против проведения матч-реванша.

В письме от 4 января 1986 года я призвал Шахматную федерацию СССР определить свою позицию по проведению матч-реванша. В нем, в частности, говорилось:

«Напряженная ситуация вокруг матч-реванша является следствием произвольного толкования и неоднократного изменения правил матчей президентом ФИДЕ. Волюнтаристские действия Кампоманеса вызывают резкую и обоснованную критику в шахматном мире. Так, Европейский шахматный союз направил Шахматной федерации СССР обращение, в котором он призывает ее употребить все свое влияние для отмены предстоящего матч-реванша. До сих пор я не знаю ответа нашей федерации на это обращение. Поэтому я считаю, что до сих пор сохраняется беспрецедентная ситуация, когда правила трактуются двояко: отдельно для Карпова и отдельно для всех остальных. Обязательными к исполнению могут считаться лишь постоянно действующие правила, не предусматривающие специальных привилегий для кого-либо. Никто не имеет права единолично решать проблемы, связанные с утверждением правил, — ни президент ФИДЕ, ни чемпион мира. Настал момент, когда стала очевидной необходимость создания справедливых, упорядоченных и постоянно действующих правил, утвержденных ФИДЕ в кратчайший срок.

Исходя из вышеизложенного, считаю персональное право Карпова на матч-реванш незаконным и отказываюсь от участия в подобном соревновании. Право на реванш в лимитированных соревнованиях должны иметь либо все чемпионы мира, либо никто».

Но позиция Шахматной федерации СССР уже давно была определена… В итоге мне пришлось согласиться играть. Конечно, это было уступкой. Но угроза лишения звания чемпиона административными мерами была отнюдь не пустой. Уже тогда я хорошо усвоил, что свою правоту проще доказывать за доской, нежели в казуистических дискуссиях с шахматными функционерами. Еще совсем недавно они оправдывали прекращение безлимитного матча лицемерной заботой о здоровье двух выдающихся шахматистов мира, а сейчас столь же активно выступали *за скорейшее* начало матч-реванша!

Из штаб-квартиры ФИДЕ в Люцерне начали поступать депеши угрожающего характера, из содержания которых следовало, что я буду лишен звания чемпиона, если в назначенный день не сяду за доску. Кампоманес заявил, что в соответствии с правилами я должен не позднее 7 января подтвердить свою готовность играть — либо меня дисквалифицируют.

По мере того как приближался крайний срок, напряжение в шахматном мире возрастало. Но в назначенный день ничего не произошло. В куцем послании из Люцерна Кампоманес вынужден был признать, что его ультиматум основывался на неверном

толковании правил. Участники действительно должны в течение двух недель подтвердить свою готовность играть — но только после объявления места проведения матча, а оно-то как раз еще не было определено.

Между тем заявки от Лондона и Ленинграда поступили уже несколько недель назад. Ленинград предложил миллион швейцарских франков, Лондон — на 800 тысяч больше. Впрочем, ленинградский миллион носил отчасти символический характер, так как представлял ценность только для ФИДЕ, получавшей свою долю отчислений от приза в твердой валюте. Участникам же предстояло ограничиться фиксированной суммой в рублях.

Англичанам очень уж хотелось быть хозяевами чемпионата, потому что он совпадал со столетней годовщиной первого матча на первенство мира. В 1985 году их заявка не прошла, после того как Марсель предложил большую сумму — 1 миллион 600 тысяч швейцарских франков (в конце концов матч перехватила Москва, предложив ту же сумму).

Судьбой матч-реванша особенно был озабочен Кин, опасавшийся, что Лондон опять лишат возможности провести матч на первенство мира, организации которого он и его коллеги отдали столько сил и времени. Дни, оставшиеся до 13 января, когда Кампоманесу предстояло объявить место проведения матча, были для всех нас очень тревожными. Стало известно, что Кампоманес полетел в Вену, где тогда играл Карпов. Действия президента ФИДЕ — сначала проконсультироваться с претендентом, а уже потом с чемпионом — выглядели странно (хотя для президента ФИДЕ Кампоманеса естественно). После серии бесплодных переговоров Кампоманес объявил, что решение не принято.

Ситуация стала невыносимой, и 18 января я во всеуслышание заявил, что отказываюсь играть матч. Дело было не только в принципах. Вся эта околошахматная возня сделала невозможной серьезную подготовку к игре. Конечно, я понимал, что Карпов тоже не будет готов к февралю. Почему же тогда он так настаивал на скорейшем проведении матча? Просто он знал, что в феврале я окажусь без тренерской поддержки, так как Дорфман и Тимощенко не смогут выехать за границу в это время. За месяц до предполагаемого начала матч-реванша оба вдруг стали «невыездными». Более того: Тимощенко и Владимирову армейский Спорткомитет даже не дал разрешения приехать ко мне на сбор. И вообще, начиная с 1983 года для выезда на сборы им стало требоваться разрешение самого высокого начальства — вплоть до министра обороны СССР!

Мое заявление, конечно, очень обрадовало покровителей

Карпова: снова, как и летом 1985 года, они получили предлог для того, чтобы попытаться дисквалифицировать меня. На заседании Шахматной федерации, экстренно собранном 21 января, Севастьянов именно так и сказал: либо я соглашаюсь играть в феврале, самое позднее — в марте, либо Карпова объявят чемпионом. Я продолжал упорствовать: к чему такая спешка? почему я должен играть два матча в течение одного года — такого никогда не было? Мне объяснили, что срывается график проводимых ФИДЕ региональных и международных турниров. Опять старая игра в «пинг-понг»: наша федерация говорит, что мы должны это сделать, потому что таково требование ФИДЕ, потом ФИДЕ возвращает шарик назад, ссылаясь на нашу федерацию, чье мнение следует уважать, потому что она самая крупная в мире. И так до бесконечности.

Они действовали так, будто в стране ничего не изменилось. Но не будем забывать: был уже 1986 год, а не 1985-й и уж тем более не 1983-й. Время циничных расправ уходило в прошлое. К тому же ситуация затрагивала не меня одного: из-за того, что наше с Карповым противоборство затянулось, циклы двух чемпионатов мира наложились один на другой. Нужно было считаться с интересами остальных участников — Соколова, Ваганяна, Тиммана, Юсупова. Поэтому вместо матч-реванша я предложил провести матч-турнир трех — с участием меня, Карпова и победителя матчей претендентов, чтобы разом покончить с двумя циклами и восстановить традиционную систему розыгрыша первенства мира. Но Карпов категорически отверг эту идею.

19 января в обострившейся до предела ситуации от англичан пришел в Москву телекс следующего содержания:

«Мы считаем, что при двухлетнем цикле розыгрыша чемпионата мира восстановление матч-реванша нежелательно. Это приведет к нарушению графика международных турниров. Однако мы подчеркиваем, что в идеале это должны решать сами заинтересованные участники. Пользуемся случаем повторить наше предложение, что если матч-реванш состоится, то Лондон, Британская шахматная федерация и Совет Большого Лондона очень хотели бы, чтобы первые 12 партий прошли в Лондоне, а остальные 12 — в Ленинграде. Считаем существенно важным, чтобы все проблемы относительно организации матч-реванша были решены по-дружески и к взаимному удовлетворению чемпиона Каспарова и претендента Карпова. Исключительно важно также, чтобы никакие не шахматные проблемы не нанесли ущерб шахматному движению и его престижу в мире. В особенности хотелось бы избежать тупиковых ситуаций, подобных тем, что

имели место в 1975 и 1983 годах».

Это послание призвано было разрядить обстановку, предложить возможный вариант решения и привлечь к обсуждению самих участников. Я всегда заявлял о своей готовности вести переговоры и выслушивать различные точки зрения. Но в данном случае я считал, что решение о проведении матч-реванша несправедливо. В то же время он стал уже частью регламента, а значит, и фактом, с которым мне предстояло считаться. Я знал, что рано или поздно надо будет защищать свой титул, но было важно, чтобы передышка длилась подольше.

Нахождению компромиссного решения способствовал политический фактор. В феврале должен был открыться XXVII съезд КПСС, и поэтому спортивное руководство совсем не было заинтересовано в публичном скандале — а моя дисквалификация, без сомнения, вызвала бы скандал, да еще с оглаской на весь мир. В этих условиях Карпов не мог позволить себе выглядеть зачинщиком конфликта. Теперь уже не стоял вопрос о том, состоится матч или нет, оставалось только решить — насколько он будет отодвинут?

22 января у нас с Карповым состоялась официальная встреча, организованная Шахматной федерацией СССР, где был выработан текст совместного соглашения, поставившего Кампоманеса перед свершившимся фактом. Ключевым для меня моментом было то, что матч не мог состояться раньше июля! Вот текст соглашения:

Чемпион мира Гарри Каспаров и экс-чемпион мира Анатолий Карпов, рассмотрев создавшуюся сложную ситуацию в розыгрыше первенства мира и желая устранить возникшие разногласия и избежать в случае отсутствия договоренности принятия ФИДЕ каких-либо чрезвычайных мер, согласились о нижеследующем:

1. Матч-реванш на первенство мира между ними, предусмотренный правилами ФИДЕ 1985 года, состоится.

2. Он должен начаться в июле — августе 1986 года. Такая отсрочка от ранее установленного срока необходима обоим шахматистам для отдыха и восстановления сил после того, как они в течение 14 месяцев сыграли между собой 72 партии в двух матчах.

3. Надеясь, что это их желание с пониманием будет встречено руководством ФИДЕ и всем шахматным миром, они полагают, что суперфинал (матч между победителем соревнований претендентов и экс-чемпионом мира) может быть проведен в феврале 1987 года, а следующий матч на первенство мира в июле — августе 1987 года.

4. Г. Каспаров и А. Карпов берут друг перед другом обязательства: а) ни один из них не будет играть матч с

победителем соревнований претендентов до тех пор, пока не закончится матч-реванш между ними; б) победитель матч-реванша гарантирует проигравшему, что он не будет встречаться в матче на первенство мира с победителем соревнований претендентов, пока последний не сыграет матч с экс-чемпионом мира; в) при любых обстоятельствах наша позиция, изложенная в пунктах а) и б) останется неизменной.

5. Рассмотрев полученные от президента ФИДЕ 16 декабря 1985 года заявки на организацию матч-реванша от городов Ленинграда и Лондона, Г. Каспаров и А.Карпов выражают желание играть матч в г. Ленинграде.

Если, однако, эти организаторы или один из них снимут свои предложения в связи с изменением сроков матча, участники готовы рассмотреть другие предложения, поступившие в установленном ФИДЕ порядке, желательно до 1 апреля 1986 года, с тем чтобы место, сроки матч-реванша и состав арбитров были объявлены в течение месяца после этого.

Документ зафиксировал сложившееся шаткое равновесие сил: я не смог отбиться от навязанного матч-реванша, но и абсолютный диктат Карпова подошел к концу.

Соглашение подписали трое — Карпов, Севастьянов и я, после чего оно было единогласно поддержано руководством федерации. Затем мы с Карповым отправились в Люцерн, в штаб-квартиру ФИДЕ, чтобы добиться принятия нашего соглашения и определить место проведения матча.

Тогда я искренне верил в значимость нашей миссии, полагая, что, выступив единым фронтом с Карповым, нанесу ощутимый удар позициям Кампоманеса. Действительно, Кампоманес выглядел очень мрачным и постоянно жаловался на невыносимый диктат Советской федерации, которому он должен подчиниться, дабы избежать раскола в шахматном мире. Игравшие роль статистов другие руководящие деятели ФИДЕ дружно поддакивали президенту, шумно выражая неудовольствие советским ультиматумом. Я был страшно горд достигнутой дипломатической победой и считал, что альянс моих врагов дал серьезную трещину. Правда, прилетевший вслед за нами в Люцерн зампред Госкомспорта Гаврилин осторожно поддержал попытку Кампоманеса «спасти лицо», предложив начать матч в мае, но, воодушевленный успехом, я решительно отверг это предложение.

Лишь позже я осознал, что стал жертвой весьма искусной мистификации. Конфликт между ФИДЕ и нашей федерацией носил показной характер и возник из-за того, что изменившаяся внутриполитическая ситуация сорвала совместно подготовленный

план действий против меня. А все детали предстоящего матч-реванша были на самом деле решены во время секретной встречи в Цюрихском аэропорту между Кампоманесом, Гаврилиным и представителем Британской шахматной федерации Андертоном.

В конечном счете матч был разделен между Лондоном и Ленинградом. Изначально планировалось провести весь матч в Советском Союзе, но тут подоспело новое правило ФИДЕ, согласно которому ни одна федерация, в данном случае Советская, не может быть организатором двух матчей на первенство мира подряд.

Дни в Люцерне запомнились мне еще и удивительно ровными отношениями с Карповым. Глядя со стороны, нас вполне можно было принять за закадычных друзей — все свободное время мы сражались в карты (вместе с моим другом, журналистом и компьютерщиком, Фридериком Фриделем). Даже видавший виды Кампоманес несказанно удивился столь идиллической картине, обнаружив нас в разгар карточных баталий в моем номере. Впрочем, появившиеся иллюзии вскоре исчезли, столкнувшись с реальной действительностью…

Вернувшись домой, я узнал о начавшейся травле Дорфмана во Львове и Тимощенко — в Новосибирске. Решение тренерской проблемы отняло немало сил и нервов, включая вынужденную поездку в Новосибирск для переговоров с тамошним военным начальством.

В мае я снова отправился в Европу, на этот раз совершив целое турне. Сначала полетел в Базель, где меня ждал тренировочный матч с английским гроссмейстером Энтони Майлсом. После того как я выиграл со счетом 5,5:0,5, он патетически воскликнул: «Я думал, что буду играть с чемпионом мира, а не со стоглазым чудовищем!» Затем я получил «Оскара» в Барселоне и совершил ознакомительную поездку в Лондон.

Прилетев в Баку, я немедленно заперся на своей загульбинской базе, целиком сосредоточившись на предматчевой подготовке. Времени оставалось в обрез, но накопленный в предыдущих матчах опыт помог выделить главное и решить основные проблемы. Тренерский коллектив работал на редкость продуктивно, и сейчас как-то не верится, что это был наш последний совместный сбор…

Нож в спину

В июле 1986 года спортивные делегации соперников прибыли в Лондон. Как и прежде, наш матч с Карповым отличался новизной ситуации — впервые два советских шахматиста провели матч между собой за рубежом. Похоже, это обстоятельство несколько смущало организаторов. Так, например, советский флаг появился на здании «Парк-лейн-отеля», где проходил матч, не сразу, а спустя несколько туров. Любопытно, что Большой бальный зал, где игрались партии, находился под землей — на «минус втором» этаже и был во время войны избран Уинстоном Черчиллем в качестве запасного зала заседаний палаты общин на случай, если здание парламента подвергнется бомбардировке.

Мою делегацию возглавлял Сиявуш Еганов, шеф азербайджанского «Интуриста», человек веселый и общительный. Верный кавказским обычаям, он послал премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер подарок — национальные чайные стаканы. Кроме тренеров — Никитина, Дорфмана, Владимирова и Тимощенко со мной поехали врач Халид Гасанов, мама и Виктор Литвинов. Непосредственно связанный с проблемами спорта в Азербайджане, Литвинов оказал мне огромную помощь.

В Лондоне я стремился к тому, чтобы не давать пищу разговорам о вражде между Карповым и мною: мы оба были теперь посланцами своей страны. На пресс-конференции я сказал, что «стою на прежних позициях, но в ближайшие месяцы наша борьба разрешится не на уровне слов, а на уровне шахматных ходов».

Некоторые газеты были категоричны: «Это война! Да, боксерских перчаток не видно, но это не может ввести в заблуждение: налицо война». В «Spectator» говорилось: «Если бы взгляды могли убивать, то величайший матч в истории шахмат закончился бы еще до того, как он начался прошлым вечером».

Наибольший интерес у публики вызвал контраст между нами. Писали об этом так: «Всякому состязательному спорту нужны герои, узнаваемые публикой. В теннисе ими были Макинрой и Борг, затем Беккер и Лендл; в биллиарде — Хиггинс и Дэвис.

Десять лет шахматным миром правил спокойный, сдержанный и осторожный Карпов. Когда его сверг с трона импульсивный и наделенный изрядным темпераментом Каспаров, шахматы как спорт неожиданно ожили вновь. Если СССР стремится создать себе новый образ, Каспаров может быть одним из лучших его представителей».

К церемонии открытия матча Большой бальный зал был превращен в гигантскую шахматную доску, украшенную по углам огромными ладьями. Даже Маргарет Тэтчер появилась на церемонии, одетая в соответствующем духе: на ней были черный костюм и белая с черными квадратиками блуза. Она напомнила собравшимся, что министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе во время визита в Лондон подарил ей комплект шахмат. «Я в полной мере оценила его дипломатичность, поскольку комплект был бело-голубой», — добавила она (голубой — цвет консервативной партии). Тэтчер охарактеризовала качества, необходимые большому шахматисту — точность мышления, воображение, хорошая физическая форма. Она отметила, что такие же качества необходимы и хорошему политику, но шахматы ограничены во времени, а дело политика не завершается никогда. Появление премьер-министра Великобритании на открытии матча показало, что, хотя розыгрыш мирового первенства по-прежнему оставался «внутрисоветским» делом, престиж шахмат во всем мире значительно вырос.

На всех нас произвел впечатление уровень интереса к шахматам в Великобритании. Каждый день за билетами выстраивалась длинная очередь. Здесь, по словам «Times», были «и загорелые туристы в куртках-аляскаx, по виду которых можно было предположить, что они только что успешно штурмовали альпийские вершины; и люди постарше, с крупными восточно-европейскими чертами лиц, за которыми скрывается, по-видимому, глубокое и серьезное понимание шахматной игры; и девушки, одетые с иголочки; и солидные конторские служащие, только что покинувшие рабочие места».

Новейшая технология позволяла немедленно передать каждый ход на мониторы: фигуры и доска были оснащены чувствительными устройствами, соединенными с компьютером. Эта система, созданная Дэвидом Леви и Кевином О'Коннелом из фирмы «Intelligent Chess Software», повысила зрелищность шахмат, существенно облегчив их показ по телевидению. Один комментатор писал: «Главная функция чемпиона и претендента в их состязании на сцене бального зала — сделать ход. Он сразу передается на тысячи телеэкранов, разбросанных по всему отелю. В барах, комнатах для совещаний, помещениях для прессы, фойе, просмотровых и демонстрационных залах, курительных тут же начинается обсуждение новых возможностей… Шахматы, пожалуй, единственная игра в мире, которая не привлекает зрителя как такового: здесь все — участники!»

Мы жили недалеко от Кенсингтон-гарден, в просторном доме, найденном для нас Эндрью Пейджем — англичанином, с которым

накануне лондонского матча я заключил не совсем обычный договор и который стал моим западным менеджером. Впервые мы с ним встретились в 1983 году, когда он вел со мной переговоры от имени компьютерной фирмы «Scisys». Позже, когда контракт нужно было перезаключить (все модели шахматных компьютеров, выпускаемые фирмой, получали название «Каспаров»), мы обсудили возможность непосредственного сотрудничества. Наличие на Западе человека, ведущего от моего имени переговоры со спонсорами и организаторами, давало очевидные преимущества. Трудно было бы заниматься этим прямо из Баку, в особенности для такого молодого человека, как я, не имеющего опыта коммерческой деятельности. Кроме всего прочего, это экономило мне массу времени. К сожалению, эта разумная мера вызвала много нареканий со стороны официальных лиц, которых начинала пугать моя растущая независимость.

В отличие от прошлого матча, в стартовой партии все обошлось без волнений — ничья на 21-м ходу. Хотя следует отметить, что впервые в своей практике я применил защиту Грюнфельда — довольно ответственный эксперимент для матча такого уровня. И в 3-й партии этот дебют позволил мне черными без особых хлопот сделать ничью.

Моя игра белыми была агрессивной. Правда, во 2-й партии, добившись большого позиционного перевеса, я в цейтноте упустил форсированный выигрыш, но победой в 4-й вполне мог гордиться — нестандартные решения в миттельшпиле и уверенная реализация перевеса в эндшпиле позволили создать цельное произведение. Увы, равновесие в счете было тут же восстановлено: в 5-й партии Карпов серией сильных и уверенных ходов опроверг подготовленный мною дома крайне рискованный дебютный план. 6-я партия, в которой мне после чересчур активной игры в дебюте пришлось кропотливой защитой спасать худший эндшпиль, послужила как бы прологом к двум захватывающим поединкам.

В 7-й партии «оригинальная» трактовка дебюта вновь привела меня на грань катастрофы, однако, получив стратегически выигрышную позицию, Карпов вместо наступления на королевском фланге переключился на другой участок доски, тем самым позволив черным создать контригру. Вскоре мне удалось окончательно захватить инициативу, но в обоюдном цейтноте я не нашел сильнейшего продолжения, и поединок завершился вничью. Накал борьбы был очень высок, но все же он не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило в следующей партии.

Пожертвовав пешку сразу по выходе из дебюта, белые получили богатые атакующие возможности, и могло показаться,

что оборонительные порядки черных на королевском фланге будут быстро сметены. Но Карпов, проявив завидную цепкость в защите, сумел отразить первый натиск. Правда, белые могли выиграть качество, но тогда бы позиция упрощалась и черные имели неплохую позиционную компенсацию. Поэтому я предпочел еще больше осложнить игру, надеясь использовать надвигающийся цейтнот соперника.

Похожий сюжет встречался на старте безлимитного матча, и, видимо, памятуя о своих прошлых достижениях, Карпов решил сыграть на победу. Но на этот раз выдержать напряжение борьбы ему оказалось не под силу. Не сумев сориентироваться в стремительно меняющейся обстановке, он просрочил время за 10 ходов до контроля — случай уникальный в матчах на первенство мира! Последующий анализ показал, что в этот момент угрозы белых были уже неотразимы. Один из гроссмейстеров сказал: «Цейтнот был таков, что у меня свело живот от волнения. Это была жуткая партия, но в осложнениях нервы Каспарова оказались крепче».

Побывав в нокдауне, Карпов вынужден был взять тайм-аут. И все же он не смог полностью прийти в себя к следующему поединку. После того как мне черными удалось получить полноправную игру, он сразу же форсировал ничью повторением ходов. А в 10-й партии неточная игра Карпова в чуть худшем эндшпиле дала мне серьезные шансы на победу. Однако, проскочив по инерции контрольный, 40-й ход, я тут же допустил ошибку, позволившую черным защититься.

Несмотря на отсутствие ясного пути к выигрышу, отказ от доигрывания был с моей стороны непростительной психологической уступкой. Во-первых, Карпову предстояло еще проявить известную точность, во-вторых, после тяжелой защиты ему было бы очень трудно переключиться на активную игру. А избежав утомительного доигрывания, Карпов в 11-й партии дал настоящий бой, предложив в дебюте обоюдоострую жертву качества. В итоге эта волнующая битва, завершившаяся ничьей, получила по рекомендации ведущих английских гроссмейстеров специальный приз фирмы «Save and Prosper».

К тому моменту очереди за билетами превратились в толпы, и в Грин-парке пришлось установить огромную демонстрационную доску для тех, кто не попал в зал. «Observer» писал: «Каспаров и Карпов проявили величайшее мастерство, доступное человеческому разуму; собственно, оно лежит за пределами разума, потому что научиться так играть нельзя. Они играют на таком уровне, на таком пределе сложности, который доступен только им. Даже когда некоторые из их партий близки к

завершению, всемирно известные гроссмейстеры не могут определить, кто же из них победит».

Столь восторженная оценка нашей игры оказалась поспешной — впоследствии выяснилось, что по ходу 11-й партии соперники обменивались ошибками, кардинально менявшими оценку позиции. На мой взгляд, 4-я партия имела больше оснований быть отмеченной, но, признав 11-ю лучшей из сыгранных в Лондоне, англичане лишний раз подчеркнули свой нейтралитет. Приз в 10 тысяч фунтов стерлингов (выданный золотыми соверенами) был поровну разделен между обоими участниками.

На фоне предыдущих треволнений 12-я партия выглядела довольно пресной: минимальный перевес белых быстро испарился, и на 34-м ходу была зафиксирована ничья.

Итак, лондонская половина матча завершилась с результатом 6,5:5,5 в мою пользу. В целом у меня не было оснований для недовольства — и счетом, и игрой. Смущало, правда, то, что большая предматчевая дебютная подготовка не приносила желанных плодов. Однако общий характер борьбы мне нравился, и было не видно, за счет чего Карпов может выиграть в Ленинграде с преимуществом в два очка?

Матч был прекрасно организован, во многом благодаря щедрой финансовой помощи, которую завещал Совет Большого Лондона, «похороненный» правительством Тэтчер. На церемонии закрытия бывший премьер-министр лейбористского правительства лорд Каллаган не без иронии заметил по этому поводу: «Шекспир не всегда прав, говоря, что зло, содеянное людьми, живет после их смерти, а добро часто бывает захоронено вместе с их останками».

Призовой фонд лондонской половины матча действительно мог помочь многим людям. Дело в том, что, узнав о чернобыльской трагедии, я заявил о своей готовности перечислить валютную долю своего будущего приза на закупку медикаментов для пострадавших от взрыва ядерного реактора. Вскоре ко мне присоединился и Карпов, Но наша совершенно естественная человеческая реакция не встретила понимания ни в ФИДЕ, ни в Госкомспорте СССР.

Сначала Кампоманес категорически потребовал, чтобы один процент призового фонда за каждую ничью по-прежнему шел в кассу ФИДЕ. А затем настал черед руководства Госкомспорта продемонстрировать свои «хозрасчетные» способности. Перед нами была выстроена следующая логическая цепочка. Так как на московских матчах решением Совета Министров СССР был установлен приз в 72 тысячи рублей, то нет никаких оснований пересматривать расценки и в матч-реванше. Ввиду того, что матч

разбит на две половины, то же самое должно быть проделано и с призом: 36 тысяч рублей в Ленинграде и 36 тысяч рублей (уже инвалютных) в Лондоне. Отсюда вытекает, что Каспаров и Карпов могут распоряжаться только указанной суммой, то есть из 691 тысячи швейцарских франков, что в тот момент по официальному курсу составляло 290 тысяч инвалютных рублей (выплаченных нам лондонскими организаторами в пропорции: 5/8 победителю и 3/8 проигравшему), в фонд Чернобыля Госкомспорт перечислил только 36 тысяч инвалютных рублей! 290 тысяч и 36 тысяч — разница, как видим, очевидная. Но еще более очевидна в данном случае разница между человеческой моралью и моралью чиновничьей.

Через месяц после начала матча мы покинули Лондон. Когда самолет поднялся в воздух и взял курс на Ленинград, я взглянул на широкую лондонскую реку подо мною и подумал: «На Темзе все спокойно, но что ждет меня на берегах Невы?»

Мы с Карповым летели одним самолетом. Вместе с моими тренерами играли в карты, чтобы как-то скоротать время и хоть на эти несколько часов полета выкинуть из головы шахматы — увы, безуспешно. После приземления в Ленинграде произошел эпизод, привлекший внимание журналистов: чемпион уехал из аэропорта на «Волге» с бакинским номером, а претендента увезли на ведомственной «Чайке» в сопровождении эскорта военной автоинспекции. Местные власти сразу дали понять, кто здесь «свой». И в дальнейшем организаторы старались, чтобы я не забывал, что играю на чужом поле.

Итак, с берегов Темзы мы переместились на берега Невы. Наша команда расположилась в трехэтажном особняке на Каменном острове. Карпов поселился рядом, на том же Каменном острове. Впервые за три матча штабы соперничающих сторон оказались в непосредственной близости — в пределах прямой видимости! Неожиданное соседство возникло по желанию Карпова, который отказался от заранее подготовленного для него загородного особняка.

Сам матч проводился в концертном зале гостиницы «Ленинград». Севастьянов, который здесь в последний (как я полагал) раз представлял Шахматную федерацию СССР в качестве ее председателя, заявил прессе: «Мы надеемся, что вторая половина матча, проводимая в Ленинграде, будет такой же творческой, еще более интересной в спортивном отношении и столь же хорошо организована, как лондонская часть соревнования». Но не все представители прессы чувствовали себя здесь уютно, а некоторые так и не получили аккредитацию на соревнование.

Журналист Юрий Рост писал в «Литературной газете»: «К технической организации матча предъявить претензии нельзя. Зал прекрасен, света много, кресла мягкие, пресс-центр оборудован первоклассно, связь налажена. Но отчего же все-таки беспокойство? И только после того как у тебя двести раз проверят пропуск, велят сдать книжку, папку, газету или черт-те что на хранение и ты войдешь в зал, поймешь, что тревожит: тебя в чем-то подозревают. В зале большей частью не те, кто хотел в него попасть, а те, кто сумел, но и эти избранные под неусыпным оком дружинников, имеющих быть в таком количестве, словно здесь не благородное собрание почитателей двух выдающихся шахматистов, приверженцев мудрейшей из игр, а слет ветеранов Хитрова рынка, Молдаванки и Лиговки».

Я не знал всего этого, поскольку находился не в зале, а на сцене, за шахматной доской. Знал только, что Ленинград — территория Карпова и что необходимо все время быть начеку, чтобы не дать ему возможности использовать преимущество родных стен.

Позже я узнал, как нелегко было руководителю моей команды наладить питание и решить другие бытовые вопросы. Потребовалось даже обратиться с официальным письмом к городским властям. От меня, естественно, многое скрывали, но могу представить, что тогда пришлось пережить моему окружению. По мере того как эпопея трех матчей 1984–1986 годов уходит в историю, постепенно раскрывается все многообразие приемов холодной войны, которая вряд ли могла вестись без официальной поддержки… До сих пор мы не перестаем удивляться, как нам удалось тогда выдержать и не дрогнуть.

В 13-й партии, открывавшей ленинградскую половину матча, Карпов избрал в защите Грюнфельда ту же систему, что и в 3-й партии. На этот раз он, правда, уклонился от быстрых упрощений и применил более активный план. В сложной, маневренной борьбе белые владели игровой инициативой. Но затем Карпов неосмотрительно допустил вскрытие игры на королевском фланге, и в один момент я мог решить исход поединка прямой атакой на короля. К сожалению, в дело вмешался цейтнот, я ошибся, и эта многострадальная партия закончилась вничью.

На следующей партии следует остановиться особо. Пожалуй, впервые в своей матчевой практике Карпов черными решился играть на победу. Такая установка шла вразрез с его обычной стратегией, основой которой является максимальное ограничение возможностей соперника. Неудивительно, что ареной для предстоящего сражения Карпов избрал испанскую партию — дебют, по праву считающийся одним из самых сложных в

стратегическом отношении. Искусная трактовка испанской партии позволяет судить о классе шахматиста, а умение разыгрывать ее за обе стороны — признак высочайшего мастерства. В активе Карпова немало впечатляющих «испанских» побед как белыми, так и черными.

Я обрадовался выбору соперника, собираясь использовать свои разработки в этом дебюте, который издавна считался вотчиной Карпова. К счастью, заготовленную новинку опробовать не удалось: Карпов первым применил усиление. К счастью — потому, что, столкнувшись с новой позицией и вынужденный разбираться в ее хитросплетениях непосредственно за доской, я сыграл одну из своих самых тонких позиционных партий! Непонятное на первый взгляд маятниковое движение ладьи, предопределившее перевес белых, наверное, напомнило Карпову его собственные победы в испанской партии, ставшие уже классическими. Смущенные нестандартным стратегическим рисунком борьбы, комментаторы долго не могли правильно оценить позицию. Все стало ясно лишь после того, как позиционный перевес белых трансформировался в окончание с лишней пешкой. Тогда уже вердикт был однозначным: у черных нет никаких шансов на спасение. И действительно, Карпов сдался без доигрывания.

Перед 15-й партией я взял второй тайм-аут. Мой перевес в два очка вынуждал соперника стремиться к максимальному использованию белого цвета, и было очевидно, что защита Грюнфельда подвергнется новому испытанию на прочность. Агрессивные намерения Карпова подтвердил руководитель его делегации. Появившись в пресс-центре перед началом партии, А. Тупикин многозначительно пообещал: «Сегодня мы начинаем!»

Перед началом партии произошло нечто странное. У меня и, очевидно, у Карпова попросили согласия на небольшую церемонию с участием вице-президента ФИДЕ Туделы. Эта церемония началась за две-три минуты до того, как должны были быть пущены часы. Вышедший на сцену Кампоманес представил Туделу публике, потом что-то говорилось с самыми лучезарными улыбками, затем мне и Карпову были вручены памятные значки Венесуэльской федерации шахмат… Этот спектакль был нелеп и смешон, партия началась на пять-шесть минут позже обычного. Не идет ли это от внутреннего убеждения функционеров ФИДЕ в том, что шахматисты, сами шахматы вторичны по отношению к ним?

Во время церемонии я заметил, как все это тяготит Карпова — он рвался в бой!

На этот раз меня ждала новинка в очень агрессивной и

принципиальной системе защиты Грюнфельда, которую на Западе окрестили «русской». Карпов продемонстрировал важное усиление по сравнению со знаменитой партией Ботвинник — Фишер (Варна, 1962). После долгого обдумывания я отступил конем на пассивную позицию, чем явно смутил Карпова. Он не нашел правильный план, после чего мне удалось удачно расположить свои фигуры и получить достаточную контригру. Ничья явилась закономерным результатом напряженной борьбы.

А 16-я партия стала одной из лучших, сыгранных мною в матче. Столкновение глубоких стратегических планов, жертвы и контржертвы, нагромождение головоломных вариантов — все то, что олицетворяет борьбу высочайшего накала и требует от соперников полной отдачи, было в этой схватке. Долгое время казалось, что позиция Карпова лучше. Это впечатление усилилось после того, как его ладья проникла на мой ферзевый фланг, чтобы расправиться с отбившимся конем белых. До 32-го хода наблюдавшие за игрой гроссмейстеры были уверены, что я проигрываю. Но тут ситуация на доске резко изменилась. Перед лицом бесчисленных, не поддающихся расчету вариантов Карпов утратил контроль над позицией и переступил роковую черту. Когда на 37-м ходу я нанес смертельный укол незащищенной пешкой, зал взорвался аплодисментами! Главный арбитр Лотар Шмид энергично замахал руками, призывая зрителей соблюдать тишину, и на какое-то время это ему удалось. Когда же я вернулся на сцену, чтобы оформить бланки с записью партии, зрители вновь наградили меня овацией. Карпов покинул сцену без традиционного рукопожатия.

Во время работы над книгой «Два матча», вышедшей в издательстве «Физкультура и спорт» в 1987 году, я потратил две недели, чтобы продраться сквозь дебри вариантов, и обнаружил, что наша игра в этой партии далека от совершенства. Но это, думаю, не может испортить общего впечатления от грандиозного сражения…

Теперь я на три очка опережал Карпова и просто не видел, каким образом можно проиграть матч. Подобная самоуспокоенность очень опасна, и вскоре мне пришлось в этом убедиться.

Психологическая неподготовленность обернулась для меня в 17-й партии полным разгромом. Мне ни в коем случае не следовало искушать судьбу, повторяя дебют 15-й партии. Ведь у соперника уже было наготове серьезное усиление, которое за доской мне показалось чуть ли не опровержением всей системы. Не сумев настроиться на упорную защиту, я быстро проиграл. Отмечу, что через месяц, на турнире в Тилбурге, Тимман решился

во встрече с Карповым продолжить дискуссию в этом варианте, и белым не удалось привести убедительных доказательств своего перевеса — ничья.

В следующей партии я, по словам обозревателей, играл в «блестящие и оригинальные шахматы». Два моих хода особенно поразили комментаторов. Один из них писал: «Типично по-каспаровски! Вся доска охвачена пламенем». И хотя в один момент я не нашел сильнейшего продолжения атаки, белые все равно сохраняли инициативу. Несмотря на нехватку времени, я в пылу борьбы отказался от возможности форсировать ничью повторением ходов, и поначалу мой расчет оправдался. За три хода до контроля у меня была абсолютно выигранная позиция, но, окончательно потеряв голову в сильном цейтноте, я отложил партию уже в трудном для себя положении. При доигрывании Карпов победил, но для этого понадобились еще две мои грубые ошибки.

Я взял тайм-аут, чтобы прийти в себя после такого града ударов. Обозреватели тоже были сбиты с толку. Один из них написал: «Мнение такое: после блестящей шахматной пиротехники в 16-й партии молодой чемпион стал жертвой двойного зла — самоуверенности плюс ошибочной уверенности, что результат матча уже предопределен. Это может ему дорого обойтись». Меня и самого все это беспокоило. Я спрашивал себя: «Неужели я это заслужил? Не было ли все происшедшее наказанием за недостаточные усилия в прошлом?»

Играть после двух поражений подряд очень трудно, да и, что скрывать, страшновато — подвохи мерещатся в самых надежных системах. Решено было продолжить спор в защите Грюнфельда, хотя благоразумнее была бы, конечно, смена дебюта. Но это я сделал лишь в 21-й партии, а в 19-й применение нового начала — есть все основания так полагать! — не отразилось бы на боевой готовности соперника. Система, на которой я остановил свой выбор, дает черным, как показала последующая практика (в частности, матч в Севилье), достаточную контригру. Однако за несколько дней мне не удалось вникнуть во все тонкости позиции. Столкнувшись с очередной новинкой Карпова, я растерялся, начал объективно невыгодные для себя осложнения, в которых тоже не использовал всех шансов. Мое недавнее трехочковое преимущество растаяло, «как сон, как утренний туман…»

И вот тут случилось непредвиденное: после 19-й партии нашу тренерскую группу покинул Владимиров, который более пяти лет был моим близким помощником. Решение об уходе он принял сам! Эта неожиданная развязка объяснила мне многое, чему

раньше я объяснения не находил…

Примеры можно брать наугад.

В Лондоне я применил новый для себя дебют — защиту Грюнфельда. Полагал, что эффект неожиданности будет усилен и малой игровой практикой Карпова в этом начале. Но удивительное дело: встретившись с неожиданным дебютом, соперник не только не растерялся, но и весьма прицельно ударил прямо по узловым точкам наших анализов. Все ловушки Карпов счастливо обходил, все заготовленные удары своевременно и эффективно упреждал… Да и в дальнейшем мне по ходу матча не удалось применить ни одной серьезной новинки, хотя я был готов ничуть не хуже, чем в предыдущем матче.

В 5-й партии я избрал редкое и рискованное продолжение в той же защите Грюнфельда. Карпов нашел опровержение всей идеи минут за двадцать. Это меня насторожило: тщательно готовиться к новому и вовсе не обязательному дебюту Карпов до матча вряд ли мог. А если бы проблема была новой, обдумывание за доской должно было бы занять больше времени. Значит, домашняя заготовка лондонской пробы? Но на старте у Карпова были и другие неотложные проблемы, скажем, в защите Нимцовича, где ему так и не удалось достичь уравнения. Трудно понять, как меньше чем за неделю его команде удалось подготовить сложный вариант с важным усилением, причем не на главном, а на побочном направлении. Поразительный дар предвидения!

А в 4-й партии Карпов, по существу, закрыл целый вариант защиты Нимцовича, применив продолжение, значившееся среди наших аналитических секретов. Совпадение анализов, вполне возможное в данном случае, продолжалось до хода слоном, сделанного Карповым довольно быстро, но на поверку оказавшегося второсортным. Удивительно то, что мы тоже считали его лучшим! Комментаторы же быстро нашли сильнейшее продолжение, которого не видели ни мы, ни Карпов. Наша близорукость объяснялась просто: мы искали перевес за белых. Но Карпов-то в поисках защиты за черных должен был при серьезном домашнем анализе обнаружить этот ход? Итак, совпали не только анализы, но и «дыры» в анализах!

Подобные психологические загадки возникали у меня почти после каждой партии. То полное совпадение узконаправленных аналитических поисков — вплоть до ошибочных оценок отдельных ходов и позиций, то необъяснимое предугадывание сюжета предстоящих встреч…

После 7-й партии я высказал предположение об утечке информации. После же 12-й заявил, что информация скорее всего

передается кем-то из своих. Ситуация сложилась так, что подозрения пали на Тимощенко. Из-за его крайнего индивидуализма существовал определенный разлад между ним и всей командой. Перед матч-реваншем Тимощенко полностью переключился на работу со мной вдвоем, без тренерской группы. А в Лондоне он даже жил отдельно от нас, в отеле. К тому же Тимощенко был обижен тем, что я не назначил его своим официальным секундантом. Он заявил, что больше не считает себя связанным какими-либо обязательствами и после лондонской половины матча уедет на армейское соревнование. Когда я в очередной раз поделился с тренерами своими сомнениями по поводу утечки информации, Владимиров сказал, что это маловероятно. Но тут же добавил: «А если подозрения верны, то это — Тимощенко». Однако все боялись поверить в это. «Просто Карпов угадывает». Но угадывал он что-то уж слишком часто!

В Ленинграде я немного успокоился, понимая, что играю лучше Карпова, и собирался увеличить свой перевес. Это удалось, как вы помните, уже в 14-й партии, хотя Карпов снова легко сориентировался в новой для себя дебютной позиции. Поэтому к радости победы примешивалось чувство тревоги. Ведь Тимощенко уже уехал, а чудеса продолжались.

Перед 16-й партией я предупредил маму: «Сегодня буду жертвовать коня, так что не падай в обморок». Но соперник, заблаговременно применив новый ход, снова избежал опасной заготовки. Правда, мне показалось, что делал он свой ход без энтузиазма.

Было такое ощущение, будто весь вариант подготовлен им на скорую руку. После страшных осложнений боевые порядки Карпова были смяты, перевес достиг трех очков. В обстановке всеобщей эйфории мое недоумение и тревогу — «Что же все-таки происходит?! Карпов опять попал в десятку!» — никто не воспринял всерьез. Именно тогда Владимиров впервые обмолвился, что сразу после матча уйдет из команды.

Последующие события приняли совершенно непредвиденный оборот: я потерпел три поражения подряд. Проигрыш 17-й партии, честно говоря, не очень меня расстроил, я просто не был готов к серьезной игре. Другое дело — 18-я! В очерке друга Карпова журналиста Игоря Акимова «Осень на Каменном острове», опубликованном в журнале «Студенческий меридиан», есть поразительное свидетельство. Над позицией, случившейся в 18-й партии, Карпов провел бессонную ночь накануне встречи. Более того, он был совершенно убежден: именно эта позиция «завтра будет стоять»! Акимов тут же спешит заверить читателя,

что «такое предвидение в порядке вещей»! Но возникают вопросы. Почему, например, после двух сокрушительных побед в «испанке» я должен был поменять руку — начать партию не королевской, а ферзевой пешкой? Но, даже зная дебют, как можно было предвидеть, что именно «завтра будет стоять», если я собирался применить продолжение, еще не встречавшееся в моей практике? При этом быть уверенным, что 10-й ход будет для Каспарова сюрпризом! Это необъяснимо. Или, наоборот, легко объяснимо.

На следующий день невероятное стало очевидным: с домашнего столика Карпова позиция перекочевала на сцену концертного зала гостиницы «Ленинград». Вместо естественного 10-го хода конем, на который мы заготовили сильнейшее возражение, соперник пошел ферзем — обещанный сюрприз для Каспарова! Чего Карпов избегал, никто, кроме нас с ним, не понял. Другое дело, что позиция оказалась не в духе Карпова, и я переиграл его полностью. Но дальше начались чудеса в решете, и партия была отложена в трудной для меня позиции.

Мы анализировали ее всю ночь. У Карпова было три продолжения. В первом, наиболее для меня опасном, удалось обнаружить хороший план защиты: получалась позиция, близкая к ничьей. Во втором варианте мы тоже нашли отличную позиционную ничью. А вот третий путь почти не смотрели — ничья была видна невооруженным глазом (и действительно, ничья там достигалась в один ход). Но Карпов при доигрывании избрал именно это продолжение. Выходит, он зевнул ничью в один ход? Невероятно! Но именно благодаря этому своему промаху он выиграл. Я следовал нашему домашнему анализу, поверхностному из-за нехватки времени, да в общем-то и не требовавшему особых усилий. Ускользнувший от нашего внимания промежуточный шах я обязан был увидеть за доской. Но выбор Карповым откровенно слабого продолжения говорил о многом!

Обстановка в команде накалилась. Сомнения, которые накапливались по ходу матча и до поры до времени разбивались о стену нашего победного благодушия, теперь злорадно встали во весь рост. Впервые мне было сказано, что Владимиров уже полгода переписывает наши дебютные разработки. Тренеры думали, что это делается с моего ведома. Сразу вспомнились частые исчезновения Владимирова, его полная свобода в Лондоне — перед каждой партией он уходил «бегать». Вспомнили, что и за час до доигрывания 18-й партии он тоже ушел в город, а Карпов опоздал к началу доигрывания на 10 минут (по свидетельству его секунданта Макарычева, до самого последнего момента Карпов никак не мог решить, какое же из трех продолжений выбрать).

Решено было принять необходимые меры предосторожности: никому не покидать территорию нашего лагеря, тренерам работать порознь. Владимиров категорически отказался выполнять требования. Я убеждал его, что это не трудно, играть осталось немного. Ведь тренеры Карпова в течение всего матча не ходят даже на партии, не говоря уже о длительных прогулках по городу. Надо проявить выдержку… Но Владимиров все равно ушел. Незаметно, неизвестно куда. Уже одного этого было достаточно, чтобы расстаться с ним.

Тогда же решили на всякий случай снять все телефоны у тренеров. Принес свой аппарат и Владимиров. Однако наутро, в 6 часов, когда мама набрала его номер, на том конце провода сняли трубку, но ничего не ответили. Позже в комнате Владимирова действительно был обнаружен второй аппарат, который он скрывал. Тогда мы решили отключить в доме все телефоны, кроме дежурного.

Обнаружив, что его потайной телефон отключен, Владимиров сорвался: он обвинил нас в шпиономании и заявил, что покидает команду. Тогда руководитель делегации потребовал вернуть шахматные записи. Владимиров возразил, что никаких записей не существует. Но тренеры быстро освежили его память, и он вынужден был их принести. И тут мы увидели, какая большая «игра по переписке» велась за моей спиной. Почему-то в круг интересов Владимирова не попали дебюты, обычно им применяемые, а вошли только те, что были моим главным оружием против Карпова. Мы попросили Владимирова дать письменное объяснение. Вот что он написал:

> *Начиная с февраля 1986 г. во время сборов Г.Каспарова я делал расшифровки тех анализов, в которых принимал участие. Параллельно с беловиками, сданными мной А. Шакарову, я сделал сокращенные копии для себя для последующего использования в турнирах. О существовании этих записей никому из команды я не рассказывал. Записи велись по следующим вариантам:*
>
> *— защита Грюнфельда (главный вариант и вариант с 5. Cf4),*
>
> *— защита Нимцовича (система с 4. Kf3 c5 5. g3),*
>
> *— русская партия (система Розенталиса и главный вариант)*
>
> *Записи предназначались исключительно для собственной практики и ни при каких обстоятельствах не передавались команде Карпова.*
>
> *Чувствуя физическую и психическую измотанность, я*

принял решение добровольно уйти из команды Г.Каспарова.

Даю слово, что в течение по крайней мере двух последующих лет я не буду сотрудничать ни с кем из потенциальных соперников Г. Каспарова.

26. IX. 1986

Е. Владимиров

Все это обескуражило нас. Мы не стали удерживать Владимирова. Всю ночь он ждал у дежурного телефона чей-то звонок и после него ушел. Владимиров сдержал слово — в отношении моих *потенциальных* соперников. Зато, как стало известно, он помогал моему *непосредственному* противнику перед севильским матчем.

Я не могу доказать, что Владимиров передавал свои записи Карпову. Но логика развития событий убеждает меня в этом. Еще в Лондоне я утверждал (даже не зная, что Владимиров ведет параллельные записи), что Карпов получает важную информацию о нашей подготовке.

Как такое могло случиться? Долгие годы мы жили дружной семьей, беседовали на всевозможные темы, полностью доверяли друг другу. Не было у нас и шахматных секретов, все теоретические находки подвергались общему обсуждению; это помогало высветить проблему с разных сторон и обеспечивало высокий уровень подготовки. Мы были объединены общей целью… Уход Владимирова подействовал на меня опустошающе. Я привык видеть врага перед собой, а мне нанесли удар в спину.

Я часто задумывался, что заставило Владимирова пойти на это. Может, на него было оказано давление? Ведь он офицер Советской Армии и состоит с Карповым в одном спортивном обществе — ЦСКА. Но для подобного поступка непременно должны быть какие-то личные мотивы. Владимиров в юности подавал большие надежды, но он слабоволен, ему не хватает трудолюбия, и это повлияло на его шахматную карьеру. Владимиров, как мне кажется, жил в постоянном разладе с самим собой, а в глубине души, возможно, был уязвлен моими успехами, полагая, что его талант достоин их в не меньшей степени.

Но было бы слишком просто объяснить его измену одной лишь завистью. Не исключено, что имеются и другие причины. Кто знает, не хотел ли Владимиров сыграть по отношению ко мне роль судьбы? И мысль остановить человека, замахнувшегося слишком на многое, могла послужить ему оправданием в собственных глазах.

26 сентября ушел Владимиров, а на следующий день, перед 20-й партией, Карпов неожиданно для всех взял свой последний тайм-аут. Это была сенсация! Многие ожидали, что, «пользуясь инерцией наката, Карпов сможет нанести четвертый удар подряд. И Каспаров уже не поднимется». А Карпов… не стал играть. По общему мнению, это было роковой ошибкой! В самом деле, впервые в матче он получил шанс на успех, и вдруг такая нерешительность. Ясно, что для столь ответственного решения должны были быть весьма серьезные основания. Какие? Потом Карпов объяснит, что у него возникли проблемы в дебюте. Видимо, с его «прозорливостью» что-то случилось, и впервые в матче Карпов не знал, что «завтра будет стоять». Столь же необъяснимо на решающем отрезке матча куда-то улетучился его неукротимый бойцовский дух.

Матч вышел на финишную прямую. Участники использовали все свои тайм-ауты, и теперь день каждой следующей встречи был точно известен. Сделав паузу, Карпов упустил психологическую инициативу и дал мне время, чтобы зализать раны. Я был изнурен. Сказывалось напряжение двух предыдущих лет. И в еще большей степени — перегрузки борьбы в матч-реванше.

Целесообразно было сделать передышку. Поэтому в 20-й партии мы остановились на каталонском начале, которое я иногда применял против Карпова с целью избежать осложнений, — в этом дебюте он всегда избирал прочное, но безынициативное продолжение. Обычно эти партии протекали с моим минимальным перевесом и заканчивались миром. Так же завершилась и 20-я партия, где Карпов без особых хлопот вызвал многочисленные размены. Примечательно, что в хорошо знакомой позиции Карпов затратил необычно много времени на дебютную стадию.

Прервав тягостную серию поражений, я почувствовал, что силы возвращаются, и стал обретать былую уверенность в себе. «Двадцать первая — ничья, двадцать вторая — победа», — без всяких сомнений объявил я своей команде. Для этой цели в следующей партии была избрана новоиндийская защита, которая имеет репутацию прочного начала; помимо неожиданности важен был элемент новизны, который она вносила в наши дебютные взаимоотношения. Хотя счет был равный, ничья для меня значила больше, чем пол-очка… В послематчевых интервью Карпов назвал эту встречу решающей на финише: после нее он понял, что может надеяться лишь на удержание ничейного счета. Значит, это был его «последний и решительный»?! Трудно поверить, что пассивная игра Карпова в этой встрече может быть названа игрой на победу!

Весь день перед 22-й партией шел дождь. Однако, когда мы поехали на игру, он внезапно прекратился. Выйдя из машины, я увидел в небе над гостиницей «Ленинград» самую яркую в моей жизни радугу. Она была прекрасна! Для моей романтичной и немного суеверной натуры это было как бы знамение свыше. И действительно, эта партия подарила мне незабываемые мгновения…

В спокойном варианте ферзевого гамбита мне удалось захватить инициативу. Нагнетая давление, белые получили перевес и за несколько ходов до контроля выиграли пешку, однако взамен Карпов сумел резко активизировать свои фигуры. Отложенная позиция выглядела ничейной. В пресс-центре энергично передвигали фигуры, но решающего продолжения не находилось. Неудивительно, что во многих вышедших на следующий день газетах предрекался ничейный исход…

Я увидел этот ход сразу: Ке5—d7!! То был момент вдохновения! В течение нескольких минут я просчитывал различные варианты комбинации, получая при этом огромное эстетическое наслаждение. Потом записал свой 41-й ход, но через некоторое время снова взял авторучку. Многие подумали, что я изменил свое первоначальное решение. Ничего подобного! Просто я не без удовольствия еще раз четко обвел записанный ход. В подтверждение этого есть фотокопия бланка с записью партии, которая была опубликована в «Литературной газете».

Хотя перед доигрыванием Карпов старался казаться совершенно спокойным, не было сомнений, что он в домашнем анализе обнаружил этот ход. Когда арбитр вскрывал конверт с записанным ходом, Карпов смотрел в зрительный зал. И все же он не смог до конца сохранить невозмутимый вид: не выдержал и бросил взгляд на руки Шмида, когда тот доставал бланк из конверта. Еще до того, как ход был воспроизведен на доске, Карпов увидел его и все понял. Через четыре хода он сдался.

В оставшихся двух встречах мне, чтобы сохранить титул чемпиона, нужно было набрать пол-очка. Чтобы вернуть себе титул, Карпову необходимо было выиграть обе партии.

В понедельник 6 октября в 21.34 все было кончено. Карпов предложил ничью, исчерпав все ресурсы борьбы за победу в 23-й партии. Необычность ее заключалась в том, что в сложной типовой позиции английского начала черные при полной доске фигур предприняли экстравагантную вылазку ладьей в центр. Эта на первый взгляд антипозиционная и демонстративная акция отвлекла Карпова от проведения солидного стратегического плана. Пытаясь использовать вызывающее положение черной ладьи, он допустил некоторое ослабление своей позиции. А после

того как ладья спокойно вернулась в свой лагерь, выяснилось, что уже белым надо соблюдать известную осторожность.

Заключительная встреча была, по существу, простой формальностью. Вернуть титул Карпов уже не мог; он мог лишь сравнять счет и тем самым хотя бы поделить пополам денежный приз. Но я уверенно прессинговал: последовали упрощения и партия перешла в равный эндшпиль. На мой взгляд, соперник поступил некрасиво, отложив ее в явно ничейной позиции. Но Карпов не мог заставить себя признать неизбежное. На следующий день меня любезно известили по телефону о том, что доигрывание не состоится.

Когда известного спортивного комментатора Котэ Махарадзе попросили высказать свое мнение о закончившемся матче, он ответил: «Я мало понимаю в шахматах. Еще меньше я понимаю, когда по телевидению о победе одного советского гроссмейстера над другим сообщается таким голосом, будто у комментатора умер близкий друг».

И церемония закрытия матча больше походила на похороны. В зале сидела «избранная» публика, и у многих собравшихся были скорбные лица. Президиум не был слишком перегружен. Отсутствовали руководители Госкомспорта и даже председатель Шахматной федерации Севастьянов. Пышные торжества, запланированные под иной итог матча, откладывались до другого случая. В этот вечер я, правда, не наткнулся на плакат с поздравлением Карпову, как это было в Москве в прошлом году. Но полагаю, что и здесь организаторы были столь же предусмотрительны. Просто мне не посчастливилось увидеть плоды их подготовительной работы. Зато услышать — довелось. Я никогда не забуду выкриков из толпы, которая встречала участников перед входом в турнирный зал: «Толя, убей его!»

Второй фронт

Удержав шахматную корону и получив небольшую передышку до следующего матча, я решил полностью сосредоточиться на борьбе с шахматной мафией. Прежде всего предстояли перевыборы в Шахматной федерации СССР, и мне казалось, что если удастся добиться смещения Севастьянова, то тогда и Кампоманесу придется нелегко на президентских выборах в Дубае.

В качестве председателя федерации Севастьянов представлял идеальное прикрытие для спортивных функционеров, но шок от поражения Карпова был так силен, что, столкнувшись с моей непримиримой позицией, Грамов не стал искушать судьбу. Мои аргументы выглядели убедительно: участие Севастьянова во всевозможных антикаспаровских акциях не вызывало сомнений.

На пленуме федерации, состоявшемся в конце октября, новым председателем был избран Александр Давидович Чикваидзе, профессиональный дипломат. Я выступил на заседании с программной речью, в которой изложил основные пути развития советских шахмат в духе происходящих в стране перемен. И встретил общее одобрение.

На этом фоне настойчивые уговоры Грамова и Гаврилина не препятствовать избранию Севастьянова почетным председателем федерации показались мне всего лишь попыткой подсластить тому горькую пилюлю. Интересно, что предложение об этом, сделанное на пленуме Батуринским, было встречено гробовым молчанием. Многие делегаты недоуменно переглядывались, а один даже выступил с резкой критикой. Но, желая избежать нового конфликта, я ограничился короткой примирительной речью. Это не было проявлением малодушия — просто в тот момент я верил в возможность достижения общего согласия по шахматным проблемам.

Увы, почетная отставка Севастьянова, по существу, свела на нет все мои достижения: перемены в федерации многим теперь представлялись лишь временной перегруппировкой сил. Но, воодушевленный первым успехом, я надеялся вскоре одолеть и Кампоманеса. Имея за спиной, казалось бы, гарантированную поддержку своей федерации, можно было вполне рассчитывать на успех. Однако я начисто упустил из виду прочность спайки Госкомспорт — Кампоманес, освященной участием обеих сторон в февральских событиях 1985 года. Не имея достаточного политического опыта, я не подозревал об упругости системы, позволяющей ей выдерживать самые мощные удары, и

лихорадочно готовился к заранее обреченной лобовой атаке.

Тем временем Кампоманес всячески старался завоевать мое расположение. И придумал весьма оригинальный ход. На закрытии матч-реванша в Ленинграде мне не вручили ни диплома, ни медали чемпиона мира. Взамен Кампоманес предложил провести пышную коронацию в Дубае, пообещав медаль из чистого золота. Я отказался. Очевидно, президент решил, что этот отказ распространяется и на все будущие матчи, потому что на следующем чемпионате мира в Севилье меня снова лишили почетного трофея…

Перед самым отъездом нашей команды на Олимпиаду в Дубай, где должен был состояться и конгресс ФИДЕ, руководство Госкомспорта объявило о своей поддержке Кампоманеса. В ответ я обратился к А.Н.Яковлеву, надеясь с его помощью изменить позицию Госкомспорта. Но и столь авторитетного мнения оказалось недостаточно — Кампоманесу симпатизировали не только спортивные руководители…

Уповая на чудо, я все же продолжал кампанию в Дубае, до поздней ночи агитируя делегатов конгресса голосовать за бразильца Линкольна Лусену. К сожалению, официальное объявление позиции Советской федерации решающим образом повлияло на результаты выборов. Все страны просоветской ориентации отдали голоса Кампоманесу, что, в свою очередь, определило позицию и колеблющихся делегатов.

В Дубае Кампоманес пользовался особым авторитетом, и организаторы не скупились на предвыборную кампанию. Местное телевидение в подробностях живописало биографию президента и на все лады расхваливало его вклад в мировые шахматы. Организаторы устроили несколько пресс-конференций, на которых, понятно, у Кампоманеса не было проблем с «каверзными вопросами».

Зато мне, в отличие от президента, так и не удалось изложить в местной прессе свою точку зрения. По чьему-то негласному распоряжению мое интервью, призывающее к переменам в ФИДЕ, не было опубликовано в Дубае. Случай, пожалуй, уникальный — чемпиона мира лишили возможности выступить в печати во время всемирного шахматного форума, каким является Олимпиада!

В итоге мы потерпели полное поражение. Кампоманес играл на своем поле и по своим правилам. В сравнении с ним мы выглядели любителями. Силы оппозиции получили столь слабую поддержку, что не потребовалось и голосования. По сути дела, Кампоманеса пригласили продолжить свое пребывание на посту. Нельзя даже сказать, что Лусена проиграл: борьбы просто не

было. Проиграл я, ибо бросил на чашу весов свою репутацию чемпиона.

К тому же полночные организационные хлопоты мало способствовали игре в шахматы. Советская команда и в целом играла неровно, а после моего проигрыша Сейравану, приведшего в итоге к проигрышу матча одному из главных конкурентов — команде США, наше положение и вовсе казалось отчаянным. Помимо американцев на золотые медали серьезно претендовала и ровная, уверенная в себе английская команда. Проиграй мы Олимпиаду, в мой адрес несомненно посыпались бы обвинения в том, что, занимаясь политикой, я пренебрег спортивной честью страны.

Все же мощный финиш позволил советской сборной вырвать победу. А я, выиграв три последние партии, завоевал сразу три золотые медали: за общекомандную победу, за лучший результат на первой доске и за абсолютно лучший результат на Олимпиаде. Правда, металл, из которого были сделаны медали, совсем не походил на драгоценный, хотя, по хвастливому заявлению Кампоманеса, местные шейхи выделили ему 7 миллионов долларов на проведение Олимпиады.

Проиграв борьбу в ФИДЕ, я пришел к выводу о необходимости создания независимой организации гроссмейстеров, способной защитить их права и направить шахматы по пути реформ. На мое предложение собраться прямо в Дубае и обсудить насущные проблемы с готовностью откликнулись многие гроссмейстеры. И хотя мы не имели заранее составленного плана действий и вряд ли могли четко определить свою будущую программу, все сходились на том, что глубинные конфликты, назревшие в мировых шахматах, требуют скорейшего разрешения. В первую очередь это касалось резко усилившегося административного аппарата ФИДЕ, который практически полностью оттеснил гроссмейстеров от руководства шахматной жизнью. Бюрократический произвол мешал организации новых соревнований, которые при условии широкой поддержки со стороны западных спонсоров и прессы могли бы поднять престиж шахмат.

После горячих двухдневных дискуссий мы выработали основные положения нашей программы. Решено было начать с организации Кубка мира — соревнования из шести супертурниров, в которых должны были принять участие 24 сильнейших гроссмейстера. В двухлетнем цикле розыгрыша первенства мира, предусмотренном планами ФИДЕ, для Кубка не находилось места, поэтому одним из наших первых требований стало возвращение прежнего трехлетнего цикла. Вообще,

волюнтаристские решения Кампоманеса вызвали резкое недовольство среди гроссмейстеров — в тот момент многие мои коллеги стали, наконец, сознавать, что за бурной деятельностью президента скрываются непомерные амбиции и стремление укрепить личную власть. В письме, адресованном генеральной ассамблее ФИДЕ, мы указывали, что организуем новую ассоциацию «во избежание дальнейших недоразумений между ФИДЕ и ведущими гроссмейстерами, а также для облегчения процесса принятия решений».

Для подготовительной работы там же, в Дубае, был создан временный Совет из семи гроссмейстеров: я был избран президентом, Анатолий Карпов и Ян Тимман — вице-президентами, членами Совета стали Любомир Любоевич, Лайош Портиш, Ясер Сейраван и Джон Нанн. Именно этой семерке предстояло 15 февраля 1987 года скрепить своими подписями документы, удостоверяющие официальное рождение новой международной организации — Ассоциации гроссмейстеров (АГ). Неудивительно, что в Совет вошли только гроссмейстеры экстракласса, представляющие ведущие шахматные державы. Это было естественной реакцией на засилье в ФИДЕ некомпетентных делегатов из малых федераций.

Объединение гроссмейстерской элиты явилось необходимым условием для создания Ассоциации, но уже в Дубае по репликам рядовых гроссмейстеров можно было предвидеть возможное недовольство «второго эшелона» деятельностью Совета. Все-таки главный турнир Ассоциации — Кубок мира — был рассчитан именно на сильнейших шахматистов.

Гарантией успеха нашего начинания стала активная помощь Бессела Кока — технического директора банковской компьютерной сети SWIFT, штаб-квартира которой размещается в Брюсселе. Свою деятельность на поприще шахмат он начал с блестящей организации в апреле 1986 года СВИФТ-турнира, предложив проводить его ежегодно в качестве одного из этапов Кубка мира. Но главное заключалось в том, что Бессел Кок обеспечил надежную материальную и юридическую базу новой организации (созданной на основе бельгийского законодательства). Надо отдать должное профессиональному чутью опытного бизнесмена: он первым сумел разглядеть перспективы гроссмейстерской Ассоциации, которую никто поначалу не принимал всерьез.

Кампоманес не верил, что гроссмейстерам удастся создать сильную, независимую организацию, полагая, что мы не сможем договориться и выработать единую линию. Поэтому в тот момент он не возражал против Ассоциации, во всяком случае — не

противодействовал. Президент был убежден, что она будет функционировать в рамках Международной шахматной федерации, поэтому вопрос о создании Ассоциации рассматривался на заседании исполкома ФИДЕ. Победив на президентских выборах, Кампоманес считал, что появление новой профессиональной организации будет ему только на руку, потому что через нее можно будет наладить контакты со спонсорами и прессой. Не надо забывать, что руководство ФИДЕ было скомпрометировано в глазах спонсоров, и у последних пропала охота выкладывать деньги. К тому же многие подозревали, что часть финансовых поступлений, идущих в казну ФИДЕ, оседает в карманах самого Кампоманеса.

Если бы ФИДЕ сохранила власть над шахматами и получила такую активно действующую организацию, как Ассоциация гроссмейстеров, то, без сомнения, Кампоманес и ФИДЕ были бы в выигрыше.

Но тогда в Дубае, на ходу просчитав варианты (времени было мало), Кампоманес кое-что недооценил: способность гроссмейстеров к объединению, перемены в СССР, мою настойчивость и прежде всего — энергичность Бессела Кока. Кампоманес не сразу понял, насколько далеко идут намерения того относительно шахмат.

Интересная деталь: оказывается, первая подобная конференция шахматистов состоялась полвека назад в Амстердаме, в отеле «Амстель». Дискуссии, последовавшие за знаменитым АВРО-турниром, касались создания «Клуба восьми сильнейших». Таковыми тогда были: Алехин, Капабланка, Эйве, Керес, Ботвинник, Фаин, Решевский и Флор. К сожалению, из-за того, что Алехин и Капабланка не разговаривали друг с другом, им приходилось присутствовать на заседании по очереди. Был составлен проект соглашения, но тут вмешалась война… А после войны на сцену уже вышла ФИДЕ и взяла все в свои руки.

Появление Ассоциации гроссмейстеров ознаменовалось удивительным совпадением: 15 февраля 1985 года Кампоманес прервал мой первый матч за чемпионскую корону, и ровно через два года в Брюсселе была создана наша Ассоциация. Дата неслыханного произвола в истории шахмат совпала с датой начала организованного отпора силам, породившим этот произвол!

В апреле 1988 года нам удалось провести первую ассамблею. Она собрала мало участников, но, правда, многие гроссмейстеры передали свои голоса по доверенности. На заседаниях ассамблеи в жарких спорах начали вырисовываться принципы Ассоциации. Одним из основополагающих принципов был признан широкий

демократизм. Мы понимали, что молодой организации, не имеющей пока мощной финансовой поддержки, не до конца признанней в шахматном мире, со своими сложными внутренними проблемами, придется нелегко — поэтому можно было поддаться соблазну пойти по пути администрирования. И очень важно, что мы преодолели этот критический момент. Нам удалось сохранить единство, несмотря на неоднократные попытки со стороны ФИДЕ разрушить Ассоциацию.

Сейчас в нее входят около 250 гроссмейстеров. Конечный успех будет зависеть от того, удастся ли нам привлечь достаточно спонсоров, чтобы достичь своих честолюбивых целей, а это, в свою очередь, будет зависеть от роста популярности шахмат в мире. Но деньги нужны не только нам — они являются средством достижения демократического управления в спорте. В конце концов мы отдаем этой задаче больше сил и энергии, чем это когда-либо делала ФИДЕ.

С каждым днем Ассоциация набирает силу. В турнирах Кубка мира удалось добиться значительного улучшения финансовых и организационных условий. Общая стоимость шести этапов составила 3 миллиона долларов, из них 1,2 миллиона пошли в призовой фонд. Безусловный успех Кубка как у спонсоров, так и в прессе позволяет надеяться на 50-процентное увеличение призов в следующем цикле.

Но, как говорится, не хлебом единым. В декабре 1988 года по инициативе Ассоциации в Мадриде впервые был проведен благотворительный матч — между командой советских гроссмейстеров и командой гроссмейстеров остального мира. О нем говорилось очень много, но мало кто указывал на одну очень важную деталь: матч проходил не под эгидой Советского детского фонда, не под эгидой Ассоциации, а в первую очередь под эгидой ЮНИСЕФ — Детского фонда ООН, международной организации, заботящейся о детях. Участие в подобном событии — огромная честь для любого профессионала, не важно, кто это — шахматист, футболист, певец или писатель. Сдача денег в этот фонд считается в современном мире одним из высших проявлений гуманизма. Вот список гроссмейстеров, передавших весь призовой фонд — 160 тысяч долларов — в ЮНИСЕФ и Советский детский фонд: Азмайпарашвили, Андерссон, Белявский, Гуревич, Долматов, Ильескас, Каспаров, Корчной, Любоевич, Ногейрас, Портиш, Псахис, Соколов, Спилмен, Хьяртарсон, Чернин.

Но главным достижением Ассоциации в 1988 году я считаю проведение в Белграде первого отборочного турнира Кубка мира 1991–1992 годов, который по своим параметрам значительно превосходил традиционные швейцарки, организуемые, скажем, в

Нью-Йорке или Лугано. На старт вышли 258 шахматистов, в том числе 100 (!) гроссмейстеров. Окрепнув в финансовом отношении, Ассоциация немедленно начала работать не только на элиту, не испытывающую недостатка в турнирах, но и на всех гроссмейстеров. Турнир в югославской столице был первым, но отнюдь не последним — с него берет отсчет целая сеть соревнований, позволяющих каждому участнику, каждому члену Ассоциации принять участие в отборе к следующему Кубку мира.

Эстафету Белграда приняла в мае 1989 года Москва, причем на этот раз уровень организации заставил замолчать даже самых упрямых скептиков. По окончании турнира состоялась вторая ассамблея Ассоциации, значительно более представительная по составу, чем предыдущая: 87 гроссмейстеров располагали 127 голосами, что позволило собрать необходимый для принятия решений кворум (по нашему уставу — не менее половины членов организации).

Разросшаяся Ассоциация выдвинула новые проблемы перед Советом — на фоне преобладания рядовых гроссмейстеров стало особенно ощущаться привилегированное положение элиты. В критических выступлениях, прозвучавших на ассамблее, содержалось требование как можно скорее выработать долговременную стратегическую программу, учитывающую интересы всех гроссмейстеров. Кстати, и сам Совет претерпел некоторые изменения: еще в 1987 году, после отставки Наина, его место занял Бент Ларсен, а в Москве была заполнена вакансия, освободившаяся в сентябре 1988 года после отставки Сейравана. Победу на выборах одержал другой американец — Максим Длуги, получивший поддержку большинства гроссмейстеров «второго эшелона» (его соперником был полуфиналист матчей претендентов Джонатан Спилмен).

Усиление демократических тенденций в самой Ассоциации — наглядное свидетельство того, какой большой путь мы прошли с момента первого обсуждения нашей программы в ноябре 1986 года. В будущем мы будем стремиться к созданию профессионального союза, который смог бы объединить всех шахматистов независимо от силы игры. Это позволит соединить все профессиональные уровни современных шахмат, что означает возможность привести в стройную систему организацию турниров и наладить тренерскую работу.

За всеми этими организационными и коммерческими проектами скрывается моя натура мечтателя-практика. Я хочу пропагандировать шахматы всеми доступными мне средствами — партиями, книгами, новыми формами соревнований. Первая новинка в этом плане — матч по активным шахматам с

Найджелом Шортом, сыгранный мною зимой 1987 года на движущейся сцене лондонского ипподрома. Я готов экспериментировать даже с такими формами шахмат, хотя они носят, конечно, в основном развлекательный характер.

В пропагандистском плане матчи и турниры по активным шахматам желательны, а для досуга любителей — и вовсе хороши. Что касается гроссмейстеров, то форма соревнований, которую мы нашли в Мадриде, кажется мне наиболее подходящей. С одной стороны, это развлечение для зрителей, с другой — польза для всего мира, когда участники все призовые деньги отдают на благотворительные цели. Однако даже в страшном сне мне не могло привидеться, что активные шахматы можно как-то связать с розыгрышем чемпионского титула либо использовать для введения новых гроссмейстерских званий…

На беду, руководство ФИДЕ быстро сообразило, как можно использовать активные шахматы в борьбе с профессионалами-гроссмейстерами. Стало ясно, что новые титулы и звания, которые могут быть присвоены шахматистам, играющим порой в силу кандидатов в мастера, — это подрыв сложившейся в классических шахматах иерархии, разрушение всей системы ценностей шахматного мира.

Надеюсь все же, что нам удастся справиться с этой новой и очень «активной» угрозой со стороны ФИДЕ.

Вернемся, однако, к событиям 1987 года. Даже поглощенный делами Ассоциации и внутренней борьбой с Госкомспортом, я не мог не думать о главном — о предстоящем осенью матче на первенство мира. После того как Соколов проиграл суперфинальный матч в Линаресе, выяснилось, что мне снова предстоит единоборство с Карповым — уже четвертое за три года! Никогда еще за всю историю шахмат чемпиону не приходилось так неоправданно часто доказывать свое превосходство.

Когда встал вопрос о месте проведения матча, вновь выплыли Арабские Эмираты. После Олимпиады в Дубае не оставалось сомнений, что здесь мне нечего рассчитывать на гостеприимство организаторов, продолжавших открыто поддерживать Кампоманеса. Неудивительно, что Карпов отдал свое предпочтение столице ОАЭ — Абу-Даби в качестве места проведения нашего матча. Альянс продолжал действовать.

Это решение превращало всю процедуру выбора в фарс, поскольку по новым правилам Кампоманеса каждый игрок имел право выбрать лишь один город; при несовпадении же мнений права автоматически передаются городу, предложившему самый большой денежный приз. Коль скоро моя позиция в отношении Абу-Даби была хорошо известна, мне не имело смысла вообще

объявлять свой выбор. В принципе меня устроил бы любой город, кроме Абу-Даби; прежде всего Сиэтл — сам факт борьбы двух советских шахматистов за мировую корону в Америке, учитывая нынешний уровень взаимоотношений между нашими странами, казался мне весьма символичным. Такой матч дал бы очень многое для популяризации шахмат на потенциально крупнейшем шахматном рынке, каким являются Соединенные Штаты. И Севилье, на которую пал окончательный выбор, я бы предпочел Мадрид. Впрочем, Севилья меня очень хорошо приняла, когда я побывал там с ознакомительным визитом в августе 1987 года. Испания — страна шахматная, в ней много любителей древней игры, и она вполне заслужила того, чтобы провести у себя чемпионат мира.

Перед матчем в Севилье произошла очевидная перегруппировка сил. Госкомспорт и часть руководящих работников, до поры до времени относившихся ко мне терпимо, с начала 1987 года резко изменили свое отношение. Причина этого понятна: выступив в Дубае против избрания Кампоманеса, я стал первым советским спортсменом, который осмелился открыто нарушить директиву Госкомспорта. Дальше — больше: через три месяца, на XVIII съезде профсоюзов, я с трибуны Кремлевского Дворца съездов заявил о необходимости введения в стране профессионального спорта как единственного способа спасти от развала советское спортивное движение. Тем самым я выступил против официальной позиции Госкомспорта, который категорически отрицает возможность введения статуса профессионального спортсмена в нашей стране. Речь шла о предоставлении законных прав спортсменам, находящимся в унизительной зависимости от спортивных чиновников, а в более широком смысле — о ликвидации государственной монополии на личность. Сейчас это многими уже воспринимается спокойно, но на том этапе перестройки высказывание подобных мыслей немедленно прибавило мне недругов в аппарате управления.

В ФИДЕ тоже поняли, что надеяться на мое мирное сосуществование с Кампоманесом бессмысленно.

Таким образом, открытие второго фронта в шахматах и в спорте привело к созданию мощной коалиции, участники которой считали необходимым как можно быстрее остановить «разрушительную деятельность» Каспарова.

«Нечистая сила»

Наверное, психологически матч в Севилье оказался для меня наиболее трудным из всех четырех поединков с Карповым. Хотя на первый взгляд такое утверждение выглядит парадоксальным. Ведь позади были и запредельные нагрузки первого матча, когда в течение двух месяцев приходилось выходить на сцену под угрозой последнего поражения, и ни с чем не сравнимое эмоциональное напряжение второго матча, когда цель стала так обжигающе близка, и потрясение на финише матч-реванша в Ленинграде после истории с Владимировым.

Тем не менее Севилья стала для меня самым тяжелым жизненным испытанием. Одних терзаний в ночь между 23-й и 24-й партиями хватило бы на весь матч. У меня до сих пор такое ощущение, будто я заглянул в бездну. Довольно хорошо изучив своих противников, я ничуть не сомневался в том, что их не удовлетворит чисто шахматный триумф. Весьма вероятно, что на случай победы Карпова у них был заготовлен план, как публично расправиться со мной. И дело тогда не ограничилось бы серией залпов, произведенных рядом газет в начале 1988 года, а вылилось бы в масштабную кампанию против меня. К счастью, этого не случилось — титул чемпиона мира уберег меня от самого худшего…

Но не только, а точнее — не столько, мрачные мысли о собственном будущем угнетали меня в ту страшную ночь. В конце концов, вырываясь «за флажки», я отчетливо сознавал, чем может грозить лично мне конфронтация с могущественным аппаратом. Но я не мог не думать и о тех, кто, поверив в меня, активно включился в борьбу за перемены в шахматном мире. Вернись Карпов на престол, ростки нового будут безжалостно затоптаны, а сторонников реформ ожидает примерное наказание. События минувшего года одно за другим всплывали в моем сознании, а я все не мог понять, как, имея громадный опыт единоборств на высшем уровне и убедительно победив в двух последних матчах, я вновь, как и три года назад, оказался на краю пропасти…

Я до сих пор убежден, что моего шахматного превосходства перед севильским матчем было достаточно для победы. Однако реализовать его я не смог. Объяснение нужно искать вне шахмат, и в первую очередь — в моем тогдашнем психологическом состоянии. Победа в матч-реванше в какой-то степени разоружила меня. Выигрыш казался окончательным, а следующий матч с Карповым — не столь уж очевидным: ему предстояло еще играть с Соколовым. Кроме того, промежуток между матчами составлял

почти год.

К сожалению, отпущенное время мне не удалось использовать плодотворно для шахматной подготовки. Пожалуй, на сегодня я могу считать тот год самым безликим в творческом отношении.

Помимо борьбы со спортивной бюрократией была масса других важных и интересных дел: работа в детской шахматной школе, попытка организации совместного советско-английского шахматного издательства и шахматного журнала, содействие компьютеризации в нашей стране — например, создание Московского детского клуба «Компьютер», президентом которого я являюсь и где все работают исключительно на общественных началах. Только за первые два года деятельности клуба в нем прошли обучение более 500 детей в возрасте от шести до шестнадцати лет. Из каждой зарубежной поездки я привожу ребятам программы и дискеты; регулярно подписываю клуб на иностранные компьютерные журналы. Кстати, именно отсюда по телекоммуникационным линиям связи передавались ходы первого в истории сеанса «Звездных шахмат» (с центром в городе Канн), в котором я играл одновременно с десятью городами планеты.

Кто мог предположить, что даже детский клуб Госкомспорт умудрится превратить в арену борьбы со мной! Началось все с рекламного контракта, который я заключил в 1986 году с фирмой «Atari». Весь гонорар фирма по условию выплатила компьютерами. Так вот, из полусотни полученных восьмиразрядных персональных компьютеров комитет упорно пытался половину присвоить себе. Поскольку контракт был заключен через Госкомспорт, то, формально являясь грузополучателем, он в продолжение двух лет не оформлял документы на передачу компьютеров клубу. А так как сами компьютеры уже находились в клубе и забрать их у детей без скандала было невозможно, то в Госкомспорте просто не подписывали чисто формальный приказ о передаче. Это покажется смешным, но с просьбами решить этот вопрос к руководству Госкомспорта обращались вице-президент АН СССР Е. Велихов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.Мироненко, директор Экономико-математического института В. Макаров. Никому из них не отказывали, просто не подписывали приказ — и все.

Вопрос решился в пользу детей только после окончания матча в Севилье…

Многочисленные проблемы не позволяли сосредоточиться на главном — подготовке к матчу с Карповым. Как-то очень далек был предстоящий поединок от моего сознания, и невольно хотелось от него отрешиться. Это чувство будет сопутствовать

мне и на протяжении всего севильского матча. Зачем играть еще? Уже доказано превосходство, уже завоевано и затем подтверждено звание чемпиона, и все это в течение двух лет. Повторяю, мне очень не хотелось играть матч, все мое существо противилось самой мысли о том, что надо снова (в который раз!) мобилизовывать себя на битву. Хотя я понимал: на этот раз на карту поставлено гораздо больше, чем в предыдущих матчах. Мое поражение выходило бы далеко за рамки единоборства с Карповым и касалось бы всего дела обновления шахматной жизни. Уже по возвращении из Севильи мне передали слова одного из ответственных работников Госкомспорта: «Если Гарик проиграет — реставрация будет «кровавой»!»

Как я уже упоминал, отвлекала от подготовки к матчу и работа над книгой «Дитя перемен», начавшаяся в конце 1986 года. По ходу создания книги трудно было избавиться от ощущения, что основная борьба за звание чемпиона мира уже позади.

Нелегкой была также проблема с командой, которая должна была поехать на матч, так как с уходом Владимирова и Тимощенко в ней осталось только два человека из тех, с кем мы начинали борьбу: Никитин и Дорфман. И даже одного из них постарались вывести из игры. В июне 1987 года, за четыре месяца до матча, ко мне в Баку пожаловал неожиданный визитер — звали его Александр Фельдман. Без всяких околичностей он объявил о своей обиде на неблагодарного Карпова и о желании отомстить ему. Поэтому он решил выдать сверхважную тайну: оказывается, не Владимиров, а Дорфман был источником информации о наших дебютных разработках.

Пикантность ситуации заключалась в том, что в 1985 году, во время второго матча в Москве, именно через Фельдмана предлагались Дорфману 100 тысяч рублей и прописка в Москве в обмен на информацию из моего лагеря. Поэтому нетрудно было понять, что главной целью откровений Фельдмана было скомпрометировать Дорфмана и лишить меня еще одного помощника. Однако закулисные стратеги переоценили мою «подозрительность» (кстати, интересно отметить, что сам факт утечки информации не отрицался, просто, по словам Фельдмана, этим занимался не Владимиров).

В марте я провел переговоры с молодым грузинским мастером Зурабом Азмайпарашвили (ныне гроссмейстером), который сразу согласился принять участие в подготовительной работе. Все же в команде недоставало еще одного сильного гроссмейстера. За месяц до матча я обратился к Сергею Долматову, хотя понимал, что столкнусь с серьезной проблемой:

дело в том, что он — близкий друг и помощник Артура Юсупова, одного из претендентов на высший шахматный титул. Но, на мое счастье, Долматов согласился: в этом я вижу и добрую волю самого Юсупова, который понимал всю важность севильского матча не только для меня, но и для шахмат вообще.

Не могу согласиться с утверждениями, будто моя предматчевая подготовка была недостаточной. На самом деле было найдено много новых идей, но, увы, игра не соответствовала уровню подготовки. Уже начало матча показало, что моя нервная система была не готова к той перегрузке, какой является матч на первенство мира. Если опыт и интуиция подсказывали подчас верное решение, то какая-то общая заторможенность организма, вялость мысли, а главное — полное отсутствие вдохновения делали игру тяжеловесной и невнятной, заставляли меня вновь и вновь перепроверять варианты и попадать в цейтноты. Пожалуй, первые восемь партий были самыми удручающими. Две из них — 2-я (после отлично проведенного дебюта) и 5-я (где мне удалось найти сильное возражение на новинку Карпова и получить большой перевес) — были проиграны именно в цейтноте, так как на два хода в этих партиях я затратил два с половиной часа! Такая задумчивость, конечно, непозволительна, и она лучше всего характеризовала мое состояние, ту странную апатию, с которой я подошел к матчу.

Не осталось это незамеченным и шахматными специалистами. «После пяти партий уже можно сделать кое-какие выводы, — сказал Артур Юсупов, выступая в Ленинградском дворце искусств. — Я знаю Каспарова с первых его шахматных ходов и не припомню его в таком тяжелом состоянии. Дело не в счете. Как он проигрывает?! Столкнувшись с первой же неожиданностью, надолго задумывается. Жестокие цейтноты. Подставляет ладью. Не переводит свои часы. Может быть, он потерял психологическую устойчивость? Перед матчем Каспаров заявил: «Проблему Карпова я решил». Но решил ли он проблему самого себя? Интересную с точки зрения психологии тактику избрал в этом матче Карпов. Представьте себе теннисиста, который сам к сетке не выходит, но раз за разом вынуждает это делать противника: выходить к сетке и ошибаться. Похоже, что такая игра Карпова — сюрприз для Каспарова. Я думаю, что психология и решит судьбу матча».

Здесь надо вернуться к событиям последних дней в Москве, перед отлетом в Испанию, и к тому, что им предшествовало. Я хочу еще раз напомнить, что в наших с Карповым поединках за звание чемпиона мира участвуют не только черно-белые фигуры — поле сражения простирается далеко за пределы шахматной

доски.

В главе «Лицом к лицу» я уже писал о Тофике Дадашеве, бакинском психологе, который помогал мне во время матчей в Москве и Ленинграде. В книге «Дитя перемен» его фамилия не упоминалась — таково было пожелание самого Дадашева. Я называл его «мой талисман».

Не знаю, может ли предать талисман, но Дадашев это сделал.

За два дня до отъезда в Севилью мне сообщили, что в «Литературной газете» готовится к публикации — уже набрано! — сенсационное интервью, в котором Дадашев рассказывает, как с помощью «особой силы, исходящей от него», он сделал Каспарова чемпионом. Почти одновременно аналогичное интервью было предложено газете «Московские новости». Забегая вперед, скажу, что после окончания севильского матча в «Московских новостях» появилась статья известного драматурга Леонида Зорина, в редакционном предисловии к которой указывалось, что материал Дадашева в редакцию принес… Карпов.

Ни в той, ни в другой газете это интервью не появилось, но во время матча оно было напечатано с некоторыми изменениями в журнале «Spiegel».

В интервью Дадашев открыто заявил, что незадолго до отъезда в Испанию с ним связался Карпов, и Дадашев дал ему три совета, как бороться с Каспаровым. Дадашев утверждал, что Карпов победит, если будет следовать его советам.

Ценность его советов станет понятна, если вспомнить, что этот человек — безусловно, одаренный психолог — помог мне в наиболее трудный период первого матча, Дадашев часто беседовал со мной и знал обо мне немало: слабые и сильные стороны, мнительность, веру в счастливые числа, а главное, он знал, что я ему верю. Дадашев довольно удачно предсказывал ход борьбы, давал мне психологические советы. При счете 0:5 убеждал в том, что матч я не проиграю. Начав помогать Карпову, он не мог не понимать, какой силы удар на меня обрушится, когда я об этом узнаю.

Действительно, продолжая верить в «силу» Дадашева, я тогда в Севилье часто вечерами ломал голову над вопросом: «Почему он так поступил?»

Матч проходил в Театре Лопе де Вега, расположенном в центре Севильи, в красивом саду. Построенный в стиле испанского барокко, театр по форме напоминает огромный цветок, ослепляющий на солнце своей белизной. В нескольких сотнях шагов от театра возвышается лучшая в городе гостиница «Альфонс XIII». Предполагалось, что обе команды будут жить в

этой старинной гостинице, но потом был выбран современный отель с поэтичным названием «Севилья Соль», то есть «Солнце Севильи». Нам же с Карповым предоставили отдельные виллы.

Приезжали мы на партию порознь, буквально за несколько минут до пуска часов в 16.30, и входили в разные двери — в зависимости от того, каким цветом предстояло играть: одну дверь украшала белая пешка, другую — черная.

В глубине сцены висел огромный плакат с рекламой Всемирной выставки, которая пройдет в Севилье, — «ЭКСПО-92» (вместо буквы «о» — симпатичный оранжевый апельсин). Вот и разгадка высокого призового фонда: полмиллиарда песет ассигновал на проведение матча муниципалитет Севильи!

Просторное фойе театра было прозвано зрителями «казино». И недаром: там делались ставки на результат очередной партии. Чем ожесточеннее становилась борьба на сцене, тем больше людей устремлялись из зрительного зала в «казино». Но, конечно, в фойе не только делали ставки. Здесь можно было поговорить, обсудить за чашечкой кофе партию, сыграть в шахматы, купить шахматную литературу и сувениры. В центре фойе стояла огромная демонстрационная доска, на которой, сменяя друг друга, гроссмейстеры комментировали ход поединков. Всюду были установлены мониторы, на экранах которых можно было видеть игроков и позицию на электронной доске. Здесь же размещался пресс-центр, оснащенный телексами и компьютерами не хуже, чем пресс-центр конференции по разоружению…

Итак, борьба в матче приняла затяжной характер. В целом инициативой владел Карпов. Я никак не мог настроиться на полнокровную борьбу, всячески уклонялся от рискованных действий. Особенно это проявилось в 11-й партии, где, получив по дебюту отличную позицию, я серией нерешительных маневров поставил себя в тяжелое положение. Правда, грубый зевок Карпова принес мне очко, но думаю, что это было плохим подарком для меня: я окончательно «заснул», решив, что дальнейшее — дело техники и можно просто стоять на месте. За это, разумеется, судьба наказала меня. В 16-й партии я вдруг бросился в атаку, полагаясь не столько на себя, сколько на магическую силу числа 16, которое дважды приносило мне успех в предыдущих матчах. На этот раз мистика не сработала, партию я проиграл. Причем неприятный осадок был вызван не только результатом, но и моей бездарной игрой. Счет в матче сравнялся.

После этой партии я «проснулся», но не надолго. Применение в 17-й партии староиндийской защиты, дебюта, уже четыре года не входившего в мой репертуар, было вызвано необходимостью привести в движение внутренние резервы. На какое-то время

течение матча приобрело благоприятный для меня характер. В 18-й и особенно в 20-й партиях Карпов, играя черными, пережил несколько тревожных минут, хотя в итоге мои неточности позволили ему избежать худшего. 21-я партия могла стать чрезвычайно важной для победы в матче: полный решимости использовать белый цвет, Карпов в защите Грюнфельда пошел на сложную обоюдоострую позицию, но вскоре совершил серьезную ошибку, позволившую мне перехватить инициативу. Увы, в тот день моя трактовка возникшей типично «каспаровской» позиции оставляла желать много лучшего. Сначала я не использовал возможность закрепить полученное преимущество, а затем, почувствовав, что подходящий момент упущен, форсировал ничью повторением ходов, хотя позиция еще позволяла бороться за победу. После этой партии стало ясно, что не судьба выиграть этот матч, надо было хотя бы сохранить титул. Если быть до конца откровенным, то это чувство — хотя бы сохранить титул! — не покидало меня на протяжении всего матча и было тем психологическим прессом, который подавлял всякое стремление к активности…

«Периодически я переставал сознавать, что идет матч на первенство мира, — сказал я в одном из первых послематчевых интервью. — Думаю, за последние годы накопилась психологическая усталость. Это сказалось. Я всегда стремлюсь к лучшему ходу, стараюсь достичь максимума, но вот в матче с Карповым… как-то абстрагировался от происходящего. Кстати говоря, я впервые не потерял ни грамма веса за матч. Конечно, нервным стал жутко, но обычно бывает и физическое истощение, а тут обошлось. Как будто матч прошел в стороне. Не было полной концентрации, появилось желание сделать ход покрепче…»

В сущности, матч закончился после короткой бесцветной ничьей в 22-й партии. Конечно, было ошибочно не играть на выигрыш. Но нервной энергии уже не было. Эта партия окончательно показала, что независимо от исхода матча оба соперника были в нем не на высоте. Правда, Карпов считает, что он играл в Севилье хорошо, у него были творческие достижения, и вообще «в творческом отношении соревнование проходило на высоком уровне».

Мне же кажется, что по своему творческому содержанию матч явно уступал предыдущим. Это не только мое мнение, но и мнение многих гроссмейстеров.

Виталий Цешковский: «Поединок проходил в бескомпромиссной спортивной борьбе и заставил болельщиков поволноваться. Но творческий уровень партий не столь

впечатляющий. Мне кажется, что оба участника находились под каким-то психологическим прессом и это мешало им продемонстрировать лучшие стороны своего творчества. В этом матче значительно меньше дебютных новинок и стратегических идей, чем в предыдущих».

Лев Псахис: «На мой взгляд, прошлогодний матч-реванш по всем показателям стоит в ряду самых выдающихся соревнований за мировую шахматную корону. И надо прямо сказать, нынешний поединок не оставит такой значительный след в шахматах».

Наум Рашковский: «Этот матч наглядно показывает, что многие решения ФИДЕ в последние годы оказались неплодотворными. Столь долгое соперничество двух сильнейших шахматистов планеты отрицательно сказывается на качестве их игры».

Действительно, нет никаких сомнений в том, что качество партий севильского матча значительно уступает всем предыдущим. Благодарить надо тех, кто придумал эту систему и ежегодно заставлял нас играть. Даже такое выдающееся событие в жизни человека, как матч на первенство мира, может стать обыденным, если им заниматься каждый год. Меня всегда поражала в руководстве ФИДЕ неспособность извлекать уроки из прошлого…

Хотя в матче было немало интересных идей и в дебюте, и в миттельшпиле, в целом ожидаемого накала борьбы не получилось. Разве что финал никого не оставил равнодушным. То была невероятная, просто фантастическая развязка!

Дебют 23-й партии сложился для меня удачно — черными удалось решить все проблемы. Но тут двумя подряд импульсивными ходами я позволил Карпову получить ясный стратегический перевес. Правда, в обоюдном цейтноте он большую часть его растерял, и 40-м ходом я, пожалуй, мог добиться ничьей (момент, кстати, не отмеченный комментаторами). Но из двух возможных продолжений я выбрал худшее, и, запиши Карпов сильнейший ход, это поставило бы меня перед неразрешимыми проблемами. Однако, как мы и надеялись, его секретный ход тоже оказался не лучшим, и черным тонкими маневрами удалось создать контригру. Причем настолько сложную, что даже дома проанализировать ее во всех деталях оказалось просто невозможно (кроме того, во время ночного анализа на нас давила неприятная мысль: а что, если Карпов записал лучший ход?).

Неудивительно, что решение проблем за доской потребовало больших затрат времени и мы снова угодили в обоюдный цейтнот. Карпов начал повторять ходы, и вот тут случилось нечто

непостижимое. Вместо того чтобы тоже повторять ходы, предоставив белым самим искать пути усиления позиции, я вдруг затеял комбинацию, опровержение которой было нами найдено еще дома! Впрочем, оно лежало на поверхности, и даже за доской найти его не составляло труда. Карпов его нашел, и, когда цейтнот миновал, мне пришлось сдаться.

Комментируя эту партию, гроссмейстер Сергей Макарычев предварил ее интересной психологической зарисовкой: «Еще до окончания драматичного 23-го поединка я слышал от некоторых болельщиков Каспарова слова недоумения, а то и осуждения в связи с непривычным игровым поведением своего кумира. Хочу по этому поводу высказать свою точку зрения.

Думается, на выбор тактики в очень малой степени влияют сознательно принятые волевые установки — «буду играть так-то и так-то», а в гораздо большей степени — подсознательные ощущения шахматиста, который порой начинает обманывать даже самого себя, подгоняя задним числом «под ответ» случившееся на доске. Это относится к любому мастеру или гроссмейстеру; не свободны от давления объективных психологических обстоятельств и самые сильные шахматисты мира.

Каспаров, как мне кажется, на протяжении всей партии вел постоянную борьбу со своим внутренним сдерживающим «я». И в кризисные моменты этой борьбы следовали такие решения, как 12…Са6, 34…bа?! и 50…Л7f3… Да, теперь никто не сможет обвинить тринадцатого чемпиона мира в сухом прагматизме, но расщепление спортивного и творческого сознания соперника было блестяще использовано Карповым в предпоследнем поединке. Предвосхищая возможные вопросы, хочу привести мнение М.Таля, отметившего в телевизионном шахматном обозрении, что в Севилье спортивная составляющая явно превалировала над всеми остальными — шла битва за результат, за шахматную корону».

Да, это так: матч на первенство мира имеет в первую очередь спортивное значение. Но задачи соперников разные: задача претендента — выиграть матч, задача чемпиона — удержать свой титул. Все, как видите, сводится к титулу чемпиона мира. После 23-й партии стало очевидным, что он уже потерян. Даже сейчас страшно вспоминать первые минуты после доигрывания, обратную дорогу, то состояние обреченности, в которое я погрузился.

Но, отчетливо понимая, что все потеряно, я тем не менее сознавал, что у меня остался еще один шанс. Один! Может, из тысячи, может, из миллиона, но он оставался! Хотя, как известно,

последняя партия, если ее обязательно надо выиграть, не выигрывается. (Утром в день 24-й партии из Швейцарии маме позвонила гроссмейстер Милунка Лазаревич и сказала: «Клара, передайте Гарику, что только два человека могли бы выиграть по заказу решающую партию: Алехин, который этого не сделал, и Фишер, у которого не было такой необходимости. Скажите Гарику, что он должен это сделать». Но мама сообщила мне об этом только после партии. Видимо, даже она не верила в чудо.)

В 1985 году в подобной ситуации Карпов, бросившись в отчаянную атаку, 24-ю партию проиграл. Аналогия не из приятных… Но, психологически готовясь к тому моменту, когда придется сдавать матч, я не забывал, что в этой единственной партии я обязан сделать все, что в моих силах.

Для начала надо было обрести душевное равновесие. Поэтому я отправился в гостиницу «Севилья Соль», где жила команда. Вошел, улыбаясь, усилием воли сохраняя внешнее спокойствие. Весь вечер мы просидели с ребятами в их номере, играли в карты, шутили, смеялись. Все старались не думать о завтрашнем дне. Но он неотвратимо приближался. Заснуть мне удалось только под утро…

И этот день настал. Еще перед началом партии я увидел у Театра Лопе де Вега огромную толпу. И в обычные дни матч привлекал много зрителей, но столько, сколько в тот день, не собиралось ни разу. Я с грустью сказал Литвинову: «Наверно, пришли хоронить». Но едва выйдя из машины, я услышал крики: «Фуэрто!» («Успеха!»), «Фуэрто, Каспаров!» Поддержка севильцев прибавила мне уверенности. Эта гудящая толпа испанцев, провожавшие меня на решающий бой, напомнила мне о миллионах болельщиков на родине, веривших в меня и надеявшихся на чудо… Одна женщина, прорвавшись сквозь кордон полицейских, что-то сунула мне в карман. Уже в зале я обнаружил, что это изображение Святой Макарены — хранительницы города.

Было решено играть как можно спокойнее, не форсируя событий, чтобы втянуть соперника в медлительную, маневренную борьбу, в надежде, что где-то, стремясь к упрощениям, Карпов дрогнет.

«Думаю, чемпион мира, серьезно рисковавший сесть за шахматную доску в этом звании в последний раз (во всяком случае, на ближайшие три года), избрал единственно верную тактику, — писал Макарычев. — Так же, как двумя днями раньше его соперник, он разыграл закрытую дебютную систему, стремясь обезопасить себя в первую очередь от преждевременных разменов и форсирования упрощающих вариантов. Однако спортивное

назначение такой стратегии было несколько иным. Если «стремящийся к ничьей» Каспаров порой начинал сбиваться с прямой дороги на непрагматично азартную игру в силу внутреннего отвращения к такому «стремлению», то Карпов не смог побороть естественное желание действовать «понадежнее», несмотря на многократно доказанную практикой пагубность такого курса.

Оба так хорошо чувствуют друг друга, что им иной раз куда легче «запрограммировать» соперника, чем справиться с отдельными свойствами своего характера». Что да, то да.

Я хорошо помнил свои ощущения перед последней партией московского матча, принесшего мне звание чемпиона. Тогда я больше всего страшился именно такой вязкой, затяжной игры, которая отдалила бы мой триумф. По счастью, Карпов в той партии навалился на меня всеми силами, вынудил защищаться, выискивать единственные ответы, то есть заставил решать конкретные задачи, тем самым сняв с меня весь груз психологических проблем. Я не стал допускать подобной ошибки и поставил Карпова психологически в наиболее неприятное положение. На протяжении всей партии он вынужден был мучительно выбирать, что же лучше: делать сильнейшие ходы или самые надежные? Карпов избирал безопасные пути; позиция его чуть-чуть ухудшалась, но все же была вполне защитимой…

Надеясь на легкую ничью, Карпов поздно почувствовал надвигающуюся опасность. Когда почувствовал — занервничал. Его залихорадило, он попал в цейтнот. В цейтноте мы обменялись ошибками. Сначала Карпов дал мне возможность провести решающую комбинацию, я не заметил ее. Затем он упустил ничью. После чего я вновь прошел мимо форсированного выигрыша, и партия была отложена в эндшпиле, в котором шансы на выигрыш и на ничью мне представлялись примерно равными. Хотя на практике спасти такой эндшпиль при настойчивости соперника далеко не просто. Как потом выяснилось, Карпов потерял веру в удачный исход партии и оценивал свои шансы более пессимистично — 30 процентов на ничью против 70 на выигрыш. Таким образом, на моей стороне было и психологическое преимущество.

Хотя анализ не показал ясных путей к выигрышу, на доигрывание я шел с одним желанием — победить. Выход на сцену только прибавил мне уверенности: встретившая меня овация убеждала, что моих болельщиков в зале намного больше.

Это доигрывание стало одним из самых запоминающихся моментов в моей жизни. Карпов не выдержал напряжения, быстро допустив решающую, на мой взгляд, стратегическую ошибку. И

дальше четко, не дав сопернику ни единого шанса, я сумел довести партию до победы.

Поражение в 24-й партии, разбившее почти осуществленную мечту Карпова о возвращении на Олимп, сравнимо с психологическим нокаутом. К чести Карпова, надо сказать, что он сумел найти в себе силы появиться на состоявшемся через два часа закрытии матча и бесстрастно наблюдать за награждением своего «вечного» соперника. А вот на Кампоманеса и других руководителей ФИДЕ, съехавшихся в Севилью почти в полном составе, было больно смотреть. Крушение надежды на возвращение Карпова повергло их в отчаяние. «Будущее Кампоманеса и его ставленников написано на их лицах», — пошутил один из присутствующих…

«Сейчас Карпов имел возможность доказать, что он лучше меня играет в шахматы, — заявил я на пресс-конференции в Севилье. — Очередной шанс. Но это ему не удалось. Думаю, утешение, что матч в целом закончился вничью, — слабое для шахматиста, который не получил титул обратно. Два года назад мы были в очень похожей ситуации: я выигрывал со счетом 12:11, и Карпову надо было победить в последней партии. И ни у меня, ни у кого из окружающих не возникла мысль, что я могу удовлетвориться моральной победой, если матч закончится вничью. Я думаю, Карпова менее всего интересовала эта моральная проблема, как он сохранит титул — сыграв вничью или выиграв матч. Так что я удержал свой титул, сыграв, по существу, впервые в истории два матч-реванша с одним и тем же человеком. И прошу отметить, что за моей спиной матч-реванша не было! Считаю, что итог этого матча, который дает мне трехлетнюю передышку, — это моя победа. А то, как матч заканчивался (я имею в виду 23-ю и 24-ю партии), делает все очень убедительным. Я выиграл последнюю партию по заказу у такого шахматиста, как Карпов. И можете мне поверить, что на одной психологии выиграть последнюю партию невозможно. Нужно лучше играть в шахматы и еще верить, что лучше играешь в шахматы…»

Севильский матч наглядно показывает, что шахматы, как и любое творчество, требуют полной отдачи от человека. Но трудно согласиться с теми, кто пытается ограничить сферу деятельности шахматиста только шахматами. Конечно, только в шахматах я могу полностью удовлетворить жажду творчества, но моя натура требует широкого поля деятельности. Наверное, для меня борьба за перемены, за построение новых общественных структур является необходимым условием поддержания жизненного тонуса. Просто нужно уметь выделять главное и концентрировать

свои силы на этом направлении.

Возможно, в 1987 году я не рассчитал своих сил и не сумел должным образом сосредоточиться на подготовке к матчу. Я говорю тут о психологической подготовке, ибо, повторяю, к шахматной у меня претензий не было. Более того, нам удалось устранить недостатки в анализе отложенных партий и добиться в этой области значительного перевеса. Во всех отложенных партиях анализ нашего коллектива был на высоте (не исключая и проигранную 23-ю), а планы защиты, разработанные в 9-й и 19-й партиях, можно отнести к несомненным творческим достижениям.

Что касается дебютных итогов матча, то стоит отметить хороший результат, достигнутый мной в защите Грюнфельда (+1–1 = 6). Впервые столкнувшись с ней в матч-реванше, Карпов тогда все время находил уязвимые места в моей подготовке, добившись в защите Грюнфельда впечатляющего результата (+3–0=6). Кажется удивительным, но всего год спустя, в Севилье, Карпов утратил глубокое стратегическое предвидение моих замыслов…

Организован матч был очень хорошо, особенно для города, не имеющего богатых шахматных традиций. В принципе матч прошел вполне корректно, исключая случай с доигрыванием 15-й партии, убедительно показывающим, как велико было внутреннее напряжение, когда любой пустяк мог вылиться в скандал.

История такова. Партия была отложена в мертво-ничейном положении, иного результата там просто не могло быть. Можно, конечно, спорить, насколько корректным было откладывать партию в такой ситуации. Но уж предлагать ничью на следующий день всего за три с половиной часа до начала доигрывания было, на мой взгляд, совершенно недопустимо! Уже сам факт подобной проволочки говорит о том, что Карпова совершенно не заботят правила шахматного приличия. Далее события развивались так. Получив от Карпова предложение ничьей, главный арбитр Гийсен позвонил мне, но звонок пришелся на традиционный дневной отдых в нашей команде. Поговорить со мной он смог только в три часа, когда я проснулся. Конечно, я согласился на ничью, хотя и был недоволен тем, как поздно она предложена. Карпов же заявил Гийсену, что возмущен моим поведением (тем, что я спал?), что он хочет продолжать игру и берет свое предложение обратно. Но арбитр проявил твердость, доигрывание не состоялось…

Севильский матч показателен еще тем, что он целиком прошел за границей. И для многих этот факт символизировал резкое изменение в политике Госкомспорта, отдавшего целое соревнование на откуп иностранцам. Думаю, главную роль здесь

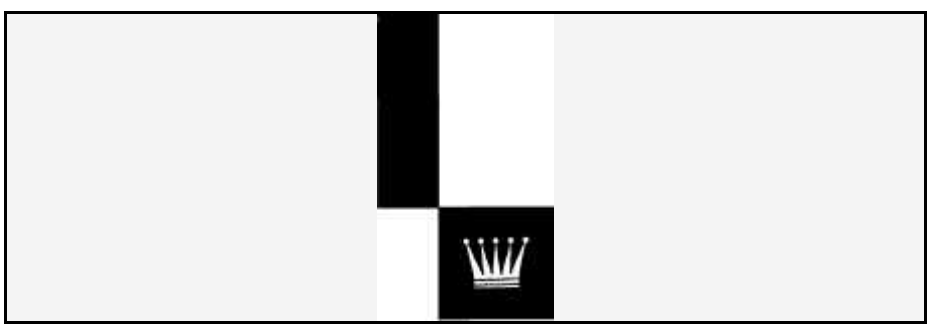
сыграли меркантильные соображения — огромный приз в валюте, который мы должны были отдать Госкомспорту. Для этого было подготовлено специальное постановление правительства за подписью Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова. При столь высокой поддержке Госкомспорт легко вышел победителем в финансовом поединке с двумя сильнейшими шахматистами мира: из 2 миллионов 280 тысяч швейцарских франков, полученных нами, каждому было выдано по 137 тысяч франков и эквивалент такой же суммы в рублях (примерно 60 тысяч). Кроме того, были соблюдены интересы Кампоманеса: отчисления в казну ФИДЕ превысили 700 тысяч франков, из которых 300 с лишним тысяч пошли на так называемые организационные расходы.

Вернемся, однако, к истории с «нечистой силой».

У Карпова, как известно, был свой «талисман» — другой, куда более знаменитый экстрасенс. Дадашев часто говорил, что борется с его аурой, и это одна из причин, почему он мне помогает. После проигрыша матч-реванша Карпов, говорят, от помощи своего экстрасенса отказался. Но, как видим, не отказался принять советы моего психолога…

В случае победы Карпова в Севилье выигрыш Дадашева был бы огромен. Его слава экстрасенса и «champion-maker'a» превзошла бы даже славу легендарной Джуны.

После 23-й партии казалось, что предсказание Дадашева сбылось. Но ему не повезло. «Чудо» 24-й партии вывело шахматы из лабиринта парапсихологии.



ПОСЛЕСЛОВИЕ
«Безлимитный поединок»

Выиграв 9 ноября 1985 года свою самую главную шахматную партию, я не подозревал, что жизнь логически вовлечет меня в противоборство общественных сил, начало которому положила перестройка. Это борьба не просто за справедливость в шахматах, это борьба за ценности куда более важные — общечеловеческие. Они имеют особое значение для нашей страны, потому что впрямую связаны с теми поистине историческими переменами, которые сейчас у нас происходят. Я — дитя этих перемен, так как принадлежу к левому крылу общества и по убеждениям, и по судьбе. По убеждениям — потому что я никогда не мог принять царившую у нас авторитарную идеологию. По судьбе — ибо только перемены в стране позволили мне преодолеть многочисленные барьеры, воздвигавшиеся на моем пути к мировому первенству.

Мое гражданское становление прошло в условиях административной системы, высшим смыслом которой, казалось, было подавлять в человеке личность. Мне удалось выстоять. Естественно, не обошлось без компромиссов, без каких-то потерь. Бессмысленно это отрицать. Мои противники беззастенчиво использовали всю мощь аппарата, и мне, чтобы не быть раздавленным, приходилось искать влиятельной поддержки.

Серьезное испытание ожидало меня, когда я завоевал титул чемпиона мира и передо мной открылись многие двери. Чиновники полагали, что произойдет просто смена декораций на шахматном Олимпе. Но я понимал: под покровительством системы свобода самовыражения мне будет предоставлена лишь на шахматной доске. Пойти на это — значило изменить самому себе. Давно известно: свобода — не то, что тебе дали, а со, что у тебя нельзя отнять!

1987 год я считаю переломным в своей жизни. Публикация на Западе книги «Дитя перемен» и последовавший затем разрыв с Госкомспортом, по сути, определили мои отношения с системой.

К сожалению, многолетняя война шахматного официоза против претендента, а затем чемпиона мира Каспарова — многократно измененные и все равно нарушенные правила соревнований, четыре (!) матча на первенство мира за три года, — вся эта неприглядная действительность, ставшая частью новейшей шахматной истории, до сих пор не получила должной оценки. Бюрократический аппарат все еще силен, в его руках

государственные миллионы, которыми он может распоряжаться по своему усмотрению, за ним дух и идеология административной системы, основанной на подавлении всякого свободомыслия.

Шахматы, как и весь остальной спорт, часть этой системы, поэтому неудивительно, что долгие годы они находились под бюрократическим гнетом и ни о какой демократии, ни о какой свободе мнений не могло быть и речи. Многие шахматисты испытали на себе всю безжалостность этой машины. Десятки советских шахматистов, оказавшихся за пределами своей родины, — это тоже показатель того, что в нашем шахматном доме уже давно что-то не в порядке.

В публичных выступлениях я стараюсь избегать темы своих взаимоотношений с Карповым, хотя во многом через них начались основные конфликты между мной и управленческим аппаратом. Я понимаю, что в принципе эта тема уже всем наскучила и у каждого на сей счет собственное мнение. Но необходимо сказать, что Госкомспорт и президиум Шахматной федерации СССР, изначально заняв в этом вопросе вполне определенную позицию, в значительной степени предопределили и начало, и развитие конфликта.

Мы зачастую игнорируем тот факт, что система тоже оперативно реагирует на изменение политического и общественного климата в стране. Понимая, что топорное использование административной мощи стало крайне непопулярно, наиболее дальновидные апологеты системы выдвигают на авансцену своих лучших представителей. Происходит незаметная для многих подмена понятий: незаурядный индивидуум начинает своим именем и успехами прикрывать деятельность системы. С этим процессом мы регулярно сталкиваемся в идеологической сфере противостояния старого и нового.

Должен признать, что в случае с Карповым этот замысел с пропагандистской точки зрения был реализован блестяще. Еще в застойные годы вознесенный официозом на недосягаемую идеологическую высоту и став неотъемлемой частью системы, Карпов принял новые правила игры и благодаря своим выдающимся спортивным качествам и достижениям сумел отвлечь внимание общественности от хронических проблем шахмат, да и спорта в целом. Сделав из Карпова политический противовес моей деятельности, система все эти годы тщательно заботилась о поддержании безукоризненной репутации своего кумира в глазах народа.

Мы стали свидетелями того, как непомерно раздутым

конфликтом между «двумя К» — Карповым и Каспаровым — постарались прикрыть беззаконие и произвол, творимые в нашей шахматной жизни.

Вспомните скандальное окончание 55-го чемпионата страны в августе 1988 года. После того как мы с Карповым поделили 1—2-е места, по регламенту должен был состояться матч за звание чемпиона СССР. Но он так и не состоялся. Пущенный же организаторами и подхваченный рядом журналистов миф о якобы «непримиримых разногласиях» между нами был не более чем уловкой, призванной скрыть ответ на главный вопрос: кто и на каком основании отменил уже начавшийся матч? Я говорю «уже начавшийся», потому что была проведена его жеребьевка, с моим и Карпова участием, что фактически означает начало соревнования. Однако, придя на первую партию, я вместо нее попал на… пресс-конференцию (опять пресс-конференция!).

На вопрос, кто отменил матч, мне ответили, что это сделано по устному распоряжению зампреда Госкомспорта Гаврилина…

Трудно не заметить, что в очередной раз решение спортивных функционеров полностью совпало с требованиями Карпова, высказавшего недовольство не только необходимостью играть матч до первой победы, но и слишком близкой датой его начала. В проекте постановления бюро президиума Шахматной федерации было сказано: «Ввиду… усталости обоих участников». Из какого медицинского документа следовал этот неожиданный вывод? С каких пор соревнования прекращаются из-за того, что участникам не хочется играть или ввиду их усталости?

Ответ напрашивается: с 15 февраля 1985 года — с того дня, когда Кампоманес прервал наш первый матч на первенство мира, сославшись на критическое состояние здоровья участников и усталость судей, организаторов, зрителей и т. д. Кампоманес уверял, что действует, «руководствуясь высшими интересами шахмат», основываясь при этом на письме Советской федерации, подписанном Севастьяновым. Какое же нескрываемое удовольствие должно было прозвучать в словах Кампоманеса после разразившегося на 55-м чемпионате СССР скандала: «Теперь вы видите, что экспортируете в ФИДЕ свои проблемы!»

Начиная работать над книгой «Дитя перемен», я считал, что завершение борьбы за титул чемпиона мира означает завершение борьбы на всем шахматном фронте. Раньше так и было. Чемпион автоматически получал королевские полномочия, его мнение по важнейшим вопросам становилось определяющим. Посягнув на основы сложившейся в шахматах системы управления, я сам себя лишил чемпионской «неприкосновенности». Но, правда, только себя. Прежняя «неприкосновенность» осталась за прежним

чемпионом! Вот вам и ответ на вопрос, заданный в мае 1989 года шахматным обозревателем «Недели» Виктором Васильевым: «Как объяснить бесспорную аномалию: почему по адресу А. Карпова никто, кроме Г. Каспарова, не позволяет себе критических высказываний, а претензии к Г. Каспарову постоянно и беспрепятственно высказываются практически каждым, у кого есть для этого время и желание?» И тут же он привел внушительный список тех, кто выступал против меня «с резкими прямыми или завуалированными нападками»: «Студенческий меридиан», «Наш современник», «Советская Россия», «64 — Шахматное обозрение», «Спортивная Москва», «Советский спорт», обозреватель ТАСС, обозреватель «Правды» гроссмейстер А. Суэтин и другие.

Я не жалею о том, что лишился этой сомнительной чемпионской привилегии. Уверен: борьба за демократические ценности несовместима с диктатом кого бы то ни было!

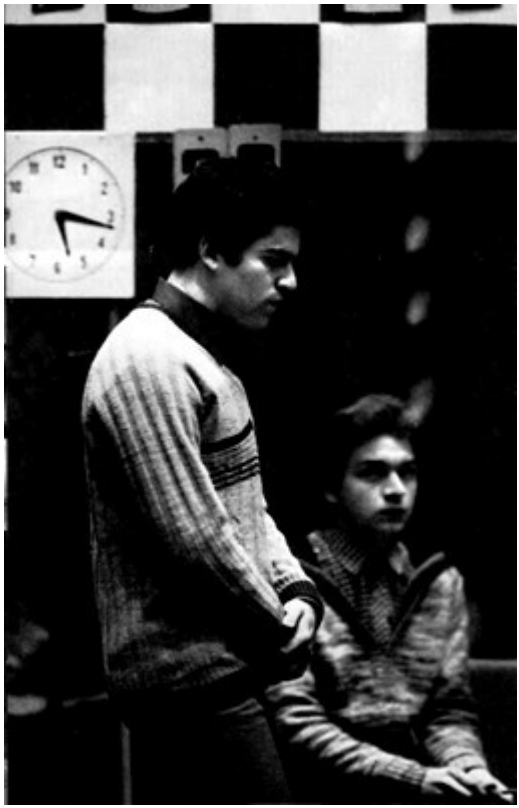
Многие недоумевают: зачем я продолжаю эту изнурительную борьбу? зачем рискую? Молод, материально обеспечен, достиг вершины в своей профессии! Чего еще? В какой-то момент — после четвертого матча — я тоже подумал: все, война закончилась. Это была иллюзия. Закончился лишь определенный этап моей жизни. И каждый раз, перерастая очередную проблему, побеждая очередного противника, я видел, что главные сражения еще впереди. Когда-то за Управлением шахмат я не видел бюрократов ФИДЕ, за Кампоманесом — чиновников Госкомспорта… Сегодня я свободен от иллюзий. И мог бы повторить слова Роберта Джордана из романа Хемингуэя «По ком звонит колокол»: «Впереди пятьдесят лет необъявленной войны с фашизмом, и я подписался на весь срок».

Мой безлимитный поединок…

ОСНОВНЫЕ ТУРНИРНЫЕ И МАТЧЕВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ Г. КАСПАРОВА

Год	Соревнование	+	—	=	Место
1976	Первенство СССР среди юношей, Тбилиси	5	—	4	1
1976	Чемпионат мира среди юниоров, Ватиньи	5	2	2	3—6
1977	Первенство СССР среди юношей, Рига	8	—	1	1
1977	Чемпионат мира среди юниоров, Кан-сюр-Мэр	6	2	3	3
1978	Мемориал А. Сокольского, Минск	11	2	4	1
1978	Всесоюзный отборочный турнир, Даугавпилс	6	1	6	1
1978	46-е первенство СССР, Тбилиси	4	4	9	9
1979	Международный турнир, Баня-Лука	8	—	7	1
1979	47-е первенство СССР, Минск	6	3	8	3—4
1980	Международный турнир, Баку	8	—	7	1
1980	Чемпионат мира среди юношей, Дортмунд	8	—	5	1
1980	XXIV Олимпиада, Мальта (2-й запасной)	8	1	3	2
1981	Международный турнир, Москва	3	1	9	2—4
1981	Международный турнир, Тилбург	3	3	5	6—8
1981	49-е первенство СССР, Фрунзе	10	2	5	1—2
1982	Международный турнир, Бугойно	6	—	7	1
1982	Межзональный турнир, Москва	7	—	6	1
1982	XXV Олимпиада, Люцерн (на 2-й доске)	6	—	5	3
1983	Четвертьфинальный матч претендентов с А.Белявским, Москва	4	1	4	
1983	Международный турнир, Никшич	9	1	4	1
1983	Полуфинальный матч претендентов с В.Корчным, Лондон	4	1	6	
1984	Финальный матч претендентов с В.Смысловым, Вильнюс	4	—	9	
1984/85	Матч на первенство мира с А.Карповым, Москва	3	5	40	
1985	Матч с Р.Хюбнером, Гамбург	3	—	3	
1985	Матч с У.Андерссоном, Белград	2	—	4	
1985	Матч на первенство мира с А. Карповым, Москва	5	3	16	
1985	Матч с Я. Тимманом, Хилверсум	3	1	2	
1986	Матч с Э. Майлсом, Базель	5	—	1	
1986	Матч-реванш на первенство мира с А. Карповым, Лондон — Ленинград	5	4	15	
1986	XXVII Олимпиада, Дубай (на 1-й доске)	7	1	3	1
1986	Международный турнир, Брюссель	6	1	3	1
1987	Международный турнир, Брюссель	6	—	5	1—2
1987	Матч на первенство мира с А. Карповым, Севилья	4	4	16	
1988	Международный турнир, Амстердам	6	—	6	1
1988	Международный турнир, Бельфор	9	1	5	1
1988	55-е первенство СССР, Москва	6	—	11	1—2
1988	Международный турнир, Рейкьявик	6	1	10	1
1988	XXVIII Олимпиада, Салоники (на 1-й доске)	7	—	3	1
1989	Международный турнир, Барселона	7	1	8	1—2
1989	Международный турнир, Шеллефтео	4	—	11	1—2
1989	Международный турнир, Тилбург	10		4	1

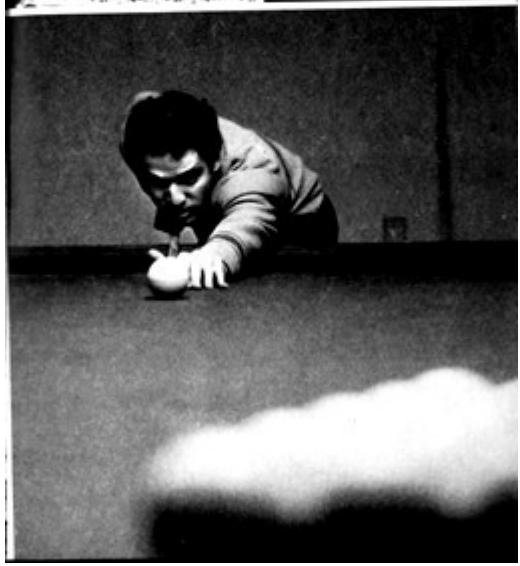
Фото Д. Донского, Б. Кауфмана, Р. Фернандеса и из семейного архива Каспаровых



КАРПОВ
КАСПАРОВ

ОВ
КАСПАРОВ

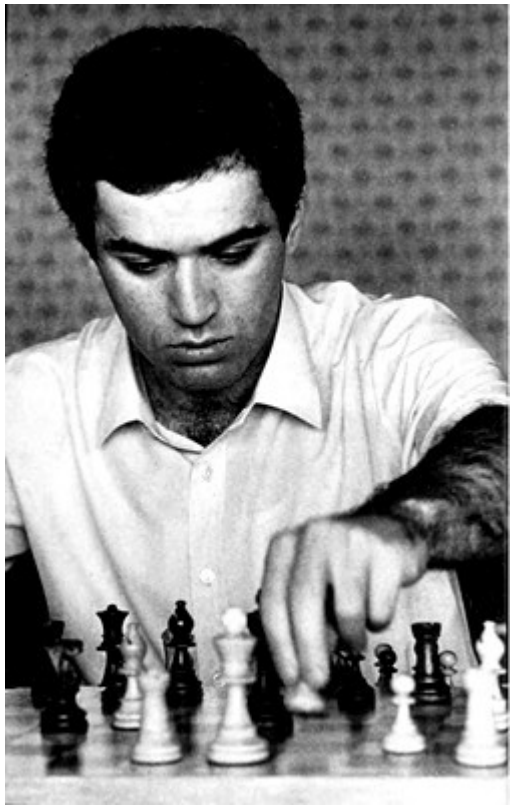
G. Kasparov



SCREEN GRAVURE
&
APHIC ARTS

SCREEN GR
&
GRAPHIC
MECCA
KASPAROV
KARPOV
SAVE &
PROSPER

FIDE
KASPAROV



Г Каспаров А Карпов

КАСПАРОВ
КАРПОВ
14
ВНИМАНИЕ.
ТИШИНА!

КАРПОВ
КАСПАРОВ

Белявский Каспаров

КАСПАРОВ

LONDON '86
KARPOV
KASPAROV
SAVE &
PROSPER

IMES
PRESS
FIDE
LONDON'86
SAVE &
PROSPER
KARPOV
KASPAROV
SAVE &
PROSPER

GEMS UNISUMUS

FIDE
VILNIUS '84
GENS UNA SUMUS
КАСПАРОВ СМЫСЛОВ

У. АНДЕРСОН
Г. КАСПАРОВ

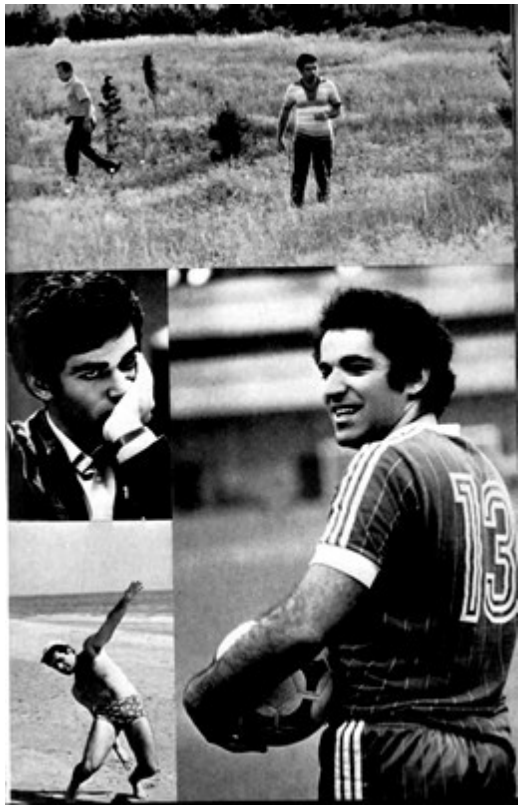
КАСПАРОВ

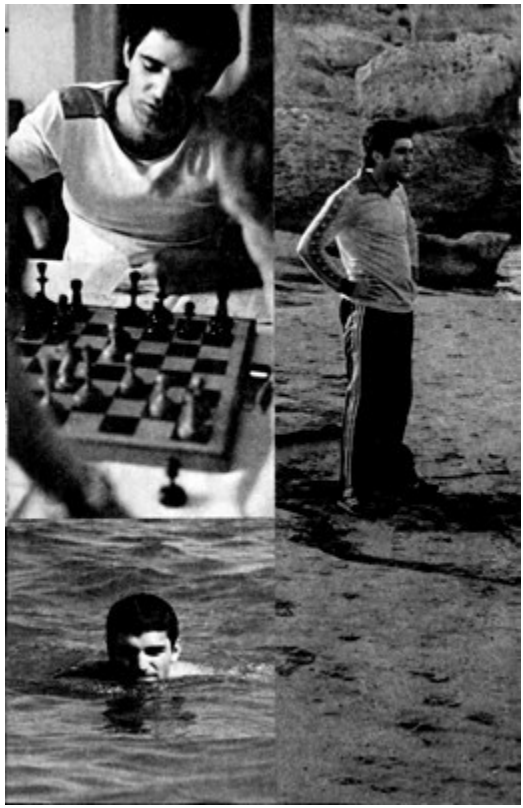
КАСПАРОВ

32
1

ЛЕНИНГРАД
КАСПАРОВ КАРПОВ

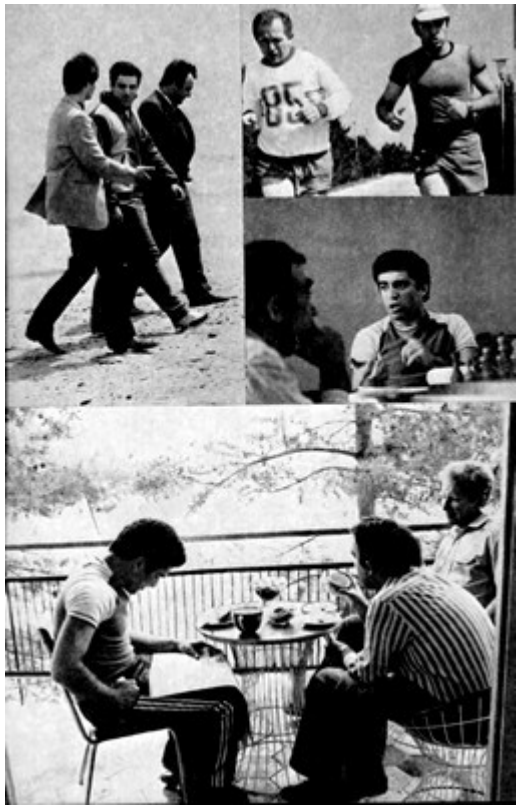
КАСПА


13



КАСПАРОВ КАРПОВ

FIDE
МОСКВА '84
GENS UNA SUMUS



СССР

СССР
12